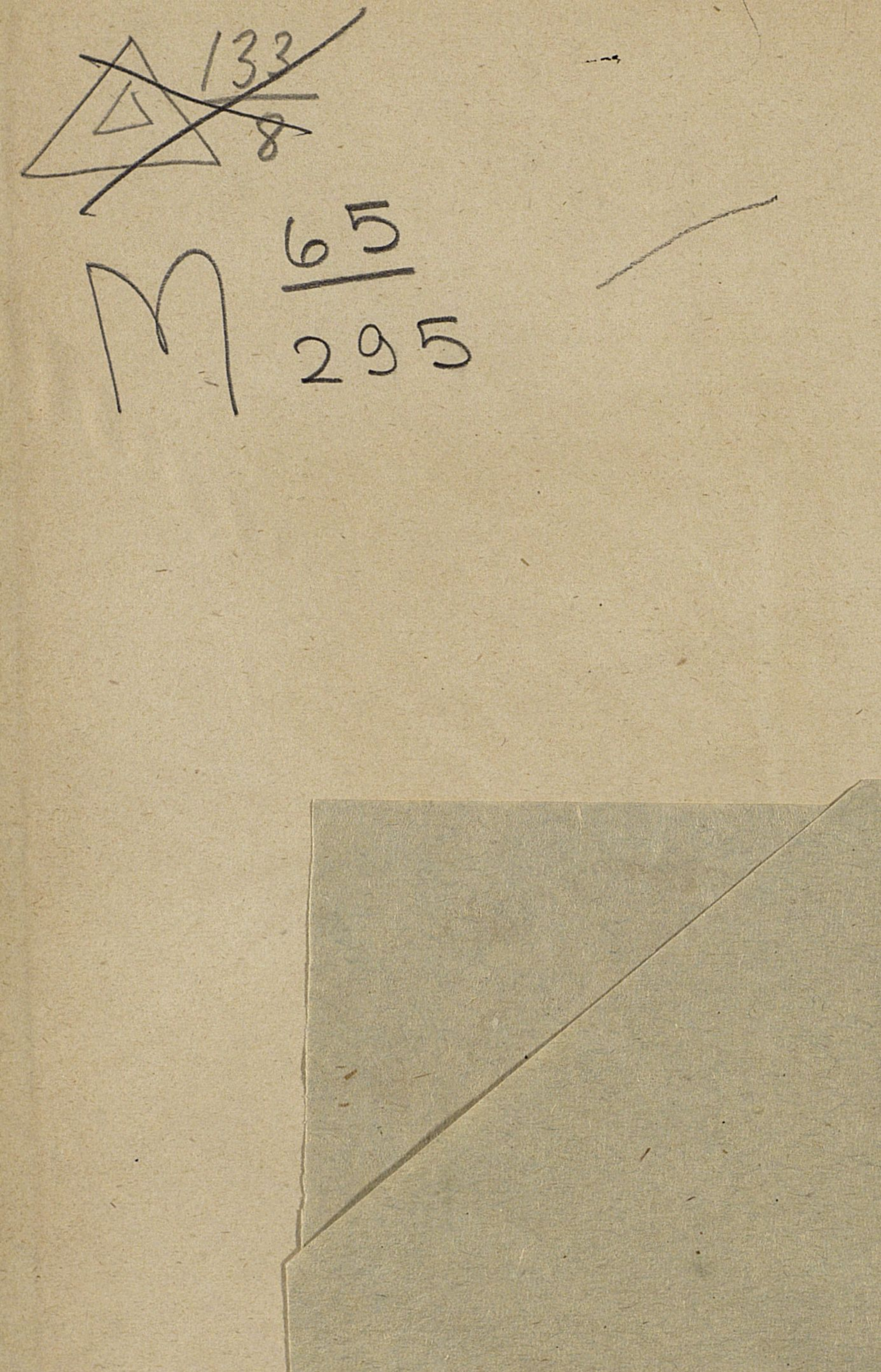

133
8
M 65
295

2772

Н. Березинъ.

ПѢШКОМЪ

КЪ КАРЕЛЬСКИМЪ ВОДОПАДАМЪ.

Съ 60 рисунками художника *И. С. Казакова* и оригинальными фотографіями автора, съ 5 карточками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза".
Большая Подьяческая, 39.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 сентября 1902 г.

Посвящается моему спутнику крестьянину Рязанской губерніи Ивану Григорьевичу Балашову.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Снаряженіе.

Заходитъ ко мнѣ прошлой весной знакомый крестьянинъ. Здоровается, садится.

— Что новаго?

— Новаго? Новаго то, что я сейчасъ безъ мѣста.

— Н-да, это плохо.

— Плохо, да не очень. Черезъ двѣ недѣли выйдетъ новое.

— А эти двѣ недѣли что будете дѣлать?

— Да такъ, проживу какъ нибудь.

— Какъ нибудь... А знаете что, Иванъ Григорьевичъ? Я собираюсь совершить пѣшеходное странствіе на Кивачъ. Пойдемте со мной.

— На Кивачъ? Это что-жъ такое? Мѣсто или городъ?

— Знаменитый водопадъ въ Олонецкой губерніи на рѣкѣ Сунѣ. Идти одному—скучно, а со своимъ братомъ, образованнымъ человѣкомъ, боюсь связаться. На себя я надѣюсь, потому что знаю, сколько могу вынести. Изъ знакомыхъ желающихъ нѣтъ, а съ неизвѣстнымъ человѣкомъ спутаться страшно,—ну какъ захромаетъ, заболѣетъ или придетъ въ дурное настроеніе отъ всякихъ путевыхъ неудобствъ. Пойдемте, что ли?

Иванъ Григорьичъ и не думалъ, а сразу согласился. Стали мы размышлять, какъ намъ идти и какъ снарядиться. Времени у меня было всего двѣ недѣли, такъ что начать пѣшее странствіе изъ Петербурга нечего было и думать, да и не стоило—что тутъ подъ городомъ интереснаго! Мы рѣшили добраться до Петрозаводска на пароходѣ, оттуда направиться на Кивачъ, а остатокъ

времени употребить на переходъ съ Кивача на городъ Олонецъ по глухимъ лѣсамъ черезъ карельскія деревни. На этомъ пути можно было познакомиться съ природой и жителями сѣвернаго края. Съ Олонца рукой подать до пароходной пристани на Свири, гдѣ мы могли снова сѣсть на пароходъ и вернуться въ Петербургъ. Мысль совершить это странствіе возникла у меня такъ внезапно, что я не успѣлъ ознакомиться съ мѣстностью по книгамъ и долженъ былъ ограничиться картой, но такъ какъ я собирался совершить прогулку, а не ученое путешествіе, то малое знакомство съ краемъ не смущало меня. Тѣмъ лучше, думалось мнѣ, постараюсь больше смотрѣть своими глазами.

Намъ хотѣлось быть какъ можно независимѣе отъ всякихъ обстоятельствъ, а потому надо было старательно обдумать предметы снаряженія. Мы идемъ пѣшкомъ и понесемъ вещи на себѣ, слѣдовательно надо взять ихъ какъ можно меньше; но съ другой стороны мы не хотимъ зависѣть отъ кого или чего либо и собираемся въ глухую мѣстность, гдѣ заранѣе извѣстно, что ничего достать нельзя, а потому надо было взять все необходимое. Я обратилъ главное вниманіе на три вещи: оружіе, инструменты и обувь. Оружіе казалось мнѣ необходимымъ, потому что въ тѣхъ лѣсахъ водятся звѣри, встрѣча съ которыми можетъ быть непріятна или даже опасна, а съ другой стороны могло случиться, что намъ пришлось бы пропитывать себя охотой. Изъ оружія мы взяли съ собой малокалиберную винтовку, револьверъ и ножи. Изъ инструментовъ необходимъ былъ собственно только компасъ, но для измѣренія высотъ и знанія погоды интересно было имѣть барометръ, а также и термометръ. Такъ я и сдѣлалъ и пріобрѣлъ компасъ, маленькій, но хорошій барометръ анероидъ и походный термометръ Цельсія. Наконецъ послѣдній пунктъ была обувь. Я рѣшился остановить свое вниманіе на высокихъ сапогахъ, которые казались мнѣ всего удобнѣе при движеніи по каменистой и болотистой мѣстности. Одежда состояла изъ русской рубахи, шароваръ, легкой фуражки, теплой куртки и непромокаемой накидки. Остальной нашъ багажъ составляли: маленькій, но очень хорошій фотографическій аппаратъ, 13 дюжинъ пленокъ къ нему, патроны, перемѣна бѣлья, полотенца, жестяной чайникъ съ двумя чашками и ложками, кусокъ кожи, шилья и дратва (для починки обуви), нитки, иголки веревочки и тому подобная мелочь. Одни вещи можно было нести на ремняхъ: ружье, фотографическій аппаратъ, свернутыя накидки, а все остальное мы уложили въ

саквояжъ, который предстояло нести за спиной тоже на ремнѣ. Выбравъ тщательно все нужное, мы свѣсили нашъ багажъ, чтобы точно знать, сколько намъ придется нести на себѣ. Оказалось около пуда. Этотъ грузъ мы раздѣлили на двѣ части: тяжелую и легкую, рѣшивъ нести ихъ поочередно.

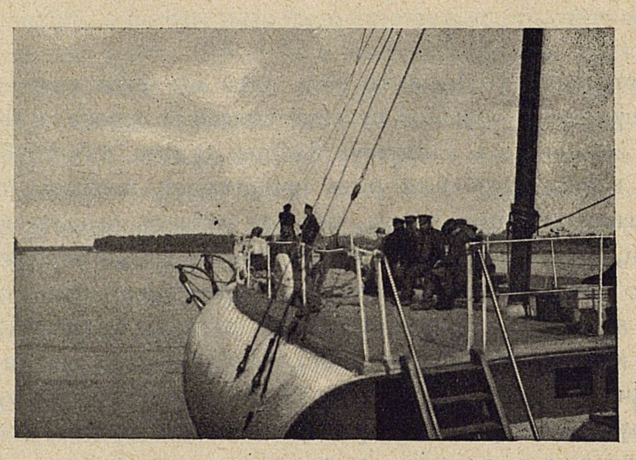
ГЛАВА ВТОРАЯ.

Изъ Петербурга на Петрозаводскъ.

Въ четвергъ 7-го Іюня въ 10 ч. утра мы были уже на пароходной пристани. Большой пузатый колесный пароходъ «Кивачъ» спѣшно доканчивалъ нагрузку. Машина гудѣла, изъ трубы вился дымъ, а колеса нѣсколько разъ принимались шлепать по водѣ, словно пароходъ былъ птица, которая машетъ передъ полетомъ крыльями, желая узнать, годны ли они въ дѣло. Бородатые бѣлокурые матросы катали бочки и перекувыркивали въ трюмъ большіе ящики. По сходнямъ бѣгали люди въ пиджакахъ съ какими-то квитанціями; они кричали, дѣлали знаки руками и безъ церемоніи протискивались сквозь густую толпу разной провожающей публики, среди которой рѣшительно преобладали бабы. Всякіе поклоны, пожеланія, напоминанія и даже угрозы неслись по воздуху съ пристани на пароходъ и обратно подъ акомпаниментъ громыханья грузовъ и гудѣнья машины. Насъ никто не провожалъ, и мы никого не покидали, а потому мы спокойно могли наблюдать эту суетню. Наконецъ прозвенѣлъ давно желанный третій звонокъ, но еще прошло не мало времени, прежде чѣмъ сволокли на пароходъ послѣдній пудъ клади, свели по сходнямъ на пристань какого-то слѣпенькаго старичка и согнали прочую постороннюю публику, что, разумѣется, не обошлось безъ крику и ругани. Наконецъ «Кивачъ», потоптавшись нѣсколько минутъ у пристани, высунулся изъ толпы окружавшихъ его барокъ и пошелъ вверхъ по Невѣ серединой рѣки. Утро было теплое, солнечное; невскіе берега, уставленные заводами, фабриками, окаймленные полосой грузившихся барокъ, весело бѣжали по сторонамъ. Звуки, краски и предметы смѣшивались въ одно бод-

рое настроеніе движенія. Вскорѣ зданія стали рѣдѣть: направо мелькнуло Рыбацкое селеніе, налѣво Саратовская колонія, и за ними потянулись ровные рѣчные обрывы, о которые весело плескали волны. Подъ городомъ жизнь кипѣла на берегахъ, и Нева казалась сравнительно пустынной, теперь, наоборотъ, берега были безлюдны, а барки и буксиры на рѣкѣ придавали ей оживленіе.

«Кивачъ» не торопился; онъ равномѣрно шлепалъ колесами и тяжко и мѣрно вздыхалъ. Каюта II-го класса была набита, тутъ преобладали купеческіе картузы и приказчичьи «спинжаки», которые, прочно усѣвшись за длиннымъ столомъ, пили чаи и вели торговые разговоры. Кромѣ нихъ были двѣ, три чиновничьи фуражки, которыя покушали буфетной снѣди и немедленно затѣмъ



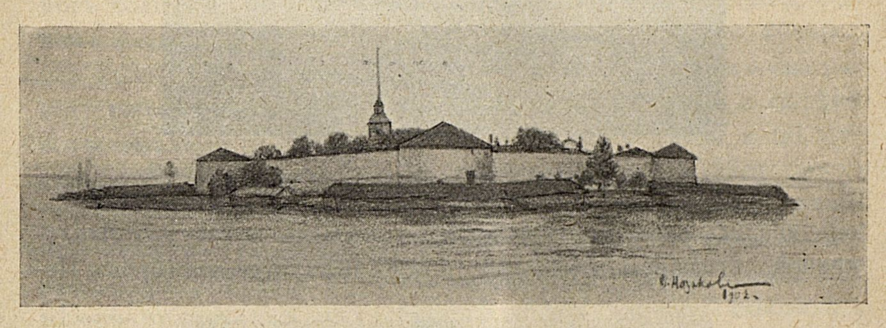
Носъ „Кивача".

завалились спать на красные диваны, выказавъ этимъ полное пренебреженіе и къ спутникамъ и къ природѣ, мелькавшей въ круглыя окошки, за которыми шуршала и плескала вода. Въ темномъ концѣ каюты подъ одѣяломъ лежалъ вытянувшись сильно исхудалый человѣкъ, очевидно больной чахоткой. Глаза его иногда сверкали въ полумракѣ, онъ глухо кашлялъ, плевалъ, а время отъ времени подымался и съ какой то торжественной вѣрой наливалъ въ ложку и выпивалъ лѣкарство, точно исцѣленіе зависѣло именно отъ аккуратнаго пріема его. Помѣщеніе было грязно и изобиловало мухами и другими насѣкомыми, а потому мы заглядывали туда только по необходимости и проводили все время на палубѣ.

Берега Невы мало интересны. Рѣка течетъ, слабо извиваясь, среди ровныхъ обрывовъ; мѣстами она расширяется, образуя за-

ливы, а на порогахъ сильно съуживается, но пороги проявляютъ себя только тѣмъ, что вода сильнѣе рябитъ на нихъ и несется быстрѣе. Около 4-хъ часовъ «Кивачъ» прошелъ мимо Шлиссельбурга и сталъ выбираться въ озеро, въ Ладогу, необъятная гладь котораго уходила въ даль среди низкихъ разступавшихся береговъ. На берегу виденъ былъ соборъ, пристани и пароходы, а изъ шлюза, которымъ открывается въ Неву Ладожскій обходной каналъ, медленно, какъ червь, выползала тяжело нагруженная барка. При истокѣ Невы Ладога образуетъ широкую но мелкую губу, по которой вьется опасный Кошкинскій фарватеръ.

Нева выбѣгаетъ изъ озера двумя рукавами, оставляя между ними небольшой островокъ Орѣховый, на которомъ стоитъ знаменитая выстроенная еще шведами крѣпость Шлиссельбургъ, по



Шлиссельбургская крѣпость на островѣ Орѣховѣ.

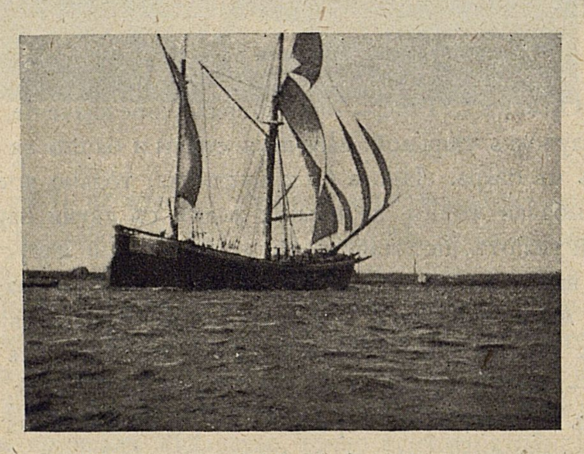
русскому Орѣшекъ. Теперь она потеряла свое значеніе, какъ крѣпость и служитъ тюрьмой. Мрачныя стѣны и башни ея долго еще виднѣлись съ озера. Ладога была пустынна, только кое-гдѣ виднѣлись рыбачьи соймы, небольшія лодки съ двумя парусами, да неуклюжій галіотъ, подставляя вѣтру громадный парусъ, тяжело двигался впередъ, закругляя надъ водой свою пузатую корму. Слѣва на мысу виднѣлось досчатое зданіе Кошкинскаго маяка.

Мы съ Иваномъ Григорьевичемъ жадно смотримъ на озеро. Вотъ она—Ладога, самое громадное озеро въ Европѣ. Чудь, сидѣвшая въ древности по берегамъ озера, называла его Нево, а у новгородцевъ было сначала въ ходу названіе Алдея и Альдога, и только съ 1228 г. озеро называется Ладогой. Но еще раньше новгородцевъ по нему плавали варяги, когда направлялись по великому водному пути въ Кіевъ или Царьградъ. Они даже срубили на южномъ берегу его городокъ Альдегаборгъ (тамъ, гдѣ теперь Старая Ладога).

Нева и Ладога, въ которое впадаетъ съ юга Волховъ, представляютъ естественный выходъ въ море, и потому понятно упорство, съ какимъ боролись здѣсь новгородцы со шведами. Хотя въ 1240 г. Александръ Невскій отбилъ нападеніе шведовъ, однако

Гальотъ.

они явились снова и загородили путь по Невѣ крѣпостью Ландскроной, стоявшею тамъ, гдѣ теперь находится пригородъ Пе-



Гуккарь.

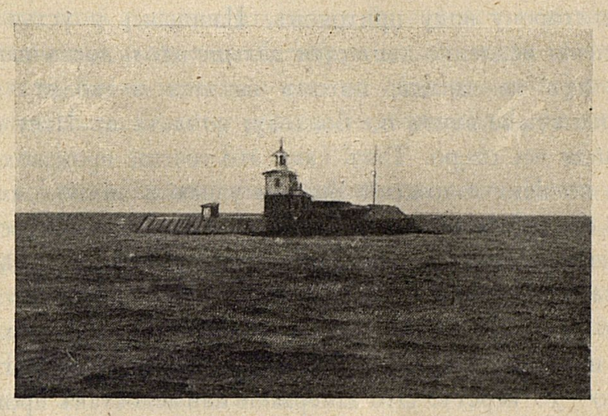
тербурга Охта. Новгородцы разрушили ее и построили свою на островѣ Орѣховѣ, но шведы въ концѣ концовъ овладѣли всѣмъ побережьемъ. Послѣ основанія Петербурга, Ладога стала русскимъ озеромъ, и Петръ, въ заботѣ о своей новой столицѣ, торопясь

соединить ее съ русскими областями хорошей водной дорогой. заложилъ въ 1719 г. первый обходной Ладожскій каналъ. Сюда на топкіе берега озера были согнаны по царскому указу тысячи рабочихъ, которые мерли, какъ мухи, и всетаки къ 1723 г. каналъ былъ вырытъ всего на 12 в. Докончилъ его уже Минихъ въ 1731 г. Вообще эти мѣста привлекли къ себѣ вниманіе проницательнаго Петра еще раньше, въ 1702 г., когда онъ прошелъ съ войскомъ по Онежскимъ болотамъ изъ Архангельска на устье Невы. Петръ еще тогда увидѣлъ, что устье Невы можно соединить съ Волгой въ нѣсколькихъ мѣстахъ. По своей привычкѣ не откладывать дѣла въ дальній ящикъ онъ пригласилъ знаменитаго въ то время англійскаго инженера Перри сдѣлать развѣдки между Онежскимъ и Бѣлымъ озеромъ. Перри былъ толстъ и не могъ ходить по болотамъ, его носили по нимъ на жердяхъ, а за нимъ «нашивали мѣдное блюдце со сквозными рожками, которое онъ ставилъ на распорки и, прищурясь, однимъ глазомъ сматривалъ по волоскамъ, натянутымъ въ сквозныхъ рожкахъ; а по тѣмъ волоскамъ велѣлъ ставить отъ мѣста до мѣста шесты и по шестамъ рубить просѣку». Такъ разсказывалъ графу Сиверсу, строителю Маріинской системы, вытегорскій крестьянинъ Пахомъ, имѣвшій отъ роду 115 лѣтъ и помнившій царя, про астролябію, съ помощью которой Перри намѣчалъ направленіе будущаго канала. «За нѣмчиною случалося мнѣ зачастую носить длинное сквозильце (зрительная труба), въ которое тотъ сматривалъ, когда выходилъ изъ лѣсу на высокое или открытое мѣсто и оттуда видѣлъ Богъ вѣсть, какъ далеко». Черезъ годъ Петръ самъ явился сюда для провѣрки изысканій Перри, переходилъ по болотамъ и лѣсамъ и спалъ въ шалашахъ, сплетенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей. Въ народѣ до сихъ поръ живы воспоминанія о Петрѣ, котораго называютъ не по имени, а величаютъ словами «осударь», «батюшка», «надежа». «А батюшка осударь былъ роста высокаго, всѣхъ людей выше цѣлою головою; часто встряхивалъ онъ своими черными кудерьками, а пуще, когда случался въ раздумьи. Не гнушался онъ нашего житья-бытья, кушивалъ нашу хлѣбъ-соль и пожаловалъ отцу моему серебряный полтинникъ». Эта простота царя въ обращеніи съ народомъ, его готовность выносить всякія невзгоды походной жизни и самому подавать примѣръ другимъ, до извѣстной степени примиряютъ народъ съ тѣми бѣдствіями, которыми сопровождались работы на каналахъ, буквально устланныхъ костями погибшихъ здѣсь отъ лихорадокъ и лишеній рабочихъ.

Наряду съ воспоминаніями изъ дѣйствительной жизни ходятъ также разные анекдоты. Такъ жителей Вытегры, вытегоровъ, называютъ ворами: «Вытегоры—воры, Осударевъ камзолъ украли». Преданіе говоритъ, что какой-то Гришка выпросилъ себѣ у Петра его камзолъ «на шапки, а шапки мы не только себѣ и дѣтямъ, но и правнукамъ запасемъ на память о твоей, осударь, милости», но злые языки утверждаютъ, что Гришка не выпросилъ, а попросту укралъ камзолъ.

Каналъ, заложенный Петромъ и конченный Минихомъ, тянется на 104 версты отъ Шлиссельбурга до устоя Волхова и называется именемъ Петра. За нимъ на 10 в. до устья Сязи тянется каналъ Сязьскій или Екатерины II, оконченный въ 1802 г., а далѣе, до устья Свири на 38 в. проходитъ каналъ Свирскій или Александра I, законченный въ 1810 г. Отсюда судоходство направляется по Свири до пристани Вознесенье, гдѣ начинается обходной Онежскій каналъ, оканчивающійся при устьи Вытегры. Верховье этой рѣки соединено съ рѣкой Ковжей короткимъ Маріинскимъ каналомъ. Вся система этихъ каналовъ была задумана Петромъ I, но проектъ его осуществился лишь въ 1810 г. Говорятъ, что на проектъ этотъ наткнулись случайно въ царствованіе Павла I, да запнулись за неимѣніемъ средствъ, но императрица Марія Ѳедоровна нашла возможнымъ позаимствовать для этого дѣла 400,000 р. изъ суммъ Воспитательнаго Дома. Оттого-то вся система получила названіе «Маріинской», но народъ, который хорошо зналъ, на какія деньги строились каналы, прозвалъ ее «шпитальной». Вскорѣ оказалось, что каналы эти тѣсны для движенія. Тогда, въ 1861 г. принялись прокладывать вдоль этихъ каналовъ, но ближе къ берегу озера, вторую линію, сооруженіе которой закончилось лишь недавно, въ 1883 г. Новые каналы получили названія: Александра II (104 в.), Маріи Ѳедоровны (10 в.) и Александра III (44 в.), но обыкновенно ихъ называютъ по старому: Ладожскимъ, Сязьскимъ и Свирскимъ. Кто видалъ каналы заграницей или хотя бы Сайменскій каналъ въ Финляндіи, тотъ, не задумаясь, признаетъ каналы нашей Маріинской системы жалкими сооруженіями, да и надобность въ нихъ проявляется только потому, что закоснѣлые въ своихъ привычкахъ купцы и промышленники не хотятъ строить порядочныхъ судовъ, которые могли бы ходить по Ладожскому и Онежскому озеру. Они предпочитаютъ сплавлять грузы въ дрянныхъ баркахъ, иныя изъ которыхъ строятся только на одинъ разъ и по прибытіи въ Петербургъ распиливаются на

дешевыя дрова. А посмотрите что это за озеро, Ладога.—цѣлое море Оно тянется въ длину на 194½ версты, въ ширину на 122½, представляя громадную скатерть воды почти въ 16.000 кв. верстъ (15.922,7). На югѣ еле виденъ низкій берегъ, въ топкой почвѣ котораго залегаютъ обходные каналы; чуть замѣтные островки (Зеленцы и Кареджи), мели и камни не позволяютъ плавать въ этихъ мѣстахъ, зато къ серединѣ озера глубина увеличивается до 40 саженей, а въ сѣверо-западномъ углу Ладоги, гдѣ оно врѣзается въ финскіе граниты извилистыми заливами, фьордами, шкерами, глубина доходитъ мѣстами до 122 с. Здѣсь противъ высокихъ береговъ лежитъ множество скалистыхъ острововъ и камней. Цѣпь ихъ отъ г. Кексгольма протягивается до группы



Маякъ на Ладогѣ близъ устья Свири.

Валаамской, состоящей изъ 40 острововъ съ общей площадью въ 33 кв. в., среди которыхъ самый большой Валамо, а на немъ знаменитый Преображенскій монастырь. Сколько воды въ этомъ озерѣ! Нѣсколько большихъ рѣкъ—Вуокса, Свирь, Сязь, Волховъ и безчисленное число мелкихъ рѣчекъ, льютъ въ него воды изъ сосѣднихъ озеръ и болотъ, и вся масса этой воды, собирающейся съ громаднаго пространства, уходитъ въ море черезъ единственный стокъ—Неву. Медленно и величаво изливаютъ въ Ладогу свои воды южные и восточные притоки, тогда какъ сѣверные шумно пѣнятся по гранитнымъ порогамъ. День и ночь льется въ озеро вода, вытекая на другомъ концѣ. Но погода перемѣнчива: то идутъ дожди, то сухо, а потому количество воды, приносимой притоками, колеблется, и озеро словно медленно дышетъ, то подымая, то опуская свой уровень. Колебанія эти невелики и рѣдко до-

стигаютъ сажени (самое большое 7 ф. 3½ д., а самое большое въ одинъ и тотъ же годъ 3 ф. 11½ д.), гораздо замѣтнѣе сгоны и нагоны воды въ мелкой Невской губѣ; здѣсь сильный западный вѣтеръ отжимаетъ воду къ востоку, такъ что Кошкинъ фарватеръ мелѣетъ и становится почти непроходимъ, но этотъ же вѣтеръ нагоняетъ воду изъ Финскаго залива въ устье Невы, угрожая Петербургу наводненіемъ. Наоборотъ, восточный вѣтеръ пригоняетъ воды Ладоги къ Невѣ, а въ ней сгоняетъ воду въ Финскій заливъ. Такимъ образомъ вода отъ нажима вѣтра качается въ озерѣ, словно чай въ блюдечкѣ. Тотъ же западный вѣтеръ,—а вѣдь онъ дуетъ въ нашихъ мѣстахъ чаще всего, приводитъ воду Ладоги въ медленное круговое теченіе, отшибая вмѣстѣ съ нимъ въ ту же сторону воду притоковъ. Начинаясь у устья Волхова, струя теченія медленно движется дальше вдоль восточнаго берега, загибая тамъ на западъ, потомъ на югъ и входитъ въ Неву. Бревно, плывущее внизъ по Волхову, войдетъ въ Неву не иначе, какъ обойдя все озеро. Такъ какъ это теченіе производится вѣтромъ, то по нему ладожскіе рыбаки узнаютъ зимой, замерзла ли середина озера или нѣтъ. Если теченіе увлекаетъ въ свою сторону опущенныя въ проруби сѣти, значитъ по серединѣ вѣтеръ свободно гуляетъ по незамерзшему озеру, если этого нѣтъ—озеро стало. Но это бываетъ только въ самыя холодныя зимы, а обыкновенно на Ладогѣ замерзаетъ лишь кайма вдоль берега, шириною въ 20—30 верстъ. Это замерзаніе или ледоставъ происходитъ обыкновенно въ срединѣ декабря (14 го числа) въ то время, какъ Нева уже стала (около 20-го ноября), и замерзаетъ то сперва мелкая южная часть озера, потомучто дальше вѣтеръ подымаетъ волну и не даетъ образоваться льду. Здѣсь же на югѣ ледъ раньше таетъ отъ теплой воды, которую приносятъ вскрывшіяся рѣки. Хорошо, если въ ту пору, какъ ледъ весной взламывается на Ладогѣ, дуетъ упорный сѣверный или сѣверо-восточный вѣтеръ— онъ сгоняетъ ледъ со всего озера къ Невѣ, которая выноситъ его въ море, но если вѣтеръ задуваетъ съ запада, юго-запада или юга, то онъ, наоборотъ, угоняетъ ледъ въ другой конецъ озера, и ледъ долго носится по Ладогѣ, пока не растаетъ въ его волнахъ или не выброситъ его на берегъ. Обыкновенно Ладога совсѣмъ очищается отъ льда около 6-го мая (Нева—22 апрѣля). Такимъ образомъ по озеру можно свободно плавать около 200 дней въ году (191—197).

— Вотъ, Иванъ Григорьевичъ, какое это озеро, — говорю я

своему спутнику, любующемуся невиданнымъ воднымъ просторомъ. Что бы сдѣлали съ нимъ голандцы или англичане? А? Сейчасъ мы точно въ пустынѣ—не видать ни лодки, ни паруса, а посмотрѣть въ бинокль на берегъ—вѣдь безлюдье!

— Н-да,—отвѣчаетъ Иванъ Григорьевичъ,—голландцы тѣ бы тутъ селедку развели, да и ловили бы.

— Ну селедку, не селедку, а должно быть съумѣли бы воспользоваться этимъ внутреннимъ моремъ. Видѣли вы, какіе тутъ суда—галіотъ да сойма. Вѣдь сойма, на соймахъ здѣсь еще новгородцы плавали, а галіоты строить научилъ Петръ. Что такое галіотъ? Галіотъ голландское судно 17-го вѣка, и хоть бы что нибудь лучшее придумали съ тѣхъ поръ! Вотъ, Иванъ Григорьичъ, еслибъ дали намъ распорядиться, мы бы сейчасъ нарядили экспедицію для полнаго изученія Ладоги и всѣхъ озеръ съ окрестностями, завели бы мореходные классы, образцовыя верфи, прокопали бы каналъ къ Бѣлому морю и въ Финляндію, стали бы рыбу разво...

— И совсѣмъ ни къ чему,—обрываетъ меня Иванъ Григорьичъ,—лучше бы всѣхъ жителей грамотными сдѣлать, да по настоящему, а не какъ мы теперь, тогда нечего вамъ и дѣлать было-бъ, сами все сдѣлали бы, какъ голландцы или англичане.

— Кто-жъ васъ сдѣлаетъ грамотными? Сами должны сдѣлаться. Не хотите, значитъ.

— Какъ не хотѣть! Да вѣдь...

Иванъ Григорьичъ машетъ безнадежно рукой и горько улыбается.

— А знаете, что по озеру большею частью возятъ?

— Что?

— Дрова, да лѣсъ; самый дешевый грузъ. Рыбу по бѣдности ловятъ молодою, рыба повывелась, а рыбаки жалуются, точно не сами вывели ее.

Къ вечеру вѣтеръ спалъ, и озеро стало какъ зеркало, отражая алѣющее небо. Вдали темной полоской еле виднѣлся берегъ. На пути парохода то и дѣло попадались рыбачьи сѣти. Деревянные поплавки ихъ, точно вереница чаекъ, тянулись по водѣ, въ то время какъ тяжелыя грузила тянули сѣть внизъ, заставляя ее стоять стѣной. Пароходъ безъ всякаго смущенія идетъ черезъ сѣти, и такъ какъ колеса его сидятъ въ водѣ выше, чѣмъ киль, то сѣти не рвутся отъ такого натиска, а снова всплываютъ за кормой. Вотъ впереди на водѣ показалась какая то черная точка.

— Утка,—утверждаетъ Иванъ Григорьичъ.

— Нѣтъ, не похоже. Вотъ посмотримъ, взлетитъ—значитъ утка, нырнетъ—значитъ тюлень.

Въ это мгновенье черная точка исчезаетъ въ водѣ, подтверждая тѣмъ справедливость послѣдняго предположенія. Мы съ любопытствомъ смотримъ, долго ли тюлень пробудетъ подъ водой, не вынырнетъ ли онъ возлѣ борта парохода. Но проходитъ нѣсколько минутъ, и только тогда черная точка снова показывается далеко за кормой парохода. Осторожный звѣрь, видно, хорошо знаетъ, что встрѣчи съ людьми надо избѣгать. Тюлени водятся въ Ладожскомъ озерѣ издавна. Это потомки тюленей, которые жили въ этихъ водахъ еще въ тѣ отдаленныя времена, когда широкій морской проливъ соединялъ Бѣлое море съ Балтійскимъ. Ихъ теперь немного, потому что рыбы въ озерѣ мало. Прибрежные жители по своей бѣдности не брезгаютъ мелкой рыбой, которую вылавливаютъ сачками, отчего озеро годъ отъ году теряетъ свои рыбныя богатства. Къ вечеру нашъ пароходъ сталъ приближаться къ восточному берегу и вскорѣ вошелъ въ устье рѣки Свири. Какое грустное впечатлѣніе производятъ эти топкія, поросшія жидкимъ камышомъ мѣста! Справа и слѣва камыши и озера, и только кое гдѣ торчитъ на сваяхъ полуразвалившаяся рыбачья лачуга. Утки, вспугнутыя пароходомъ, стаей летятъ низко надъ водой и исчезаютъ за стѣной камышей.

Въ часъ ночи пароходъ причаливаетъ къ мѣстечку Сермакса. Ночь, но свѣтло, какъ днемъ, и чуть ли не все населеніе Сермаксы высыпало на пристань. Пароходъ спускаетъ нѣсколькихъ пассажировъ и спѣшно сбрасываетъ кое-какой грузъ. Опять крики, толкотня, нищіе и слѣпые съ поводырями-мальчишками канючатъ у равнодушныхъ пассажировъ милостыню; лавочникъ открылъ свой ларекъ съ булками и папиросами, а нѣсколько бабъ наперебой предлагаютъ изъ своихъ корзинъ пироги съ сигами. Мы хотимъ купить, но въ это время отъ пристани отчаливаетъ лодка съ солдатами пограничной стражи: офицеръ величественно стоитъ на кормѣ и очевидно хочетъ блеснуть своей молодцоватой командой, которая начинаетъ лихо гресть, но въ самый торжественный моментъ у какого-то солдатика срывается весло, и онъ летитъ кубаремъ назадъ, высоко дрыгая въ воздухѣ ногами въ дрянныхъ сапогахъ. Весь эффектъ потерянъ, и сконфуженная лодка спѣшитъ поскорѣе убраться прочь. Не успѣли мы отойти отъ смѣха, вызваннаго этимъ случаемъ, какъ разыгрывается новое

происшествіе. Какой-то несчастный, больной падучей болѣзнью, грохнулся на полъ, чуть не свалившись въ воду Мужики въ сермягахъ столпились кругомъ, бабы заохали и принялись соболѣзновать, но пароходъ далъ свистокъ и сталъ отваливать, оставляя за собой въ блѣдномъ свѣтѣ бѣлой ночи Сермаксу и ея обитателей. Мы еще сидимъ нѣсколько времени на палубѣ, но становится свѣтло и клонитъ ко сну. Кое какъ устроились мы на красныхъ диванахъ въ душной каютѣ, но заснули не скоро и спали всего какихъ нибудь три часа.

На зарѣ «Кивачъ» присталъ къ Лодейному Полю. Лодейное поле получило свое названіе отъ корабельной верфи, которую заложилъ здѣсь въ 1702 г. Петръ I Царь собственноручно заложилъ на ней 6 фрегатовъ и 9 шнявъ и въ сентябрѣ 1703 г. возвратился отсюда въ Петербургъ на первомъ построенномъ здѣсь фрегатѣ «Штандартъ», который былъ первымъ русскимъ кораблемъ, вышедшимъ черезъ Ладогу и Неву въ Балтійское море Вѣроятно Петръ возлагалъ большія надежды на эту верфь, заложенную въ лѣсистой мѣстности. Посмотрѣлъ бы онъ теперь, что сдѣлали изъ творенія его рукъ потомки: жалкіе домишки тянутся вдоль единственной улицы, за которой видно пустое поле, большой бѣлый соборъ и возлѣ него обелискъ—памятникъ, поставленный великому царю какимъ-то неизвѣстнымъ почитателемъ, съ надписью, которая заканчивается словами: «да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный простымъ усердіемъ воздвигнутый памятникъ».

Стоитъ только посмотрѣть на это несчастное мѣстечко, чтобы понять какое жалкое существованіе ведутъ его обитатели. Но въ отдаленныя времена было еще хуже. Тогда по берегамъ Свири тянулись дремучіе лѣса, въ которыхъ звѣринымъ образомъ жила дикая корела и лопь — чудскія и финскія племена, остатки которыхъ до сихъ поръ населяютъ мѣстности далѣе на сѣверѣ. И сюда то въ эти глухія мѣста, въ «лѣшія рѣки, озера и лѣса» принесли первые начатки человѣческой жизни новгородскіе славяне. Они покорили этихъ дикарей, обложили ихъ данью и начали селиться въ странѣ, конечно, ради разныхъ выгодъ, доставляемыхъ ею. Въ тѣ отдаленныя времена славяне недавно приняли христіанство, и потому иные изъ нихъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ житій разныхъ святыхъ просвѣтителей, сами заразились такимъ же духомъ. Тамъ и сямъ въ лѣсной пустынѣ стали возникать хижины пустынниковъ, которые видѣли все на-

значеніе своей жизни въ спасеніи души подвижнической жизнью и въ просвѣщеніи темныхъ несчастныхъ дикарей. Дикари сначала ополчились на этихъ проповѣдниковъ новыхъ неслыханныхъ дотолѣ истинъ; они пожигали ихъ хижины, грабили «животы» и даже грозили имъ смертью, но постепенно пустынножители кротостью и терпѣніемъ приручили къ себѣ дикарей. Тѣ скоро увидѣли, что эти люди не только не дѣлаютъ, но даже не желаютъ имъ зла, и стали обращаться къ нимъ сперва за совѣтами въ своихъ дѣлахъ, а потомъ и за поученіемъ. Кругомъ пустынника собиралась братія, и вскорѣ возникало трудовое общежитіе, члены котораго общими силами расчищали лѣса, осушали болота и заводили хлѣбопашество и промыслы. Такъ Кириллъ Челмогорскій научилъ чудь вскапывать землю лопатой, Филиппъ игуменъ ввелъ въ употребленіе вѣялки и завелъ первый кирпичный заводъ, и трудно себѣ представить до чего дошли бы въ устроеніи земли здѣшніе трудолюбивые и трезвомыслящіе славяне, еслибы ихъ не тревожили разными преслѣдованіями московскіе воеводы и другіе за приверженность къ старой вѣрѣ. Еще въ прежнія времена даже соловецкіе монахи дивились искусству здѣшнихъ насадителей культуры. Такъ одинъ старецъ пишетъ по поводу водопровода, устроеннаго въ одномъ скиту: «како умудри Господь избранныхъ своихъ, черезъ трубу нѣкую великую поднимется вода вверхъ, перейдетъ цѣлое зданіе, да и въ погребъ сама льется, да и по всѣмъ бочкамъ сама разойдется», и до сихъ поръ всюду встрѣчаются остатки этого стараго порядка, когда люди сами могли промышлять о себѣ, слѣдуя только велѣніямъ своего ума, а не указамъ начальства, жившаго за тридевять земель. Народъ не забылъ своихъ древнихъ учителей и до сихъ поръ чтитъ имена ихъ, но увы, поселенія, гдѣ жили и трудились эти подвижники, представляютъ теперь совсѣмъ другую картину.

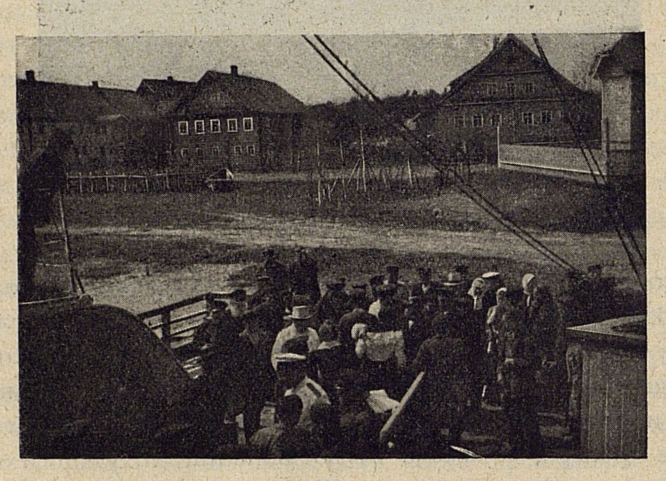
Цѣлый день мы плыли по Свири, любуясь ея берегами. Свирь вдвое уже Невы, но гораздо красивѣе. Берега ея высоки, а за ними виднѣются холмы и горы, одѣтые лѣсами. Теченіе ея быстрое, особенно на порогахъ, которыхъ много. Самые большіе пороги залегаютъ между Подпорожьемъ и Мятусовымъ и носятъ названіе «Сиговецъ» и «Медвѣдцы», они невольно обращаютъ на себя вниманіе по быстротѣ теченія и замѣтному даже на глазъ паденію рѣки въ этихъ мѣстахъ. Особенно любопытенъ порогъ Сиговецъ; оба берега сближаются здѣсь до того,

что буквально рукой подать. Вода бѣжитъ стрѣлой, бурлитъ, пѣнится, и возлѣ самаго парохода видны камни, «луда», какъ ихъ здѣсь зовутъ. Капитанъ уже не надѣется на себя и сдалъ команду лоцману съ бляхой на груди, который стоитъ на мости-

Важны, большая пристань на Свири.

кѣ и подаетъ знаки штурману. «Кивачъ» работаетъ колесами изо всѣхъ силъ, но ползетъ впередъ какъ черепаха. Взглянешь на воду—вода бѣжитъ съ головокружительной быстротой, посмотришь на берегъ—мы почти стоимъ. На берегу видна сторожка и сигнальная мачта, на которой ночью вывѣшиваются сигнальные фонари, а дальше влѣво длинный, но узкій и низкій валъ изъ камней отрѣзаетъ отъ Свири тихую заводь и стѣсняетъ теченіе ея—очевидно это какое-то инженерное сооруженіе для облегченія судоходства на порогѣ. За порогами Свирь снова расширяется. По берегамъ тамъ и сямъ видны деревни съ высокими, почернѣвшими и покосившимися избами, а у самой воды то и дѣло виднѣются сложенныя полѣницы дровъ, которыя тянутся иногда чуть не на сотню саженей. Это тѣ дрова, которыя доставляются лѣтомъ въ Петербургъ на громадныхъ баржахъ, выгружающихся на Невѣ и на всѣхъ петербургскихъ каналахъ. Между сложеными саженями копошатся жалкія закутанныя во всякую рвань фигуры—это складчики и грузчики. На каждомъ шагу «Кивачъ» обгоняетъ или встрѣчаетъ караваны баржъ, которыя буксируютъ такіе же колесные буксиры, какіе ходятъ по Волгѣ. Иногда попадается махонькій винтовой пароходикъ безъ палубы; онъ вы-

пускаетъ изъ своей трубы цѣлые клубы дыма, усердно буравитъ воду винтомъ и съ трудомъ тянетъ противъ теченія вереницу баржъ, точно муравей, ухватившій соломину не по силамъ. Команда, вымазанная сажей, чайничаетъ подъ закоптѣлымъ балдахинчикомъ, раскинутымъ надъ рулевымъ колесомъ, равнодушно поглядывая на «Кивачъ». Всѣ эти барки тянутся съ Волги; пройдя Свирь, они вступятъ въ Ладожскій обходной каналъ, начинающійся въ топкой мѣстности устьевъ Свири, гдѣ въ нее впадаетъ рѣчка Свирица. Изъ канала они вынырнутъ у Шлиссельбурга, чтобы, пройдя короткую Неву, выгрузиться на Калашниковой пристани въ Петербургѣ. На Свири пароходы останавливаются у пристаней Важны, Подпорожье, Мятусово, Остречины



„Кивачъ“ у пристани въ Важнахъ.

и Гакъ-Ручей. Это большія и богатыя села съ хорошими двухэтажными домами, населенныя преимущественно лоцманами и отчасти рыбаками. Лоцмана работаютъ порядочно, и такъ какъ каждое судно обязательно должно брать лоцмана по отдѣльнымъ участкамъ, а большіе пароходы даже двоихъ, то лоцмановъ требуется много.

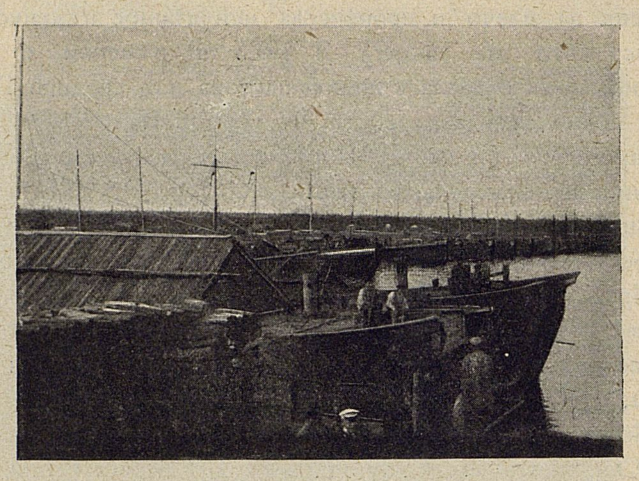
Публики на пароходѣ довольно много, но изъ нихъ мало съ кѣмъ тянетъ познакомиться. Во второмъ классѣ «спинжаки» съ ястребинымъ выраженіемъ лица, какое налагаетъ на человѣка вѣчное исканіе наживы, въ третьемъ—возвращающіеся домой изъ Питера мужики и тоже «спинжаки», только приказчичьи, при лакированныхъ сапогахъ и неизмѣнной фуражкѣ. Пассажиры пер-

ваго класса, чиновники и офицеры, даже и не показывались: они сидѣли гдѣ-то тамъ внизу и все время играли въ карты. Исключеніе среди нихъ составляла одна пожилая дама, обратившая на себя наше вниманіе: одѣта она была по иностранному, не говорила по русски и большую часть пути проводила на палубѣ, съ необыкновеннымъ любопытствомъ разсматривая все окружающее. Видно было, что многое ей было непонятно, о многомъ хотѣлось бы разспросить, но языкъ, русскій языкъ, которымъ иностранцы овладѣваютъ съ такимъ трудомъ, не давалъ простору мысли. Еще на Ладогѣ, когда «Кивачъ» шелъ мимо сѣтей, любопытство этой дамы дошло до того, что она совершенно безотчетно дернула меня за плечо и произнесла неизмѣнное нѣмецкое: васъ истъ дасъ (что это такое?). Я знаю по нѣмецки, и мы разговорились. Она оказалась женой пастора изъ средней Германіи и ѣхала прямо оттуда въ гости, въ городъ Пудожъ, къ дочери, женѣ тамошняго чиновника. Поразительно, какъ любознательны иностранцы по сравненію съ нами, русскими. Эта дама подробно разспрашивала меня обо всемъ, и видно было, что это не праздное любопытство, такъ, отъ путевой скуки, а самый живой интересъ. Прежде всего ее поражала наша природа: эти громадныя озера, могучія рѣки, лѣсныя дебри и болота, весь этотъ просторъ, неизвѣстный въ густо заселенной Европѣ. Она никакъ не ожидала, что наша сѣверная природа такъ красива.

— Знаете,—говорила она, указывая на холмы и горы по берегамъ Свири, эти мѣста напоминаютъ мнѣ берега Рейна, а ваша Свирь—громадная рѣка. Право, она не уже Эльбы, а вѣдь Эльба одна изъ самыхъ большихъ нѣмецкихъ рѣкъ. Но, Боже мой, до чего несчастны эти жители. Какъ могутъ они жить въ этихъ грязныхъ домахъ! Посмотрите, вонъ на берегу коровы. Развѣ это коровы! Кожа да кости. Вѣдь отъ такой коровы нельзя получить масла и сыра. Какіе вы русскіе странные люди, природныя богатства лежатъ кругомъ васъ, а вы не умѣете использовать ихъ.

— Это вѣрно, но что же дѣлать. Всему мѣшаетъ ужасающее невѣжество народа. Нашъ народъ умный, способный, онъ умѣетъ работать и веселиться, но вѣдь ему мѣшаютъ на каждомъ шагу. Посмотрите сколько кругомъ земли и лѣсу, а между тѣмъ здѣшніе крестьяне, какъ и вездѣ въ Россіи, страдаютъ отъ малоземелья. Лѣса всѣ казенные, и рубятъ и торгуютъ ими вотъ эти пиджаки, которые истребляютъ ихъ самымъ хищническимъ образомъ. Вѣдь у васъ въ Германіи совсѣмъ иначе. Тамъ

даже дѣти бѣдняковъ проходятъ толковую школу, въ семьѣ и вездѣ кругомъ чистота и порядокъ, много разныхъ учрежденій, гдѣ они могутъ научиться и молочному хозяйству и садоводству и разнымъ промысламъ; нѣмецкому крестьянину легко занять деньги подъ малые проценты для улучшенія своего хозяйства, у него хорошія лошади, коровы, овцы, словомъ все кругомъ помогаетъ, идетъ навстрѣчу ему, а не мѣшаетъ на каждомъ шагу: дороги хорошія, рѣки исправлены, все легко получить, все можно узнать. И если и у васъ много бѣдноты, такъ ужъ по другой причинѣ. У насъ ничего такого нѣтъ. Вонъ внизу сидятъ чиновники— они играютъ въ карты; спросите ихъ о чемъ нибудь изъ жизни



Вознесенье: пристань и барки.

этого края, и вы увидите, что они ничего не знаютъ, да и знать не хотятъ.

— Какъ это все печально, и тѣмъ печальнѣе, что мнѣ русскій народъ очень нравится.

— Да, народъ хорошій.

Около пяти часовъ вечера «Кивачъ» сталъ подходить къ пристани Вознесенье. Прямо впереди открылось Онежское озеро, Онего по здѣшнему. Вознесенье представляло оживленную картину грузовой дѣятельности. Громадная, но дрянная деревянная пристань съ разными мостками была завалена дровами, мѣшками и разными грузами. По ней во всѣ стороны сновалъ народъ, толпы котораго густо облѣпили то мѣсто, куда причалилъ «Кивачъ». Здѣсь намъ предстояло остаться до часу ночи, потому что «Ки-

вачъ» забиралъ дрова и грузъ. Едва сбросили сходни, какъ мы поторопились сойти на берегъ и отправились наблюдать жизнь и людей.

Сейчасъ же за пристанью открывается конецъ Онежскаго обходного канала. Узкая насыпь отдѣляетъ его отъ озера и отъ устья Свири. Озеро и рѣка были усѣяны барками всѣхъ фасоновъ, которые мѣстами сгрудились въ длинные ряды; тонкія мачты ихъ съ красными вымпелами, рангоуты гальотовъ, пароходныя трубы, да какія-то высокія сооруженія, должно быть подъемные краны для грузовъ, тянулись въ небо. По рябившей водѣ сновали лодки, звучали ровные удары и всплески веселъ, и далеко по глади водъ неслись во всѣ стороны крики лодочниковъ и бурлаковъ. По каналу медленно, точно сонная, двигалась громадная барка, которую тянуло за длинную привязанную къ вер-

Конная тяга на Онежскомъ каналѣ.

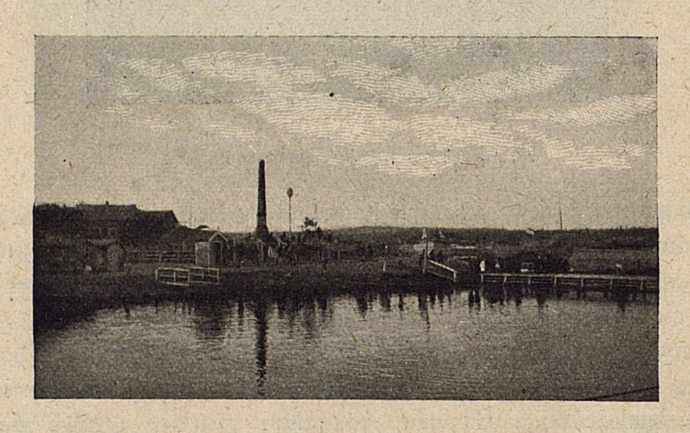
хушкѣ мачты бичеву нѣсколько жалкихъ лошадокъ въ веревочной сбруѣ. Сзади шелъ оборванный мальчишка, нахлестывавшій клячъ кнутомъ, а въ сторонѣ у полѣнницы дровъ, понуря голову, смирно и неподвижно, уставивъ кроткія стеклянныя глаза въ одну точку, стояло еще нѣсколько такихъ бѣдныхъ конягъ; шерсть лѣзла съ нихъ клочками, обнажая стертую кожу и ребристые впалые бока. За что страдаютъ эти несчастныя лошади? За то, что люди не хотятъ подумать и улучшить и ихъ и свое положеніе. Тысячи тощихъ клячъ, продаваемыхъ на эту службу за негодностью къ другой или за болѣзнью, кончаютъ свое жалкое существованіе на этой тягѣ, распространяя далеко во всѣ стороны страшную сибирскую язву. И всетаки конная тяга не вывелась еще на всей системѣ.

*

Само Вознесенье лежитъ по ту сторону канала. Къ нему ведетъ плавучій мостъ, который сейчасъ по случаю прохода барки отведенъ въ сторону. Толпа людей скопилась на томъ и этомъ берегу—это бурлаки и судорабочіе, да бабы торговки. Скоро

Бурлаки на каналѣ.

мостъ навели, и мы перебрались на ту сторону, обозрѣли обелискъ, воздвигнутый строителямъ канала, не тѣмъ, которые по колѣно въ водѣ махали лопатой и дрогли въ сырыхъ землянкахъ, а тѣмъ, кто въ роскошномъ кабинетѣ указывалъ перстомъ на го-



Начало Онежскаго канала, съ памятникомъ строителямъ его и плавучимъ мостомъ.

товый планъ. Рядъ домовъ выстроился вдоль набережной, мимо ходили и шмыгали разные люди, въ числѣ которыхъ было немало «Спиридоновъ - поворотовъ», «рѣшенныхъ столицы», мотавшихся здѣсь на проходѣ. Изъ зданій наше вниманіе привлекла

«Народная чайная и читальня», куда мы и завернули. Здѣсь въ двухъ большихъ комнатахъ съ маленькими настежь отпертыми окнами, за грязными столами, засѣдало нѣсколько компаній бурлаковъ. По стѣнамъ висѣли картины патріотическаго и религіознаго содержанія, въ томъ числѣ «Семь тяжкихъ гроздовъ пьянства», расчитанныхъ на то, чтобы всякій по прочтеніи ихъ немедленно ужаснулся и оставилъ бы навсегда пагубное пристрастіе къ горячительнымъ напиткамъ. Публика, очевидно, привыкла къ этому заведенію и знала, какъ держать себя: такъ шапки мужики клали на полъ возлѣ стула, сунувъ туда же платокъ, а дѣвушекъ, подававшихъ чай, величали «барышнями». Но привычка къ забористымъ словамъ брала свое, и изъ устъ гостей то и дѣло вырывались крѣпкія выраженія. Такія же выраженія слышались съ улицы, гдѣ у воротъ стояли и сидѣли аборигены Вознесенья обоего пола и разныхъ возрастовъ, вступавшіе въ оживленныя препирательства съ прохожими. Изъ чайной мы вернулись на пристань, гдѣ готовился отвалить «канальскій» пароходъ, судно совершенно особаго типа, приспособленное къ хожденію по каналу. Это сооруженіе напоминало скорѣе большую плавучую кухню. На плоскомъ днищѣ стояли двѣ каюты съ лавками внутри, совершенные вагоны. Между ними помѣщалась машина — нѣчто вродѣ плиты съ трубой съ пузатой сѣткой наверху, чтобы не пропускать искры. Обѣ каюты были покрыты общей крышей, перегороженной какими-то дугами изъ толстаго желѣза. Все судно было обсыпано пассажирами, какъ мухами. Горы ящиковъ, корзинъ, узловъ, узелковъ едва позволяли двигаться, и курьезно было видѣть, какъ среди сценъ прощанія и проводовъ изъ черной дыры въ полу страннаго сооруженія вылѣзалъ грязный равнодушный машинистъ, Харонъ этой ладьи.

— Скажите, пожалуйста, на что эти дуги наверху?—спрашиваю я у празднаго матроса послѣ напряженной попытки самому разгадать ихъ назначеніе.

— То што ходитъ онъ по каналу, а канаты пропущаетъ надъ собой, такъ чтобъ не задѣвали.

— Такъ. Ну, а труба зачѣмъ такая?

— Труба? То што ходятъ барки съ сѣномъ и дровами, а отъ него искры, и можетъ сдѣлаться пожаръ.

— Да вѣдь искры сквозь такую сѣтку пролетятъ!

— Извѣстно пролетятъ. Ну да вѣдь форма.

— А скоро ходитъ эта машина?

— Эта машина ходитъ не болѣе 9 верстъ въ часъ, скорѣй не дозволено, потому что отъ нея волны идутъ и каналъ размываютъ.

Въ это время странное сооруженіе сипло рявкнуло три раза, подъ нимъ что то забултыхало, и оно тронулось въ путь-дорогу, а мы вернулись на свой «Кивачъ». Тамъ шла оживленная работа: съ одного борта матросы возили на тачкахъ здоровыя круглыя полѣнья, которыя складывали тутъ же на палубѣ, пока она не стала похожей на дровяной дворъ, а къ другому борту подвели громадную барку съ крышей. Сквозь снятыя доски крыши видна была внутренность: тамъ на днѣ лежали несчетные мѣшки и мѣшечки съ мукой, кучка людей съ фонаремъ возилась въ одномъ углу, откуда по узкой доскѣ двигалась на пароходъ вереница бурлаковъ съ мѣшками на спинахъ. Порожніе подходили, подставляли дюжую спину, на которую двое другихъ сажали куль или четыре маленькихъ мѣшка по пуду каждый, и бурлакъ, крякнувъ и поправивъ ношу, дробнымъ шагомъ бѣжалъ наверхъ. Работали быстро, страстно, даже, можно сказать, весело.

— Почемъ получаете?

— Полкопѣйки съ пуда.

— А сколько въ кулѣ?

— Четыре пуда.

— Много-ли зарабатываете?

— И рупь и два.

Чтобы заработать одинъ рубль, надо перетащить на собственной спинѣ 50 такихъ мѣшковъ по четыре пуда каждый, итого 200 пудовъ. Можно себѣ представить, во что превращается бурлакъ къ вечеру. Нѣкоторые изъ нихъ, улучивъ свободную минуту, отходили въ сторону, вытаскивали изъ кармана бутылку съ водкой и подкрѣпляли себя изъ горлышка. Да, каторжная работа!

Скоро перегрузку кончили. «Кивачъ», представляя съ одной стороны дровяной дворъ, превратился съ другой въ мучной лабазъ. Люди съ фонаремъ вылѣзли наверхъ, заложили дыру досками, и вскорѣ барка, отпихнувшись отъ парохода, отошла въ сторону.

Суета работы по мѣрѣ того, какъ темнѣло, смѣнялась вечернимъ времяпрепровожденьемъ. На баркахъ рабочіе разсѣлись кучками на кормѣ вокругъ чашекъ съ пищей. Какой-то весельчакъ, взгромоздившись на высокій руль барки, наяривалъ на гармоніи

задорный плясовой мотивъ; на сосѣдней баркѣ отужинавшій бурлакъ, покуривъ цыгарку, вышелъ на помостъ и, мягко притоптывая веревочными лаптями, началъ выдѣлывать разныя колѣна, заражая своимъ весельемъ сосѣдей, а на носу кучка другихъ, громыхая какими-то цѣпями, заполняла темнѣвшее пространство горластой руганью. Но небо темнѣло, сквозь бѣлую тьму скромно замерцало надъ озеромъ нѣсколько звѣздъ, и утомленные дневной тревогой люди понемногу отходили къ сну. Замолкла гармошка, опустѣли палубы барокъ, по темной водѣ перестали ходить лодки, и все Вознесенье понемногу погрузилось въ сонъ. Заснуло и Онего; водная гладь его исчезала вдали въ полумракѣ бѣлой ночи, сливаясь съ небомъ и одѣтыми сумракомъ берегами. Только на югѣ, гдѣ виднѣлась вдали пологая возвышенность, небо было темнѣе и иногда точно вздрагивало отъ слабыхъ вспышекъ молніи. Мой барометръ быстро падалъ, предвѣщая грозу. Спать мнѣ не хотѣлось, я остался на палубѣ и сталъ ждать наступленіе ея. Вспыхиванія неба на югѣ становились чаще и сильнѣе, составляя какой-то зловѣщій контрастъ съ погруженной въ сонъ и полумракъ окрестностью. Гроза приближалась, молніи вспыхивали чаще и чаще, и вскорѣ издали стали доноситься глухія громыханья. Казалось тамъ вдали шла какая-то титаническая борьба между силами земли и неба, свѣта и тьмы, которая волновала зрителя и вовлекала его въ свои перипитіи. Небо то загоралось изъ конца въ конецъ, содрогалось и меркло, угрожая землѣ глухими раскатами грома, то изъ выси его въ грудь земли вонзалась извилистая, какъ мечь архангела, молнія, которая, постоявъ немного, точно не имѣя силы проникнуть далѣе въ кору земли, мгновенно и неожиданно тухла, покрывая свое исчезновеніе яростнымъ трескомъ, отъ котораго, казалось, поролось на части все небо. Становилось страшно, и эта зловѣщая жуть еще росла оттого, что все кругомъ спало въ безмятежномъ покоѣ. Но вотъ съ юга донеслось первое дуновеніе прохлады. Порывы ея налетали все чаще и чаще, какъ авангардъ медленно надвигавшихся черныхъ тучъ. Вода на озерѣ зарябила, упавшія вымпела зазмѣились на мачтахъ, пали первыя холодныя капли дождя, и молніи загорались не только на югѣ, но и вправо и влѣво. Черезъ пять минутъ гладкое озеро потемнѣло и надулось, вода закачалась, и гряды волнъ со вспѣненными верхами побѣжали по нему, флаги яростно бились, веревки хлопали о мачты, закрутились на пристани брошенныя бумаги и соръ, и надо было крѣпко

надвинуть фуражку и застегнуть пуговицы. Мы попали въ самый развалъ битвы. «Кивачъ» закачался, скрипя о пристань, заколыхались кругомъ барки, двигая мачтами, и пошли вертѣться на якорной цѣпи. Какая перемѣна! Давно ли все было недвижно и сонно кругомъ, а теперь свистъ и вой вѣтра мѣшался съ всплесками воды, скрипомъ дерева, и все покрывали собой жесткіе, рѣзкіе звуки грома. Но въ хаосъ разгулявшейся природы не вмѣшалъ своего голоса одинъ человѣкъ Люди спали еще Однако вотъ и они. Очевидно, никто не ждалъ бури, и теперь, когда барки съ жалобнымъ скрипомъ затерлись другъ о друга, и одна, бороздя якорь по дну, сдвинулась съ мѣста и нажала на сосѣдей, сонные, встрепаные бурлаки выскочили наверхъ. И вотъ въ величественное и зловѣщее зрѣлище бури люди внесли свой комическій элементъ: этимъ лохматымъ, камаринскимъ мужикамъ было не до красотъ природы, а вотъ какъ навалитъ барку на барку, да помнетъ бока, да полопаются канаты, да въ широкія щели польетъ вода, подмачивая муку, такъ задастъ те хозяинъ звону почище этого грома. И люди кучами метались по палубамъ, тянули что-то, отчаянно ругаясь, перебѣгали съ барки на барку и завозили на лодкахъ какія-то снасти. Нашъ капитанъ тоже дѣлалъ распоряженія съ мостика, и матросы лихорадочно, но увѣренно подвязывали разныя снасти и накрывали брезентами грузы и люки. Пошелъ сильный косой дождь, и стало свѣтлѣе.

Былъ уже часъ ночи, срокъ отхода «Кивача», но мы и не думали трогаться.

— Что-жъ не ѣдемъ?—спрашиваю матроса.

— Гдѣ-же ѣхать, вишь какая буря!

— Что за буря, это ли буря!

— Нашему «Кивачу» и то буря. Онъ заслуженный, должонъ беречься.

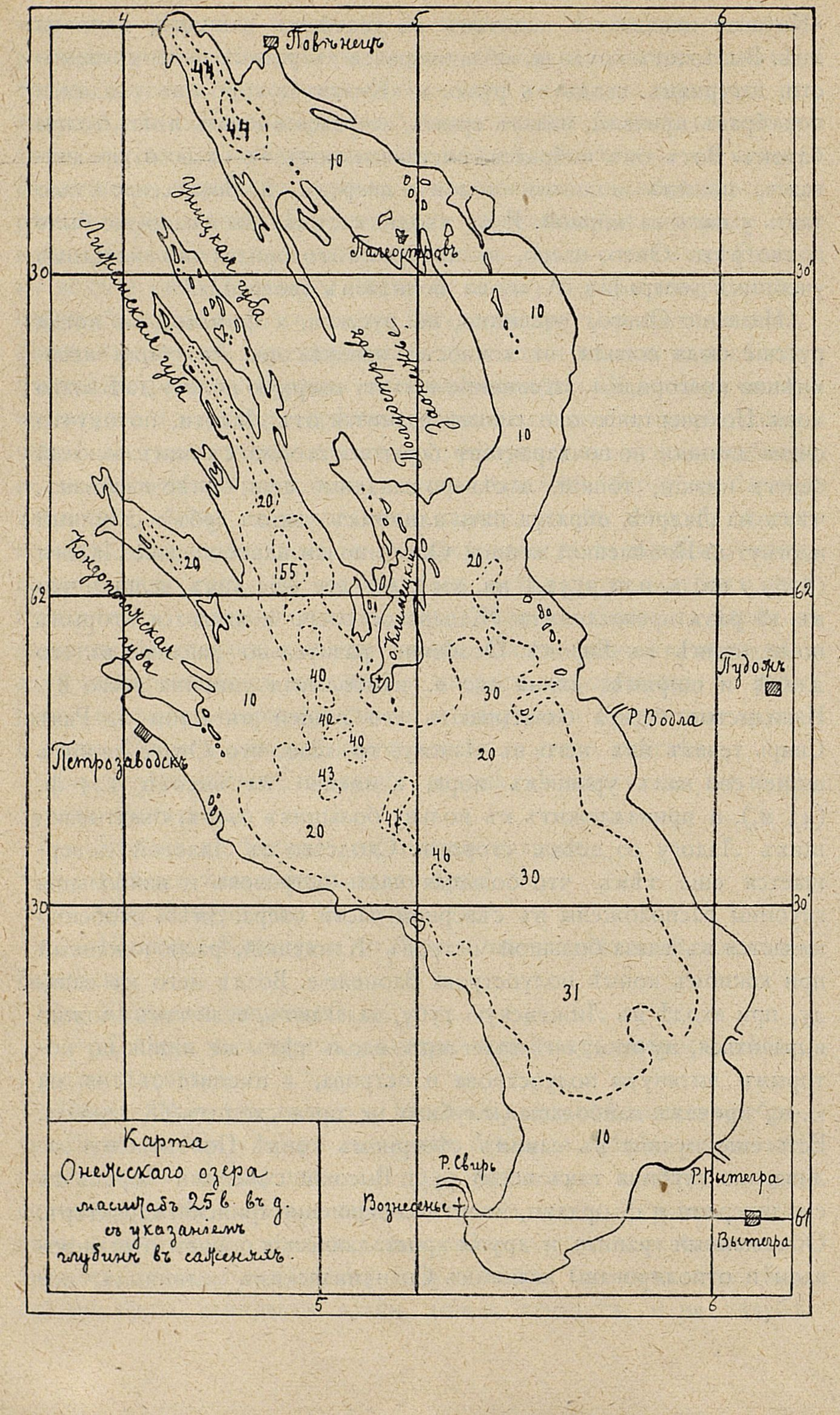
— Когда-жъ двинемся?

— Должно часа черезъ полтора,—отвѣчаетъ матросъ, зѣвая, и уходитъ спать.

На палубѣ пусто, только я да дождь, который хлещетъ, образуя лужи на полу и въ складкахъ брезента. Мнѣ онъ не мѣшаетъ, потомучто я спрятался подъ резиновую накидку и стою спиной къ нему и вѣтру, наблюдая уходъ грозы. Бурлаки, натопавъ и накричавъ, снова скрылись подъ палубу, и опять все тихо кругомъ, только дождь сѣчетъ воду и землю. Становится совсѣмъ свѣтло, гроза замираетъ вдали, дождь стихаетъ, и на палубѣ

«Кивача» появляется капитанъ въ такой же накидкѣ, какъ на мнѣ. Вылѣзаетъ команда, облачившаяся въ разныя непромокаемости, штурманъ сталъ къ рулю, и «Кивачъ», сбросивъ сходни и подобравъ причалы, началъ ерзать, стараясь выбраться изъ толпы барокъ. Вотъ онъ выбрался, выставилъ носъ въ озеро и, покачиваясь, пошелъ полнымъ ходомъ впередъ, а Вознесенье стало таять у насъ за кормой. Я не уходилъ съ палубы – надо-же было посмотрѣть Онего-озеро, о которомъ говорится въ каждомъ учебникѣ географіи. А ну-ка почитаемъ географію!

Названіе Онего, очевидно, не русское, а финское, и когда русскіе сюда попали, въ точности неизвѣстно. Это были несомнѣнно новгородцы, заселившіе всю эту озерную полосу до Бѣлаго моря. По очертанію оно сильно разнится отъ Ладоги, потомучто очень длинно, но по характеру береговъ сходно съ нимъ: южный берегъ низкій, топкій, а сѣверо-западный еще болѣе изрѣзанъ, чѣмъ на Ладогѣ, образуя пять длинныхъ узкихъ губъ и длинный изогнутый Повѣнецкій заливъ. Онего почти вдвое меньше Ладоги (8569,9 кв. в. или 9751,1 кв. км.), но все еще такъ велико, что въ 18 разъ превосходитъ Женевское озеро и является вторымъ по величинѣ въ Европѣ. Особенно разительно различие въ его длинѣ и ширинѣ: длина 210 в., наибольшая ширина всего 85. Извилистые берега охватываютъ его линіей въ 1.200 в. Разъ Свирь течетъ изъ него въ Ладогу, то ясно, что Онего лежитъ выше его надъ уровнемъ моря, а именно на высотѣ 125 ф. (43 м.). и принадлежитъ къ кольцу большихъ озеръ, охватывающихъ Ладогу со всѣхъ сторонъ. Сходство съ Ладогой довершается еще тѣмъ, что большая часть островов и наибольшія глубины расположены въ сѣверной части озера. Здѣсь особенно кидается въ глаза большой островъ Климецкій, расположенный при южномъ концѣ полуострова Заонежье. Возлѣ него къ западу, при входѣ въ Лижемскую губу, залегаютъ, если такъ можно выразиться, пучины; онѣ залегаютъ вдоль тѣхъ же линій, по которымъ вытянуты полуострова и острова, а именно: съ с.-з. на ю.-в., причемъ наибольшая глубина не превосходитъ 68 саженъ. Есть еще пучина въ самомъ сѣверномъ концѣ Повѣнецкаго залива, но глубина тамъ всего 44 с. Высокій сѣверный берегъ съ его шкерами и фьордами, носитъ совершенно финскій характеръ. Обнаженный гранитъ и другія кристаллическія породы отшлифованы и отполированы великимъ Скандинавскимъ ледникомъ, ко-



Повѣнецъ
Палеостровъ
Уницкая губа
Лижемская губа
Кондопожская губа
Петрозаводскъ
Пудожъ
Р. Водла
о. Климецкій
Р. Свирь
Вознесенье
Р. Вытегра
Вытегра
Карта
Онежскаго озера
масштабъ 25 в. въ д.
съ указаніемъ
глубинъ въ саженяхъ

торый стекалъ и сползалъ здѣсь именно по направленію съ с.-з. на ю.-в.

Отъ Ладоги Онего отличается тѣмъ, что замерзаетъ сплошь, такъ что зимой черезъ него ѣздятъ на саняхъ, и несмотря на то, что лежитъ сѣвернѣе, замерзаетъ на югѣ позже, а вскрывается раньше Ладоги (у Вознесенья 22 декабря и 5 мая), такъ что въ среднемъ остается свободнымъ отъ льда 205—231 день въ году, тоже дольше, чѣмъ Ладога. Конечно, сѣверныя губы замерзаютъ раньше. Опредѣленнаго теченія въ Онего, какъ въ Ладогѣ, не замѣчается. Значенія это озеро имѣетъ гораздо меньше, но это внутреннее море могло-бы принести большую пользу не для одного этого края, еслибы его соединили съ Бѣлымъ моремъ каналомъ. А въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, потомучто къ сѣверу отъ Онеги расположено нѣсколько большихъ озеръ и текутъ рѣки, такъ что изъ 219 верстъ (между г. Повѣнцомъ и Сороками), которыя отдѣляютъ его отъ моря, 129 приходятся на судоходныя озера и рѣки, а остальныя 90 также частью приходятся на рѣчки и озера, которыя стоитъ только расчистить и углубить А пока по Онего возятъ только мѣстные грузы: муку, пшено, соль и керосинъ туда; рыбу, лѣсъ, чугунъ, желѣзо и сталь—изъ него, чѣмъ занято около 550 разныхъ судовъ (въ томъ числѣ около 25 пароходовъ).

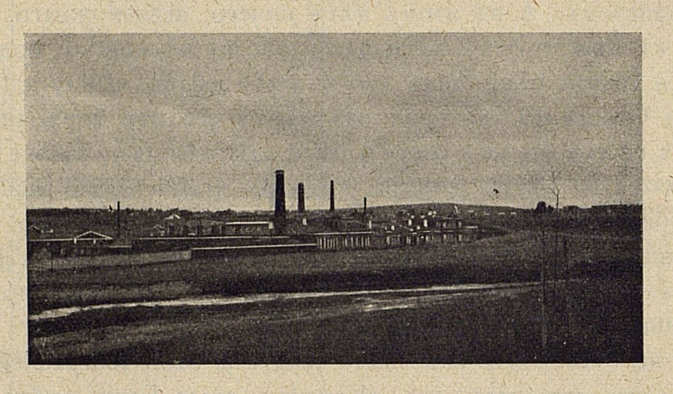
Но не буду долѣе надоѣдать читателю этой географіей, тѣмъ болѣе, что три часа утра, «Кивачъ», слава Богу, выбрался въ пустое озеро и тащится на сѣверъ вдоль высокаго западнаго берега, и мнѣ хочется спать. Но это не такъ просто устроить, потомучто въ Вознесеньи насѣло много спинжаковъ, которые живописно разлеглись на красныхъ диванахъ, наполнивъ бѣлесый сумракъ каюты храпомъ, свистомъ и другими сонными звуками. Но попытаемся!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пѣшкомъ на Кивачъ.

Утромъ, когда мы вышли на палубу, «Кивачъ» уже подходилъ къ Петрозаводску. Вдали на высокій берегъ лѣпились кучи сѣ-

рыхъ домовъ въ перемежку съ садами. Между ними тамъ и сямъ бѣлѣли низкіе каменные дома, надъ крышами которыхъ высовывалъ свою громоздкую массу бѣлый соборъ съ куполами въ видѣ обычныхъ луковокъ. Виднѣлась еще какая-то церковь да пристани, возлѣ которыхъ уныло стояло нѣсколько барокъ. Пусто и сѣро—таково первое впечатлѣніе отъ этого губернскаго города, и еслибы не яркое солнце, заливавшее небо и озеро веселыми лучами, да не скалистые берега съ Ивановскими островами, замыкавшими Петрозаводскую губу справа, то было-бы даже грустно. На пристани прихода «Кивача» ожидала цѣлая толпа, и едва сбросили сходни, какъ началось обычное движеніе: покатили извозчики, дребезжа развинченными гайками, какіе-то люди мет-



Рѣчка Лососинка и Александровскій заводъ.

нулись на пароходъ, откуда на нихъ напирали сходящіе пассажиры, гдѣ-то цѣловались, гдѣ-то ругались, какія-то личности предлагали меблированныя комнаты и еще что-то. Неторопясь вскинули мы свои вещи на плечи и тронулись въ путь, озираясь по сторонамъ на новое для насъ зрѣлище. Съ пристани мы сошли на берегъ и пошли въ гору по одной изъ главныхъ улицъ Петрозаводска. Направо, среди небольшой площади, окруженной лавками, находился небольшой четырехугольный бассейнъ, въ которомъ стояло нѣсколько лодокъ съ рыбой; запахъ ея носился по всей площади. Циклопическая мостовая и слабые намеки на тротуаръ вели вверхъ мимо низкихъ домовъ съ разнообразными вывѣсками: фотографія, меблированныя комнаты, и т. п., а когда мы поднялись по ней, то узрѣли громадный, неуклюжій соборъ, а за нимъ, по ту сторону рѣчки Лососинки, низкія красныя зданія и высокія трубы пушечноснаряднаго Александровскаго завода,

положившаго начало городу. Самый городъ съ широкими, пустыми и пыльными улицами, съ низкими казенными каменными домами и обывательскими деревянными, развертывался направо. Мы разыскали гостиный дворъ, пустыя галлереи котораго отличались тѣмъ, что представляли ряды запертыхъ лавокъ, надъ дверями которыхъ возились и ворковали голуби, казавшіеся единственными обитателями этого погруженнаго въ полдневный сонъ зданія. Изъ десяти лавокъ торговала едва одна. Въ одной мы купили пару чайныхъ ложекъ, а въ другой 3 аршина марли для вуалей отъ комаровъ. Городъ такъ невеликъ, что нечего было и спрашивать, какъ выйти изъ него Мы пошли прямо, прошли маленькій скверъ, гдѣ я снялъ фотографію съ прекраснаго памятника Петра, фигура котораго стояла лицемъ къ заводу, простирая руку къ своему созданію, и стали выбираться изъ города. Широкая пыльная дорога пересѣкла рѣчку Неглинку и уходила въ даль; крестьянскія телѣги избороздили ее колеями вдоль и поперекъ, городское стадо усѣяло слѣдами своего прохода, а какіе-то предпріимчивые обыватели повыкопали съ обѣихъ сторонъ разнообразныя ямы, очевидно, добывая оттуда песокъ. Справа тянулись пустыри, слѣва такіе-же пустыри уходили внизъ къ озеру, открывая великолѣпный видъ на всю Петрозаводскую губу. Солнце палило съ яснаго неба, а мы влачились, вздымая пыль, изнемогая отъ жары и тяжести груза. Начиналось наше пѣшеходное странствіе. Ну-ка, ну-ка, думалъ я, какъ это мы приспособимся къ этому первобытному способу путешествія, и съ любопытствомъ поглядывалъ на своего спутника, разрѣшая въ мысляхъ вопросъ, кто раньше запроситъ пардону, я ли, баричъ, городской сидень, или мой спутникъ, крестьянинъ и рабочій съ дѣтства.

Памятникъ Петру I.

Наше дурное настроеніе духа нѣсколько улучшилось, когда мы нагнали бабу съ кузовкомъ, которая отрекомендовала себя, какъ великую грѣшницу на томъ единственномъ основаніи, что больно любитъ чайку попить.

— И разъ попью на день, а когда случится и два.

— Не горюй, тетка, мы и три и четыре раза пьемъ, а за грѣшниковъ себя не почитаемъ.

— Да вы не изъ Питера-ли?

— Изъ Питера.

— То-то я смотрю.

Такъ дошли мы до Сулажъ горы, небольшой возвышенности, увѣнчанной церковью среди рощи и селомъ. На улицахъ его, не считая куръ и телятъ, мы не встрѣтили ни души. Здѣсь насъ впервые поразили высокія и широкія крестьянскія избы въ два и даже три этажа. Какъ всѣ русскіе люди, мы были забывчивы и не взяли въ городѣ сахару. А между тѣмъ пить хотѣлось такъ, какъ хочется только грѣшникамъ въ аду, спеціально наказаннымъ мученіемъ жажды. Конечно, мы мечтали о чаѣ, первомъ чаѣ на первомъ привалѣ среди природы. Сунулись мы искать лавку, но лавочки не было. Тогда Иванъ Григорьичъ вломился въ чью-то

На окраинѣ города, вдали видно Онего.

избу, а я остался сидѣть на дворѣ въ тѣни забора среди навоза, выжидая чѣмъ кончится его экспедиція. Сперва слышно было, какъ онъ отворялъ разныя двери и кликалъ живую человѣчью душу, затѣмъ послышались переговоры и стукъ раскалываемаго на куски сахара, въ перемежку съ которыми голосъ Иванъ Григорьича задавалъ разные мужицкіе вопросы: сколько земли, что сѣете, много-ли скота держите и т. п., на что отвѣчалъ чей-то бабій голосъ.

Справившись на картѣ, по какой дорогѣ идти, мы спустились съ Сулажа по такой-же пустынной дорогѣ.

— Какъ встрѣтимъ ручеекъ, такъ и чай пить будемъ, — говорю я Иванъ Григорьичу.

Но ручейка не было. Среди обглоданнаго скотиной тощаго кустарника валялись облѣпленные мохомъ валуны Тамъ и сямъ изъ-подъ тощей почвы высовывался голый черепъ матерой скалы, горной породы, слагавшей эту каменистую страну. Въ канавѣ и болотцахъ стояла ржавая вода, и, поглядывая на нее, я думалъ объ Александрѣ Македонскомъ, которому принесли воду изъ лужи, а онъ ее вылилъ.

— Ежели ручья не будетъ, станемъ эту воду пить,—говорю я спутнику.—Прокипятимъ и ладно.

— И выпьемъ. Дивлюсь я только, сколько тутъ озеръ и болотъ, а ручьевъ нѣтъ,—говоритъ Иванъ Григорьичъ.

— А вотъ постойте, врѣжемся поглубже, такъ и рѣчки потекутъ,

Должно быть мы выпили-бы чаю на болотной водѣ, еслибы мужикъ, работавшій на дорогѣ, не указалъ намъ «чуда природы».

Возлѣ дороги на голомъ камнѣ лежала плитка сланцу. Поднявъ этотъ черепокъ, мы увидѣли въ камнѣ трехгранную ямку, наполненную чистой холодной водой. По непримѣтной щели сочилась она изъ камня, скатываясь на мохъ прозрачной слезой. Возлѣ лежалъ берестяной ковшичекъ. сдѣланный кѣмъ-то на потребу прохожихъ.

— Наши знаютъ,—говорилъ мужикъ,—какъ въ городъ или оттолѣ идутъ, завсегда тутъ пьютъ. Изъ камня Богъ выжалъ,—продолжалъ онъ, усаживаясь въ канаву съ цѣлью отдохнуть и покалякать.

Иванъ Григорьичъ наломалъ сучьевъ и сложилъ маленькій огонь, но о томъ, что костеръ горѣлъ можно было судить только по жидкому дыму, стлавшемуся по сѣрому камню—такъ ярко озаряло солнце сѣрый сѣверный пейзажъ. Низкій кустарникъ не давалъ тѣни, и мы лежали на солнопекѣ, посматривая скоро-ли вскипитъ чай, да калякая съ мужичкомъ о дорогѣ, о ихъ житьѣ-бытьѣ и о прочихъ разностяхъ Иванъ Григорьичъ разстегнулъ сакъ и вынулъ харчи, состоявшіе пока изъ булки, сыру и колбасы, и когда изъ прямого носа чайника показалась струйка пара, мы могли наконецъ залить мучительную жажду.

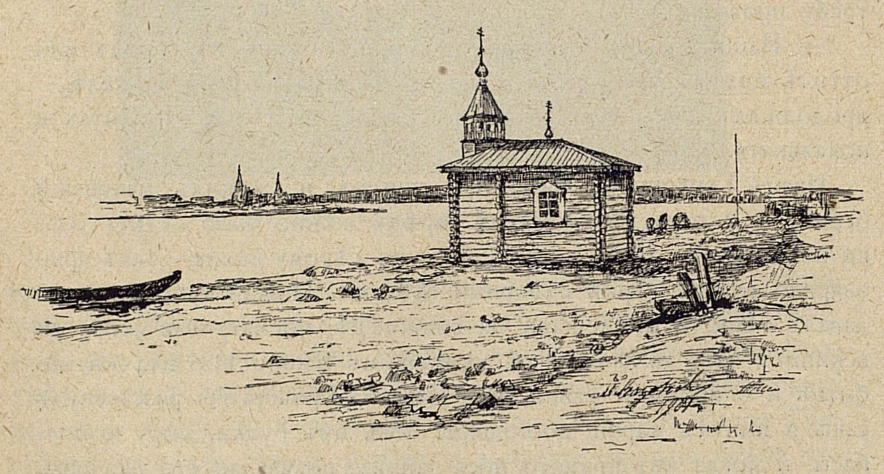
Долго еще дорога тянулась по пустырямъ, затѣмъ начались луга, рощи, и впереди насъ мелькнулъ одинокій пѣшеходъ въ бѣлой рубахѣ, съ пилой на плечѣ. Мы нагнали его и разговорились. Это былъ глупый парень карелъ по имени Хрисанфъ. Онъ шелъ изъ города, гдѣ путался съ недѣлю въ поискахъ за рабо-

той, и не найдя никакой, да проѣвъ деньги, возвращался вспять. Иванъ Григорьичъ немедленно принялся пытать его: что да какъ живете, много-ли земли, что работаете, сколько платятъ, но изъ парня трудно было вымотать что-либо, и присталъ онъ къ намъ, шедшимъ скорѣе его, либо по инстинкту, какъ иногда пристаетъ чужая собака, которой веселѣе идти хоть съ чужими да съ людьми, либо въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь отъ насъ.

Рѣка Шуя.

Вдали показалось село Шуя. Широкая рѣка спокойно текла по серединѣ его, раздѣляя село на двѣ части. По рѣкѣ медленно и рѣдко плыли бревна, проходя подъ длиннымъ мостомъ, по которому мы перебрались на ту сторону.

Было около 5 часовъ, но жара еще не спала. Дорога наша вилась по берегу рѣки мимо часовни, мимо бань, развѣшанныхъ



Часовня въ с. Шуѣ.

сѣтей и лодокъ. По другую сторону тянулись крестьянскіе дома. Жажда, вызываемая обильнымъ потомъ, загнала насъ на крылечко высокаго дома, куда пожилая баба вынесла намъ изъ погреба двѣ крынки холоднаго молока. Появленіе наше вызвало вскорѣ другихъ обитателей дома—двухъ дѣвушекъ и дѣвочку; въ со-

сѣдней избѣ нѣсколько бабьихъ лицъ, припавъ къ стеклу, жадно разсматривали насъ, перекидываясь замѣчаніями. Надувшись молока и обтеревъ молочные усы, мы стали разминать ноги и осматриваться по сторонамъ. Позади высокой двухэтажной избы съ чисто и даже затѣйливо убранными горницами, съ цвѣточными горшками, занавѣсками, картинками, находился большой сарай подъ одной крышей съ ней. Сарай былъ тоже двухэтажный и въѣзжали въ его широкія ворота по наклонному помосту. Баба наша исчезла, и когда мы пошли расплачиваться, то нашли ее и еще другую почтенную женщину въ этомъ сараѣ за станомъ.

Крестьянка вдова Великанова съ семьей изъ с. Шуи (русскіе).

— Вотъ что тетка, сиди ты такъ, а дѣвушки пускай станутъ сзади, я васъ сейчасъ сыму на картинку.

Баба усмѣхнулась серьезно, но съ удовольствіемъ, а дѣвушки, узнавъ въ чемъ дѣло, побѣжали «наряжаться».

— Не стоитъ,—говорю имъ,—эдакъ лучше будетъ.

— Пущай одѣнутся, ты намъ картинку пришли, мы ее въ горницѣ повѣсимъ.

— Пришлю обязательно, коли выйдетъ что.

Дѣвушки скоро явились въ другихъ платьяхъ, съ заплетеными косами, въ платочкахъ,—и дѣвочку принарядили. Я ихъ разставилъ, наказалъ стоять смирно, и затѣмъ: чикъ-чикъ, и готово. Вотъ и портреты ихъ на фонѣ темнаго сарая; это все русскіе типы, потому что Шуя населена русскими, а не карелами. Это первое знакомство съ населеніемъ края произвело на насъ самое хорошее впечатлѣніе: бабы и дѣвицы держали себя съ серьезнымъ,

естественно простымъ достоинствомъ, какое мы встрѣчали потомъ вездѣ среди крестьянъ, и это было очень пріятно.

Между тѣмъ рѣзвыя ножки наши притомились, и въ подошвахъ стало что то покалывать, точно туда насыпали крупнаго песку. По настоящему, отмахавъ около 15 верстъ, намъ-бы слѣдовало сдержать свою прыть и ночевать въ Шуѣ, подобно Хрисанфу, который завернулъ къ какой-то своей теткѣ. Но жадность путешественника тянула меня впередъ. Я расчитывалъ, что въ первое время мы будемъ проходить по 30 в. въ день, а затѣмъ дойдемъ и до 50, но дѣйствительность вскорѣ разрушила эти мечты. Великъ ли грузъ въ 20 фунтовъ, а между тѣмъ попробуйте протащить его верстъ 35! Иванъ Григорьевичъ страдалъ хуже моего Онъ занялъ сапоги у знакомаго, и они были ему велики. Нѣсколько разъ уже онъ останавливался и совалъ туда траву, сѣно, ворча себѣ подъ носъ разныя нелегкія по адресу своихъ щегольскихъ сапогъ, которыя, однако, судя по виду ихъ, уже довольно таки пожили на свѣтѣ.

— Што, заночуемъ што-ли?

— Зачѣмъ, мы пойдемъ полегоньку, къ вечеру будемъ въ Косалмѣ, тамъ и станемъ.

— Да вѣдь у васъ ноги-то того.

— Ноги... ноги ничего, а вотъ сапоги проклятые, взялъ я ихъ, велики они мнѣ.

— Ну такъ идемъ!

И мы пошли дальше.

Между тѣмъ характеръ мѣстности сталъ мѣняться. Верстъ черезъ пять лѣсной дороги мы выбрались на узкій каменный перешеекъ, который, словно плотина, тянется на сѣверо-востокъ, раздѣляя два большихъ длинныхъ озера: Кончезеро лежало направо, Укшезеро—налѣво и тянулось на югъ. Казалось, мы попали въ Финляндію. Темный матерой камень громоздился утесами, обнажая трещины, въ которыя, какъ змѣи, впились корни деревьевъ и кустовъ. Громадныя глыбы, сглаженныя, одѣтыя мохомъ, лежали среди веселой поросли березы и ольхи, и стройныя ели и красныя сосны отчетливо рисовались на алѣвшемъ вечерней зарею небѣ. Дорога вилась по берегу озера, подымалась въ гору, переваливала черезъ каменный кряжъ и выходила къ другому озеру, гладкая поверхность котораго, обрамленная темными берегами, отражала вечернее небо. Мы шли, любуясь этой чудной картиной. Въ одномъ мѣстѣ каменный валъ круто нависалъ надъ

дорогой, и изрытые бока его были одѣты удивительно разнообразными мхами; особенно поразила насъ бѣло-желтая плѣсень, которая покрывала и свѣшивалась съ утеса, словно кто-то облилъ его сметаной. Низъ утеса былъ подточенъ и темнѣлъ длинной впадиной-бороздой. Должно быть его подточила вода въ тѣ времена, когда уровень Кончезера стоялъ выше. Какіе-то шутники подперли свисшую громаду жердочками и палками.

— Смотрите-ка Николай Ильичъ, какъ ловко устроено, теперь насъ тутъ не задавитъ; вполнѣ, можно сказать, безопасно пройдемъ,—замѣчаетъ Иванъ Григорьичъ.

Мы смѣемся и отдаемъ дань удивленія сообразительности олончанъ. Я хочу снять эти удивительные утесы, но уже темно, по-

Иванъ Григорьевичъ на каменномъ утесѣ у берега Укшезера.

жалуй, не выйдетъ, а вмѣсто нихъ снимаю Ивана Григорьича, поставивъ его на камнѣ такъ, чтобы фигура его вырѣзалась на небѣ и свѣтлой поверхности Кончезера. Затѣмъ онъ снимаетъ меня, но съ непривычки рука у него дрогаетъ, и мой портретъ не выходитъ.

Ужъ вечерѣетъ, садится роса. Мы прошли мимо поселка, усѣвшагося на низкомъ побережьи Кончезера. По картѣ значится Шуйская Чупа. Чупой здѣсь зовутъ концы длинныхъ озеръ, возлѣ которыхъ обыкновенно стоятъ селенія. Слѣдующее поселеніе это имѣніе Царевичи, владѣлица котораго О. Н. Бутенева, про-

живающая въ Петербургѣ, дала мнѣ письмо на случай, еслибы мы захотѣли остановиться въ ея помѣстьи. Мы уже не идемъ, но плетемся, и къ мукамъ усталости присоединяется новое истязаніе: комары, которыхъ я отгоняю дымомъ трубки и вѣткой, а Иванъ Григорьичъ только вѣткой, но настолько неуспѣшно, что въ безсильной злобѣ извергаетъ по ихъ адресу цѣлые потоки самыхъ скверныхъ пожеланій. Это не вертлявые и прыткіе петербургскіе комары, которые осторожны, коварны и себѣ на умѣ, это наивные жители олонецкихъ болотъ и озеръ, которые въ сознаніи своей невинной природы съ откровенной медленностью садятся на все и сейчасъ-же приступаютъ къ сосанію. Оттого единымъ взмахомъ руки мы валимъ десятки труповъ ихъ съ рукъ, щекъ и шеи. И все же эти части, а особенно плечи, прикрытыя тонкой рубахой, уже зудятъ, и кое гдѣ запеклись пятнышки крови. Но о комарахъ дальше.

Наконецъ-то вотъ и Царевичи, вотъ и дача съ готической башней, стоящая высоко надъ озеромъ на голомъ сглаженномъ черепѣ скалы. Но она пуста, и въ окнѣ кухни видна только жена сторожа съ кучей ребятъ. Снявъ фотографію съ дачи и передавъ изумленной сторожихѣ поклонъ отъ «барыни», мы поплелись дальше и черезъ часъ добрались до Косалмы, нашей ночевки. Косалма удивительное мѣсто: здѣсь каменный перешеекъ, по которому мы шли нѣсколько часовъ, понижается и съуживается до 100 шаговъ въ ширину, и вода изъ Кончезера течетъ журчащимъ каскадомъ въ Укшезеро, которое лежитъ ниже на нѣсколько футовъ. Влѣво отъ дороги по сю и ту сторону каскада чернѣли въ свѣтломъ сумракѣ бѣлой сѣверной ночи зданія двухъ крестьянскихъ дворовъ, изъ которыхъ одинъ представлялъ почтовую станцію. Сюда мы и направили свои стопы, съ изумленіемъ поглядывая на груды бревенъ, безпорядочно наваленныхъ по берегу каскада; въ самомъ каскадѣ были уложены широкіе досчатые желоба, а въ нихъ поверхъ и между стиснутыхъ и сжатыхъ бревенъ кипѣла и шумѣла вода. Насъ приняла довольно ветхая старушка, видно было, что она привыкла къ прохожимъ и проѣзжимъ и знала, чего имъ требуется, а потому въ большой, еще не вполнѣ отдѣланной горницѣ вскорѣ уже кипѣлъ самоваръ и шипѣла яичница, и запахъ ея, смѣшиваясь съ ароматомъ свѣжаго смолистаго дерева, манилъ къ ѣдѣ и покою. Но сперва мы вымылись въ каскадѣ. Какое наслажденіе погружать искусанныя комарами руки въ холодную воду и лить ее пригоршнями на голову, шею

и пылающее лицо! Пока мы закусывали, старушка протащила мимо насъ въ смежную комнатку перины, ватныя, крытыя ситцевыми лоскутами одѣяла и подушки и устроила намъ на полу подъ разбитымъ окномъ, въ которое вѣтеръ съ озера вдувалъ прохладу, шумъ воды и комаровъ, двѣ заманчивыхъ постели.

Поужинавъ и попивъ чайку, мы вышли на воздухъ. Тихая бѣлая ночь была такъ хороша, что несмотря на усталость, не хотѣлось уходить въ душную избу. На каскадѣ возлѣ полуразрушенной мельницы какой-то мужикъ длиннымъ коломъ выворачивалъ застрявшія бревна. Бревна медленно двигались по желобу, стискивали другъ друга на поворотахъ и затирались такъ основательно, что казалось, никакія человѣческія силы не пропихнутъ ихъ дальше. Мужикъ подпускалъ подъ нихъ свой колъ, вонзалъ его въ промежутки, топилъ одни бревна подъ другія и въ концѣ концовъ добивался того, что спертыя бревна, вертясь и колыхаясь, уходили дальше въ пѣну каскада, а на ихъ мѣсто появлялись новыя, и вся исторія начиналась снова. Мы подивились генію строителя желоба, который не съумѣлъ устроить такъ, чтобы бревна проходили съ Кончезера на Укшъ быстро и не мѣшая одно другому, но, зараженные титаническими усиліями рабочаго, взяли тоже по колу и принялись ковырять и спускать бревна, да такъ увлеклись этой заманчивой работой, что провозились за ней часа полтора.

— Ну, Иванъ Григорьичъ, айда спать!

— Идемте.

Наступилъ вожделѣнный моментъ отхода ко сну, но не тутъто было: хочу содрать съ ногъ сапоги, а они не лѣзутъ.

— Иванъ Григорьичъ, будьте отцомъ роднымъ, помогите!

Иванъ Григорьичъ, шутя, кобенится.

— Што, будете знать какъ по Олонецкимъ губерніямъ пѣшкомъ ходить. Вотъ не сыму и лягете такъ, а утромъ не встанете.

Я сажусь на стулъ, а Иванъ Григорьичъ, ухватившись за правую ногу, начинаетъ отрывать ее отъ туловища.

— Ой-ой! Легче, легче!

— Ничего, держитесь за стулъ.

Но стулъ наклоняется и грозитъ свалить меня на полъ. Я пересаживаюсь на лавку, а Иванъ Григорьичъ, осторожно раскачивая сапогъ, сдираетъ его наконецъ съ опухшей ноги. Послѣ правой ноги наступаетъ очередь лѣвой. Каторжникъ, съ котораго послѣ тяжкой неволи сняли тяжелыя цѣпи, испытываетъ,

должно быть, такое-же чувство легкости, какое я ощущаю теперь. Начинаю изслѣдовать ноги — пятка, подошва и пальцы въ большихъ бѣлыхъ пузыряхъ, подъ которыми упруго движется жидкость, причиняя невыносимую рѣзь.

— Ну, Иванъ Григорьевичъ, крышка, какъ завтра пойдемъ?

Но у Ивана Григорьича положеніе дѣлъ еще хуже.

— Какъ пойдемъ? А вотъ застрянемъ въ этой Касалмѣ, пока мозоли не пройдутъ.

Смѣясь и подшучивая надъ своими ногами, надъ комарами, которые уже поютъ подъ потолкомъ, мы залѣзаемъ подъ одѣяло и вскорѣ засыпаемъ подъ пѣнье комаровъ и журчанье каскада.

Утромъ, натянувъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ на больныя ноги сапоги, мы вышли на озеро и первымъ дѣломъ осмотрѣли странное плавучее сооруженіе, оказавшееся машиной для черпанія со дна озера желѣзной руды. Эта «озерная руда» устилаетъ дно многихъ озеръ нашего озернаго края и Финляндіи, и много ея добываютъ крестьяне самодѣльными снарядами съ плавучихъ плотовъ для продажи на заводы. Обиліе этой озерной и еще другой «болотной» руды было причиной, почему древніе жители сѣверо-запада Россіи, «чудь», занимались добываніемъ изъ нея желѣза. Костеръ, разведенный въ ямѣ на днѣ прежняго болота или озера на слоѣ этой руды могъ быть причиной самаго открытія желѣза и искусства его обработки. Жаръ огня и куча тлѣющихъ углей выдѣлили изъ руды желѣзо, и дикіе звѣроловы могли неоднократно замѣтить, что послѣ разведеннаго въ такомъ мѣстѣ костра тамъ оставался новый камень, мягкій какъ воскъ въ огнѣ и звонко-твердый, когда остынетъ.

Что открытіе желѣза у чуди произошло подобнымъ образомъ на это указываетъ миѳъ о желѣзѣ въ народныхъ финскихъ былинахъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «Калевала». Вотъ что разсказываютъ тамъ объ открытіи желѣза и о томъ, почему оно приноситъ зло міру, облегчая людямъ жестокое дѣло войны:

Финская руна о желѣзѣ.

«Старый мудрый пѣвецъ и волшебникъ Вейнемейненъ быстро катилъ на своихъ легкихъ санкахъ изъ холодной Пойолы, снѣжнаго царства злой вѣдьмы Лоухи. Вдругъ до слуха его долетѣли звуки чудесной пѣсни, звѣневшей гдѣ-то высоко надъ

нимъ. Взглянувъ на небо Вейнемейненъ увидѣлъ на немъ широкую блестящую радугу, а на радугѣ сидѣла прекрасная дѣвушка,

Дочь Лоухи пряла и золотая нить вилась къ ней отъ звѣзды.

дочь Лоухи; она пряла, и золотая нить пряжи вилась къ ней съ неба отъ яркой звѣзды.

— Спустись, красавица, ко мнѣ!—взмолился старикъ.

— Зачѣмъ?

— Поѣдемъ со мною домой и будь моей женою.

На это дѣва смѣясь отвѣчала:

— Однажды на закатѣ солнца я сбирала въ рощѣ цвѣты. На деревѣ щебеталъ дроздъ. Щебеталъ онъ о томъ, кому живется лучше, дѣвушкѣ или женѣ. «Жизнь дѣвушки въ домѣ родителей яснѣй и безмятежнѣй весенняго дня, а невѣсткѣ въ домѣ мужа холоднѣе желѣза въ морозной день». Такъ щебеталъ дроздъ. Вотъ если ты, старикъ, расщепишь конскій волосъ тупымъ концомъ ножа, свяжешь яйцо узломъ, сдерешь съ гранитной скалы бересту и наколешь кольевъ изо льда, тогда, пожалуй, я выйду за тебя.

Мудрый Вейнемейненъ принялся за работу. Раздвоилъ волосъ, связалъ яйцо узломъ, надралъ со скалы бересты и нарубилъ цѣлую груду кольевъ изо льда.

Увидавъ это дѣвушка засмѣялась и сказала: «сдѣлай еще лодку изъ моего веретена и спусти ее въ воду, не касаясь ея руками».

Принялся за работу Вейнемейненъ. Два дня работа шла успѣшно, но на третій день злой завистливый лѣшій Хіизи прикоснулся къ топору старика, и желѣзо глубоко вонзилось въ колѣно Вейнемейнена. Кровь полилась ручьями изъ глубокой раны. Чтобы остановить ее Вейнемейненъ запѣлъ заклинанія, но онъ никакъ не могъ припомнить нѣсколько словъ о происхожденіи желѣза, и оттого кровь не останавливаясь текла ручьемъ, и силы его слабѣли. Приложивъ къ ранѣ плюсникъ и мохъ, онъ съ трудомъ дотащился до ближней деревни. Но и тамъ никто изъ стариковъ не могъ напомнить ему забытыхъ словъ, пока онъ самъ отъ боли и страданія не вспомнилъ ихъ. И вотъ онъ запѣлъ могучую руну о происхожденіи желѣза:

— Все въ мірѣ родилось отъ воздуха, отъ него произошла вода, потомъ огонь и наконецъ желѣзо. Укко, владыко неба, отдѣлилъ воду отъ воздуха и землю отъ воды, а потомъ приступилъ къ сотворенію желѣза, котораго еще не существовало на землѣ. Онъ потеръ рукою лѣвое колѣно, и изъ него явились три дѣвы. Выступивъ на край неба они стали орошать землю молокомъ. Первая источала молоко черное—изъ него произошло мягкое желѣзо; вторая молоко бѣлое—изъ него образовалась сталь; третья молоко красное—изъ него сплавилось хрупкое желѣзо.

Вскорѣ желѣзо пожелало сойтись со своимъ старшимъ братомъ, огнемъ. Но огонь былъ свирѣпъ, пылая яростью онъ кинулся на желѣзо; въ страхѣ оно кинулось отъ него прочь и попряталось

Кузница Ильмаринена.

въ обширныхъ болотахъ, въ такихъ трясинахъ, на днѣ рудниковъ и въ трещинахъ утесовъ, гдѣ дикіе лебеди и гуси вьютъ свои гнѣзда. Много вѣковъ пролежало желѣзо въ болотѣ, дикіе звѣ-

ри, лоси, волки и медвѣди ходили по нему, оставляя слѣды, и въ эти слѣды набиралось желѣзо. Но вотъ родился на свѣтъ съ клещами и мѣднымъ молотомъ въ рукѣ вѣщій кузнецъ Ильмариненъ. Быстро росъ онъ, такъ быстро, что уже на другой день по рожденіи строилъ себѣ кузницу. На болотѣ онъ увидѣлъ слѣды волка и медвѣдя. Подошелъ онъ поближе къ этимъ слѣдамъ, и къ удивленію своему замѣтилъ въ нихъ ржавчину. Изъ любопытства онъ собралъ ее, принесъ къ своему горну и положилъ на уголья. Раздувая съ силой мѣхи, Ильмариненъ вскорѣ увидѣлъ, что ржавчина превращается въ жидкую искрящуюся массу желѣза. И вдругъ желѣзо взмолилось къ нему человѣчьимъ голосомъ, прося прекратить эти мученія на яркомъ огнѣ. Взявъ съ желѣза клятву, что оно никогда не повредитъ своему повелителю, Ильмариненъ вынулъ его изъ горна и принялся ковать изъ него топоры, подковы и лемехи для плуговъ. Чтобы закалить желѣзо, Ильмариненъ послалъ пчелку собрать меду съ цвѣтовъ. Но злой духъ Хіизи подслушалъ его приказаніе и послалъ послушную ему осу собрать змѣинаго яду. Ильмариненъ принялъ осу за пчелку и влилъ змѣиный ядъ въ воду, въ которой должно было закалиться желѣзо. Вотъ причина коварства желѣза; вотъ почему оно забыло свою клятву и, возставъ противъ своего обладателя, проливаетъ его кровь въ жестокихъ войнахъ».

Любопытно, что эта желѣзная руда сама нарождается въ озерахъ и болотахъ, такъ что, если ее выбрать, то черезъ нѣкоторое довольно продолжительное время она снова отложится на днѣ. Вотъ какъ объясняется это странное явленіе:

Какъ извѣстно, вся поверхность Финляндіи и смежныхъ съ нею частей Олонецкой и Архангельской губерніи сложена изъ древнихъ кристаллическихъ породъ, именно изъ гранита [1]) и гнейса;

---

[1]) Главныя составныя части гранита и гнейса составляютъ минералы: полевой шпатъ, кварцъ и слюда; гнейсъ отличается отъ гранита тѣмъ, что въ немъ замѣтна нѣкоторая слоистость. Діоритъ состоитъ изъ полевого шпата (но другого, чѣмъ въ гранитѣ) и роговой обманки, діабазъ—изъ такого же полевого шпата, какой въ діоритѣ и авгитѣ, а мелафиръ не столько отличается отъ діабаза своими составными частями, сколько строеніемъ· въ его темной, зеленоватой или бурой массѣ наблюдается много отдѣльныхъ кусковъ въ видѣ миндалинъ, состоящихъ изъ разныхъ минераловъ. Это оттого, что мелафиръ вылился нѣкогда на земную поверхность въ видѣ огненно-жидкой пузыристой лавы, и въ

мѣстами между ними попадаются и другія древнія кристаллическія породы, какъ напр. діоритъ, діабазъ и мелафиръ. Поверхъ ихъ на всемъ Финно Скандинавскомъ массивѣ залегали нѣкогда болѣе молодыя и болѣе мягкія слоистыя породы, которыя впослѣдствіи исчезли; ихъ, такъ сказать, содралъ обширный ледникъ (именно потому что они были мягкія), покрывавшій нѣкогда всю эту область мощной толщей льда и снѣга. Всѣ указанныя выше кристаллическія породы заключаютъ въ своемъ составѣ примѣсь желѣза въ видѣ различныхъ соединеній. Когда такая порода разрушается отъ дѣйствія воздуха и воды, какъ говорятъ, вывѣтривается, то дождевыя и проточныя воды, проникая въ трещины утесовъ, довольно легко растворяютъ соли закиси желѣза, тѣмъ легче, чѣмъ больше содержится въ водѣ углекислаго газа (а примѣсь его есть во всякой водѣ). Эти воды собираются въ рѣки, рѣки втекаютъ въ озера, и если стокъ изъ озеръ ничтоженъ, то вода надолго остается въ озерѣ. Но дно лѣсного озера, а тѣмъ паче болота, всегда усѣяно медленно гніющими остатками растеній и животныхъ, а эти вещества обладаютъ способностью превращать закись желѣза въ окись, которая мало растворима въ водѣ и потому садится на тѣ самыя предметы, которыя послужили причиной ея выдѣленія. Она обволакиваетъ ржавымъ слоемъ полусгнившія листочки, наростаетъ въ нихъ и на нихъ и въ концѣ концовъ образуетъ лепешки, похожія на монеты, почему ее и называютъ «денежной рудой». Если руда садится на песчинки, то образуетъ «бобовую руду». Само собой понятно, что озеро съ такой рудой представляетъ неисчерпаемый источникъ ея, и это до тѣхъ поръ, пока въ него притекаетъ вода, содержащая закись желѣза. Многія озера Олонецкаго края обладаютъ этимъ свойствомъ, обладаетъ имъ и Укшезеро.

Машина, которую мы осмотрѣли, была выписана изъ заграницы и стоила колоссальныхъ денегъ, но пользы отъ нея, кажется, мало, такъ какъ она не приспособлена къ нашимъ озерамъ и часто портится, а чинить ее здѣсь некому. Предполагалось, что она будетъ добывать руду для Кончезерскаго чугунно-плавильнаго завода. И сейчасъ она стоитъ, протянувъ надъ озеромъ свои гигантскія желѣзныя руки, словно благословляя его плодить въ

этихъ пузыряхъ уже потомъ просачивающаяся вода отложила разные минералы: известковый шпатъ, агатъ, халцедонъ, аметистъ, горный хрусталь и даже мѣдь и серебро.

своихъ нѣдрахъ руду. Машина стояла у пристани въ тихой заводи, отдѣленной отъ остального озера грядой длинныхъ, вытянутыхъ въ линію острововъ. Еще вчера вечеромъ, вглядываясь въ ихъ очертанія, я заподозрилъ въ нихъ такъ называемые «бараньи лбы». Теперь при дневномъ свѣтѣ подозрѣніе смѣнилось увѣренностью, и хотя по маршруту намъ было пора выступать въ походъ, но я рѣшилъ лучше потерять дорогое время, но не упустить случая изучить этихъ явныхъ свидѣтелей бывшей здѣсь нѣкогда ледниковой эпохи.

Кстати на берегу валялась лодка, мы спихнули ее въ воду, Иванъ Григорьичъ сѣлъ за весла, и спустя пять минутъ носъ нашего судна ткнулся въ каменную грудь большого острова. Издали дикій гранитный островъ, поросшій соснами и можевельникомъ, невольно вызывалъ своимъ видомъ представленіе о «чудо-юдо рыбѣ китѣ», у котораго «частоколы въ ребра вбиты», а возлѣ него точно киты дѣтки, слѣдующія за матерью, выставляли надъ водой свои гладкія спины мелкіе островки.

— Что такое бараньи лбы? спрашиваетъ меня Иванъ Григорьичъ.

Пока мы тащимъ лодку на колкій щебень и продираемся сквозь чащу кустарника по хаотически изрытому камню скалы, я читаю Иванъ Григорьичу краткую лекцію о ледниковомъ періодѣ. Онъ, впрочемъ, кое что знаетъ объ этомъ, читалъ по книгамъ и схватываетъ мысли налету, съ любопытствомъ разсматривая ясныя свидѣтельства самой природы о томъ, чего не могъ видѣть и не видѣлъ человѣкъ.

— Видите ли, вся эта страна была покрыта громаднымъ ледникомъ. Ледника вы не видали, и я не видалъ, но читалъ въ геологіи, есть такая наука о земной корѣ...

— Знаю, знаю.

— Ну и прекрасно! Ледниковъ много въ горныхъ странахъ и большею частью по сосѣдству морей, но такого ледника, какой залегалъ здѣсь, мы теперь на свѣтѣ не найдемъ, развѣ что у южнаго полюса. По примѣрнымъ расчетамъ онъ занималъ пространство въ 115.000 кв. миль, а это знаете сколько?

— Сколько?

— На 15.000 кв. миль больше всей Европейской Россіи.

— Ничего ледничекъ былъ.

— Да. Вродѣ него, но поменьше есть теперь ледникъ въ Гренландіи....

Сѣверо-западный копецъ бараньяго лба на Укшезерѣ у Косалмы.

— Гдѣ эти самые самоѣды...

— Не самоѣды, а эскимосы, и Нансенъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ пересѣкъ южную Гренландію поперекъ, исчисляетъ толщу льда и снѣга въ тѣхъ мѣстахъ до 1900 метровъ, такъ примѣрно немногимъ больше полуторы верстъ. Вотъ посмотрите на это облачко, это низкое кучевое облако, значитъ ледникъ тотъ примѣрно до него.

Иванъ Григорьичъ смотритъ наверхъ и что-то соображаетъ.

— И этотъ ледъ не лежитъ неподвижно, а ползетъ, и не то что ползетъ, а течетъ. Дойдетъ до моря, впятится въ воду, а вода его выталкиваетъ, выпираетъ наверхъ, дескать, ты легче меня, такъ не ползи по дну, а плыви. Ледъ со страшнымъ грохотомъ обламывается, качаясь всплываетъ, кружится, кувыркается, такъ что все море кругомъ точно кипитъ, а потомъ, какъ установится, плыветъ...

— Ледяная гора...

— Вотъ, вотъ, а на ней плывутъ пассажиры...

— Тюлени, стало быть, бѣлые медвѣди...

— Да и эти, но есть и мертвые, замороженные пассажиры. Это камни и всякая мелочь: илъ, песокъ, щебень... Когда ледъ еще ползъ или текъ по Гренландіи, онъ облѣплялъ неровности почвы, напиралъ на нихъ, срывалъ, соскребалъ, а все сорванное вмерзало въ него, такъ что еслибы можно было перевернуть всю толщу этого льда низомъ наверхъ, то онъ обнаружилъ бы сходство съ напильникомъ, на которомъ набиты крупныя, мелкія и мельчайшія насѣчки. Конечно, вы понимаете, что дѣлается съ поверхностью земли, когда ее точитъ такой напилокъ и точитъ все въ одну сторону, туда, куда ползетъ ледъ.

Въ это время мы успѣли пробраться къ сѣверо-западному концу острова и очутились на округло покатой, какъ конецъ яйца, скалѣ, спускавшейся прямо въ озеро.

— Вотъ, смотрите, я сейчасъ, не вынимая компаса, скажу вамъ, что этотъ «лобъ» смотритъ на сѣверо-сѣверо-западъ и туда же уставились всѣ эти бороздки и штрихи, которые вы видите на этой гладкой поверхности.

Мы нагибаемся и ощупываемъ эти неровности руками, затѣмъ я вынимаю компасъ, и мы удостовѣряемся, что направленіе указано вѣрно.

— Замѣтьте, что и острова и озера и тотъ каменный перешеекъ, по которому мы вчера тащились, и, вотъ сейчасъ посмо-

тримъ на карту, рѣки и длинные холмы, озы, по здѣшнему сельги, и губы Онежскаго озера, все, все въ этомъ краю вытянуто въ томъ же направленіи. Какъ по вашему это объяснить?

— Неужто-жъ все ледникъ сдѣлалъ?

— А ужъ это какъ угодно. Если не желаете вѣрить глазамъ и разсужденію, то какъ вы мнѣ объясните, почему этотъ сѣверо-западный конецъ острова, и не у одного него, а, изволите видѣть, у всѣхъ, сколько ихъ тутъ есть, именно эти концы гладкіе, какъ яйцо или бараній лобъ, и исчирканы параллельными штрихами, а задніе концы, юговосточные, естественно неровные.

— Н-да, стало быть съ этой самой стороны ледникъ и напиралъ.

— Напиралъ, бороздилъ, чиркалъ, шлифовалъ, содралъ, что лежало поверхъ, въ ложбинахъ и долинахъ вытеръ наносы до

Маленькій бараній лобъ на Укшезерѣ у Косальмы.

каменнаго дна, такъ что потомъ въ нихъ могла скопиться вода, словомъ, куда кругомъ ни глянь, на все наложилъ онъ свою тяжелую руку. Да и эти скалы не устояли бы, еслибы онъ не стаялъ.

— Но, скажите Николай Ильичъ, по какой же причинѣ сдѣлался такой ледникъ и по истеченіи времени исчезъ?

— Это я вамъ разскажу потомъ, вотъ пойдемъ по дорогѣ, скучно станетъ, и заведемъ рѣчь объ этихъ вещахъ, а сейчасъ надо фотографіи снимать.

Мы пробираемся къ лодкѣ и объѣзжаемъ всѣ островки, дѣлая съ нихъ снимки, а затѣмъ торопливо направляемся къ берегу, потому что уже около полудня. Но выбраться такъ скоро

изъ Косалмы намъ не удалось: по случаю воскреснаго дня хозяева были дома и пригласили насъ откушать ихъ хлѣба-соли. Мы переглянулись съ Иванъ Григорьичемъ: «что-жъ, думаемъ, пошли знакомиться со страной и народомъ, надо посмотрѣть, чѣмъ питаются олонецкіе крестьяне». Въ большой избѣ за столомъ посерединѣ ея уже сидѣла семья хозяина, мужика среднихъ лѣтъ, по имени Петръ Гавриловъ Михаилинъ, и два рабочихъ, карела, мы присѣли, положили на колѣни вмѣсто салфетки длинное полотенце, общее для всѣхъ обѣдающихъ, и получили отъ хозяйки по деревянной ложкѣ, которою принялись степенно и въ очередь черпать изъ большой миски жидкую, грязно-сваренную уху, заѣдая ее очень грубымъ чернымъ хлѣбомъ Хозяинъ и работники по случаю праздника роспили небольшую бутылочку водки, угостили и меня; пили благоговѣйно, крестясь передъ чашкой и крякая по осушеніи ея. Чашку съ ухой хозяйка пополняла раза два, а потомъ подала тарелку съ мелкой рыбой, которая, очевидно, послужила матеріаломъ для ухи. Небрежно вычищенная рыба съ чешуей, костями и нутромъ была прѣснаго вываренняго вкуса, такъ что ѣсть ее не доставляло особаго удовольствія, но наши сотрапезники, очевидно, были довольны ею, потому что ѣли ее и все время, не стѣсняясь, громко рыгали. Эту рыбу,—все больше окуньки и ерши,—они заѣдали «кокачами», длинными пирогами изъ чернаго тѣста, начиненными кашей. Какъ ни былъ я голоденъ послѣ жидкой ухи и рыбы, но откусивъ кусокъ этого пирога, не зналъ какъ проглотить его—до того изъ рукъ вонъ плоха эта снѣдь: прѣсное тѣсто не пропечено, каша сухая, черствая. Бесѣда за столомъ велась о ѣдѣ и охотѣ: хозяйка перечислила нѣсколько блюдъ, по ея словамъ очень вкусныхъ, которыя готовятся въ разные праздники, въ томъ числѣ какія-то «калитки», съ которыми мы познакомились впослѣдствіи, а хозяинъ разсказалъ, какъ онъ зимой убилъ медвѣдя.

— Выстрѣлилъ въ него, а онъ стоитъ, только когти въ снѣгъ запускаетъ, какъ стоялъ, такъ и замерзъ, потомъ ужъ пришли съ него шкуру снимать.

— Изъ управы 15 р. дали, замѣчаетъ хозяйка, съ одобреніемъ и гордостью поглядывая на мужа.

Что убитый медвѣдь остался стоять на ногахъ, да такъ и замерзъ, показалось мнѣ подозрительнымъ, но не платить же за гостепріимство недовѣріемъ, и я промолчалъ. Впослѣдствіи намъ пришлось немало слышать о медвѣдяхъ, и тогда же случайно вы-

яснилось, что этого медвѣдя убилъ вовсе не нашъ Михаилинъ, а другой охотникъ, Михаилинъ же только присутствовалъ на охотѣ загонщикомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Съ тѣхъ поръ мы окрестили его въ своихъ разговорахъ «знаменитымъ охотникомъ на медвѣдей». Съ охоты на медвѣдей рѣчь перешла на охоту вообще.

— У насъ на озерѣ утки подъ самой деревней. даве утромъ одна плавала.

— Когда, сегодня?

— Северодни, севодни.

— Развѣ попробовать по ней изъ винтовки?

— Отчего-жъ, можно.

Я побѣжалъ за винтовкой и патронами и въ сопровожденіи «знаменитаго медвѣжьяго охотника» вышелъ на озеро. Дѣйствительно, на камнѣ шагахъ въ полутораста сидѣла утка, а вдали плавали еще двѣ. И вотъ мы принялись палить по ней. Слабые звуки выстрѣловъ не вспугивали довѣрчивой птицы, а пульки, шлепавшія въ воду возлѣ нея, утка принимала за плескъ рыбы. «Знаменитый охотникъ на медвѣдей» стрѣлялъ хуже меня, даже когда прислонялъ винтовку къ сучку дерева. Раза два утка перелетала, мы подкрадывались къ ней, палили, но все съ тѣмъ же успѣхомъ, пока я не спохватился, что пора идти.

Иванъ Григорьичъ уже сложилъ вещи по походному, и намъ оставалось только распрощаться и откланяться. Солнце палило немилосердно, ноги рѣзало при каждомъ шагѣ, и первыя версты мы испытывали невыносимыя мученія, но потомъ обошлось, и когда, спустя часа полтора поперегъ дороги, среди высокаго тѣнистаго березняка протянулся гремучій ручей, мы разложили огонекъ и залили жажду нѣсколькими кружками чая, прячась отъ комаровъ въ дыму костра. Что за прелесть эти привалы въ дѣвственномъ сѣверномъ лѣсу! Кругомъ тѣнь и прохлада, между бѣлыми стволами березъ темнѣютъ кусты можжевельника, съ котораго, если нарѣзать колючихъ вѣтвей его, да положить ихъ на костеръ, идетъ сизый пахучій дымокъ, особенно нелюбимый комарами. Возлѣ мелодично и ровно журчитъ ручей, и шумъ этотъ сливается съ шелестомъ листьевъ, когда по верхушкамъ деревьевъ пробѣгаетъ вѣтерокъ. Ни души кругомъ, даже не пахнетъ человѣкомъ; прочемъ нѣтъ,—вонъ по залитой солнцемъ дорогѣ идетъ какой-то пѣшеходъ.

— Эге, говоримъ мы съ Иванъ Григорьичемъ, да это нашъ Хрисанфъ!

Фигура, качаясь въ неуклюжихъ сапожищахъ, подходитъ ближе, слышенъ сухой звукъ шаговъ, и Хрисанфъ, здороваясь, проходитъ мимо и садится за мостомъ на камешекъ. Мы убираемъ посуду и вещи и трогаемся въ путь уже втроемъ и часа черезъ два ходьбы по живописной дорогѣ, на которой я съ помощью своего аппарата увѣковѣчиваю Хрисанфа, мы выбираемся изъ лѣсу въ холмистую мѣстность, съ высотъ которой открываетея живописный видъ на Конче-озеро. Вдали показываются строенія и бѣлая церковь Кончезера. Тутъ Хрисанфъ разстается съ нами и

Озерный пейзажъ въ окрестностяхъ Кончезера; видно Укшезеро и вдающійся въ него полуостровъ.

сворачиваетъ влѣво. Дорога вьется по холмамъ вверхъ, внизъ, и мы, изнемогая отъ зноя, усталости и груза, медленно приближаемся къ селенію. Вотъ и оно: бѣлая церковь направо, налѣво лавка и дома. Но это только часть селенія. Кончезеро расположилось на перешейкѣ у сѣвернаго конца озера Конче, а за перешейкомъ, къ сѣверо-западу—новое длинное озеро, Пертозеро, воды котораго шумной бѣлой завѣсой стекаютъ въ Конче черезъ плотину, подъ длиннымъ высокимъ мостомъ. Самый заводъ, т. е. домна, стоитъ по ту сторону, а здѣсь находятся лишь обширные сараи съ рѣшетчатыми стѣнами, а сквозь нихъ виднѣются груды шоколадно-рыжей руды. За домной по ту сторону озера Конче, подъ живописно разорванными утесами растянулись въ длинный рядъ обывательскіе домишки. Но это мы увидѣли потомъ, а пока

мы останавливаемся у лавки, возлѣ которой, по случаю праздничнаго дня, толпятся мужики.

Мужики затихаютъ и съ любопытствомъ поглядываютъ на насъ, а мы на нихъ. Всматриваясь въ ихъ лица, я замѣчаю два типа: русскій и финскій.

— Вы русскіе?

Мужики молчатъ, переглядываются.

— Русскіе или карелы?

— Русскіе, русскіе, православные.

— Давайте, я васъ сейчасъ сниму на карточки.

— Что-жъ, можно.

— Снимите меня, заявляетъ неожиданно и нѣсколько нахально стоящій въ сторонѣ парень; онъ одѣтъ щеголевато: въ пиджакѣ,

Крестьяне изъ окрестностей Кончезера (русскій типъ).

при своихъ собственныхъ часахъ и цѣпочкѣ, въ новенькой фуражкѣ, хорошіе сапоги и гармонь подъ мышкой.

— Нѣтъ, говорю, васъ мнѣ не надо.

Парень сконфузился, но сейчасъ же затѣмъ разозлился.

— Тутъ нешто можно снимать, нешто не видите церковь, противъ церкви нельзя снимать! кипятится онъ.

Мужики загалдѣли, принимая мою сторону.

— Какъ же это вы, вмѣшивается Иванъ Григорьичъ, говорите, что противъ церкви нельзя снимать, а сами сейчасъ хотѣли сниматься?

*

— Хо, хо, хо! Ловко! хохочетъ публика, а парень пытается защитить свое мнѣніе, но неудачно и стушевывается.

— Евоный отецъ на озерѣ живетъ, самый богатый здѣсь, ну, вотъ и куражится, объясняютъ мужики, довольные тѣмъ, что сына богача осрамили.

Я выбираю трехъ мужиковъ русскаго типа и снимаю ихъ, а затѣмъ снимаю двухъ, по моему карелъ. Въ лавочкѣ мы беремъ табакъ и баранки и спрашиваемъ, гдѣ аптека. Уже на первыхъ порахъ начали обнаруживаться недостатки нашаго снаряженія; такъ изъ медикаментовъ имѣлся только хининъ, но не было ничего антисептическаго. А между тѣмъ пузыри на ногахъ, лопаясь, обнажали молодую кожу, засореніе которой угрожало воспаленіемъ. Надо было во что бы то ни стало устранить эту опасность. Аптеки, какъ аптеки, въ Кончезерѣ, конечно не оказалось, но здѣсь жилъ земскій врачъ съ фельдшеромъ и заводскій фельдшеръ. Сперва мы разыскали земскаго врача, обитавшаго во второмъ этажѣ большого дома, куда надо было «пропялиться» по лѣстницѣ, какъ сказалъ мнѣ маленькій мальчикъ въ сѣняхъ. Доктора дома не оказалось. Тогда я пошелъ на ту сторону села искать его фельдшера. Но дома либо были пусты, либо въ нихъ происходили праздничныя сцены. Такъ въ окно одной избы было видно, какъ два мужика, пьяныхъ до-нельзя, стояли качаясь по обѣ стороны стола и кланялись другъ-другу, не переставая орать пѣсню, въ которой звуки пьяной радости и горя такъ перемѣшались, что невозможно было опредѣлить, радуются ли пѣвцы или тоскуютъ.

— Фершалъ въ гости уѣхалъ, сообщила мнѣ на его квартирѣ баба.

— А гдѣ другой фельдшеръ живетъ.

— На той сторонѣ, рядомъ съ лавкой.

— О, Господи, это значитъ тащиться назадъ черезъ плотину.

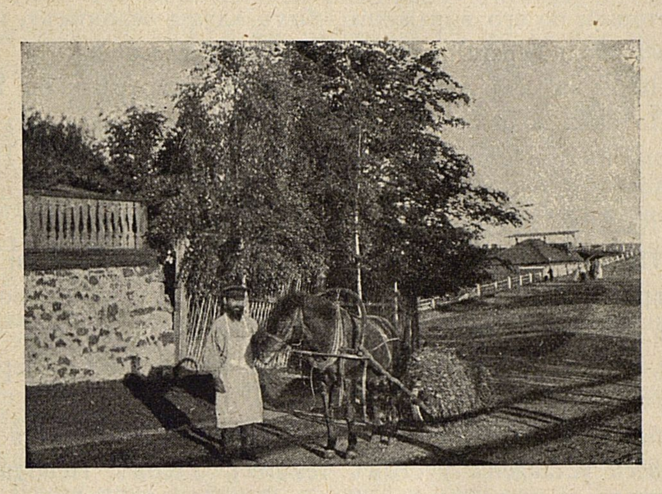
Этотъ фельдшеръ, толстобородый, серьезный мужчина среднихъ лѣтъ, выслушавъ мою просьбу, немедленно пошелъ въ сосѣднюю комнату и отлилъ мнѣ въ скляночку немного карболки, которой у него у самого было мало. Отъ всякой платы онъ отказался и, узнавъ, что мы идемъ на Кивачъ, сообщилъ, что выше Кивача на Сунѣ есть еще два водопада, которые, хотя не такъ красивы, какъ Кивачъ, но очень стоятъ, чтобы взглянуть на нихъ.

— Разъ вы забрались въ такіе края, то ужъ вполнѣ естественно обозрѣть и ихъ.

Я поблагодарилъ и ушелъ.

Пока мы бродили по заводу, солнце уже склонилось къ горизонту и золотило гладкое озеро, скалы и кресты на церкви. Было 9 часовъ, а до Кивача оставалось еще 20 верстъ.

На выходѣ изъ селенія, пока я снималъ фотографію съ воза съ сѣномъ на полозьяхъ, которыми по здѣшнему каменистому и неровному мѣсту часто замѣняютъ колеса, возлѣ насъ завертѣлся мужичекъ. Онъ еще раньше у лавки приставалъ къ намъ, предлагая доставить насъ въ лодкѣ на другой конецъ Пертозера, от-



Лошадь, запряженная въ сани.

куда до Кивача оставалось 5 верстъ. Тогда мы не согласились въ цѣнѣ, теперь же, измученные ходьбой по Кончезеру, уступили. Онъ посовѣтовалъ намъ зайти къ начальнику завода, горному инженеру Л., и взять у него билетъ на право воспользоваться павильономъ, т. е. казеннымъ домомъ, выстроенномъ на Кивачѣ для посѣтителей, не для такихъ, какъ мы съ Иванъ Григорьичемъ, а для высокопоставленныхъ. Не совсѣмъ понятно, зачѣмъ нужна эта формальность, потому что отказа въ билетѣ не бываетъ; между тѣмъ, необходимость запастись имъ заставляетъ останавливаться въ Кончезерѣ и безпокоить начальника завода, что должно стѣснять обѣ стороны. Билетъ выправили живо, а затѣмъ мы спустились съ крутого берега въ лодку, усѣлись, мужикъ, оказавшійся бывшимъ матросомъ, поплевалъ въ руки и пошелъ махать веслами. Лодка медленно шла по озеру, позади живописно догорало въ лучахъ солнца село, а впереди чернѣлъ

высокій лѣвый берегъ Пертозера. Берега понемногу терялись, тамъ и сямъ на вороненой поверхности озера чернѣли точки— утки и гагары, и когда мы проѣзжали достаточно близко отъ нихъ, я стрѣлялъ изъ винтовки, но безуспѣшно—разстояніе было слишкомъ велико, даже при поднятомъ прицѣлѣ

Становилось холодно. Мы одѣли теплую одежу, а нашъ Харонъ равномѣрно махалъ веслами и разсказывалъ про здѣшнее житье-бытье. Онъ жаловался на отсутствіе заработковъ, на оскудѣніе рыбы въ озерѣ, разсказывалъ про заводъ, про начальника его, который, по его выраженію, былъ «душа человѣкъ», и, тыча пальцемъ вдоль берега, называлъ деревни и сельбища.

— Кабы вы семь лѣтъ тому пріѣхали, посмотрѣли бы Кончезеро. По окна вода стояла. Плотину прорвало, вода изъ Пертзера ушла въ Кончезеро, и всю деревню, что внизу, залило. Потомъ ужъ починили, ушла вода снова, слилась у Косалмы въ Укшезеро.

— Какъ же видѣли, льется черезъ камень.

— Ну вотъ. Ружье, баринъ, уберите, все одно тутъ ни утокъ, ни гагаръ нѣтъ. Самое глубокое мѣсто, тутъ имъ не водъ, не достать дна. Онѣ, вишь ты, ныряютъ, копаются на днѣ, а тутъ глыбко, и рыбы тоже нѣтъ. А вотъ налѣво двѣ горы, первая то Соколуха, а вторая Орелъ.

Дѣйствительно, лѣвый берегъ озера круто подымается въ гору и весь уставленъ густымъ темнымъ лѣсомъ. Неподвижныя мрачныя деревья, камни и утесы отражаются въ темномъ озерѣ. Дико и красиво.

— Что это! Что это!

Поперекъ озера волнистымъ, змѣинымъ движеніемъ плыло что-то. Мы замерли, стараясь отгадать странный предметъ. Казалось, это плыла змѣя. Всматриваюсь пристально:

— Бѣлка!

Дѣйствительно, по глади озера, пустивъ пушистый хвостъ по водѣ, быстро поребирая лапками, плыла бѣлка. Она плыла къ тому берегу, куда ее манилъ еловый лѣсъ, съ его большими смолистыми шишками. Странно, необычайно было видѣть этого маленькаго звѣрька, отважно пустившагося поперекъ озера, ширина котораго тутъ около двухъ верстъ. Нашъ гребецъ поворачиваетъ лодку и въ нѣсколько взмаховъ догоняетъ звѣрька. Бѣлка, почуя опасность, заторопилась, ясно виденъ испугъ въ маленькихъ черныхъ глазкахъ. Мужикъ наровитъ ударить бѣлку весломъ, но вмѣсто того поддѣваетъ ее, и звѣрекъ, пользуясь весломъ какъ

точкой опоры, широкимъ, граціознымъ прыжкомъ падаетъ далеко въ воду.

— Не трогай! Не трогай! Пусть плыветъ! Экая, въ самомъ дѣлѣ, смѣлая какая!

И нѣсколько минутъ мы смотримъ ей вслѣдъ. Спустя нѣсколько дней на обратномъ пути мы ѣхали ночью по другому озеру и опять встрѣтили плывшую черезъ него бѣлку.

Скоро три часа, какъ мы выбрались изъ Кончезера. Вотъ на берегу чернѣетъ деревня. Это Викшица — цѣль нашаго плаванія.

Еще четверть часа, и мы расправляемъ на берегу онѣмѣлыя долгимъ сидѣньемъ ноги. Но вотъ бѣда, нѣту мелкихъ расплатиться съ гребцомъ, и долго ходитъ онъ по спящей деревнѣ, стучитъ въ окна и пытается размѣнять золотой—пять рублей. Изъ ближней избы выходитъ огромный босой, распоясанный мужикъ съ лохматой головой. Онъ, зѣвая и почесываясь, равнодушно подаетъ совѣты, пока нашему гребцу не удается, наконецъ, произвести требуемую финансовую операцію.

Лохматый мужикъ выводитъ насъ за деревню и показываетъ дорогу къ Кивачу, и вотъ, завѣсивъ затылокъ платкомъ отъ комаровъ, которые поютъ, трубятъ и воютъ кругомъ и сѣрой массой облѣпили наши спины и фуражки, мы плетемся по мягкой песчаной дорогѣ сквозь рѣдкій неподвижный лѣсъ березы и ольхи. Бѣлая ночь смотритъ съ неба и сквозитъ въ кружева недвижной въ сонномъ воздухѣ листвы.

Но, чу! Никакъ подымается вѣтеръ.

Слышите, лѣсъ зашумѣлъ. Однако, все тѣ же стоятъ неподвижныя деревья, не колеблятся, не качаются вершины ихъ, уснувшія подъ безсоннымъ свѣтлымъ небомъ. Но словно неосязаемое дуновеніе, сквозь чащу кустарника, промежъ темныхъ стволовъ плыветъ и льется симфонія далеко шумящаго моря.

— Да это Кивачъ слышенъ!

— Кивачъ?

— Прислушайтесь!

Мы стоимъ неподвижно и слушаемъ. Ровный мелодичный рокотъ несется по воздуху.

— А вѣдь вѣрно, Кивачъ!

— Да безъ сомнѣнія!

— Какъ далеко слышно, за четыре версты!

Чѣмъ ближе подходимъ мы, тѣмъ яснѣе и звучнѣе рокотъ.

Уже слышны въ ровномъ гулѣ отдѣльныя ноты, которыя выдѣляются на фонѣ его, какъ яркія краски на картинѣ.

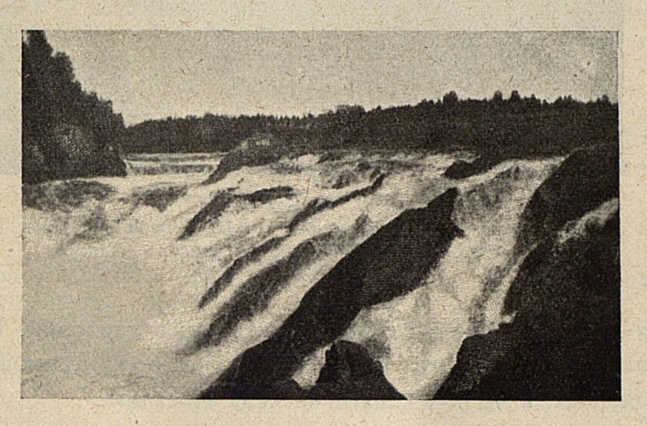
Вотъ и лѣсъ кончается, мостъ, и стремительно несется и пѣнится подъ нимъ Суна.

Это былъ торжественный моментъ, когда съ моста открылся видъ на Кивачъ. Мы шли, не отрывая отъ него взоровъ. Было 2 ч. ночи, но свѣтло, какъ днемъ, и пѣнистыя струи воды ясно вырѣзались между темныхъ скалъ и деревьевъ. Вотъ и павиль-

Видъ на Кивачъ съ моста черезъ Суну.

онъ направо. Мы приближаемся къ нему, переходимъ мостки надъ разорванными пропастями, гдѣ всюду журчитъ вода, сочась по мельчайшимъ трещинамъ, и останавливается у запертой двери. Иванъ Григорьичъ отправляется искать сторожа и долго бродитъ гдѣ-то, а я стою и любуюсь Кивачемъ. Мнѣ прежде казалось невѣроятнымъ, чтобы люди забывали объ усталости, голодѣ, изнеможеніи, пораженные красотами природы, и вотъ теперь я испытывалъ нѣчто подобное. Конечно, ноги и плечи ныли, комары продолжали виться кругомъ, но эти болѣзненныя ощущенія какъ-то расплывались въ странномъ состояніи созерцательнаго оцѣпенѣнія и еще придавали ему какую-то особую остроту. И когда наконецъ явился сторожъ, отперъ дверь, и мы могли выйти на балконъ, висящій надъ самымъ Кивачемъ, то долго стояли, пораженные величественнымъ зрѣлищемъ. Груды воды падали съ оглушительнымъ грохотомъ въ клокочущую пѣну, вздымая пыльное облако мельчайшихъ брызгъ, оплескивая черные утесы, и произ-

водя внизу все тѣ же узоры пѣны и водоворотовъ. Изъ бѣлой воды на самомъ водоскатѣ, точно гигантскіе зубы, торчали утесы-камни. Все бѣшено движется, и все-же остается на мѣстѣ. Обманъ движенія въ покоѣ или покоя среди движенія вызывается встрѣчей и столкновеніемъ двухъ силъ. Мрачный, разбитый трещинами діоритъ упрямо и молчаливо упираетъ свою каменную грудь навстрѣчу водѣ—эмблема какой-то любви къ покою и неподвижности. Вода, наоборотъ, эмблема кипучей страсти и движенія. Вздымая все новые и новые водометы, стрѣлой уносится она прочь, бѣшено бьетъ, плещетъ, кипитъ и неумолчно реветъ, рокочетъ и бурлитъ, какъ дикій звѣрь, отчаянно и злобно, стемясь раздвинуть

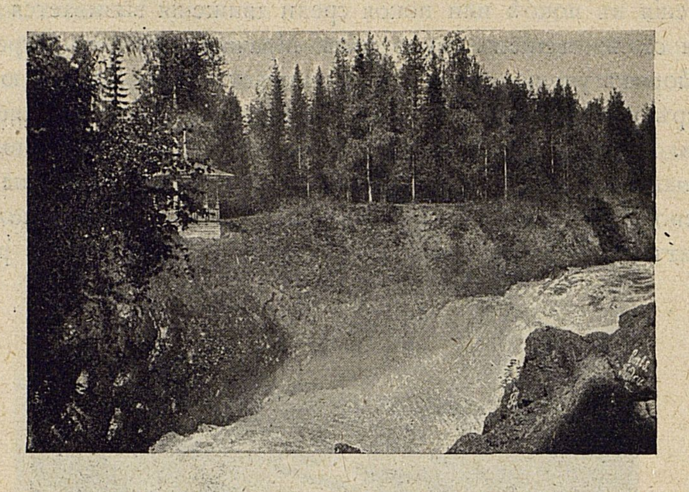


Видъ на Кивачъ изъ павильона.

нуть сжавшую ее громаду, повалить эти черные зубья, упорно торчащіе поперекъ ея стремленія. Кто побѣдитъ въ этой борьбѣ, незнающей пощады и примиренія? Вѣчная-ли сила, стремящая себя и все живое съ собою впередъ и впередъ, кидающая все новыя и новыя массы энергіи и вещества въ пекло борьбы, или эта разъ созданная и окаменѣвшая въ неподвижныхъ формахъ жажда покоя и старины. Діориты Кивача, какъ и вся окрестная природа, какъ и люди этой страны дремучихъ лѣсовъ и стоячихъ болотъ, производятъ впечатлѣніе, что пока перевѣсъ на сторонѣ косной силы покоя. Напрасно шумятъ рѣки по каменьямъ на порогахъ, вода ихъ, можетъ быть единственное что живетъ и движется впередъ въ этомъ краѣ.

Было уже около 5 ч. утра, когда мы удалились на покой въ домишко вдали отъ водопада, гдѣ сторожъ приготовилъ намъ

постели. Это было полное повторенiе ночлега въ Косалмѣ: такiе же тюфяки, красныя подушки и ватныя ситцевыя одѣяла, и также мы съ трудомъ сняли сапоги и долго возились съ ногами, при-



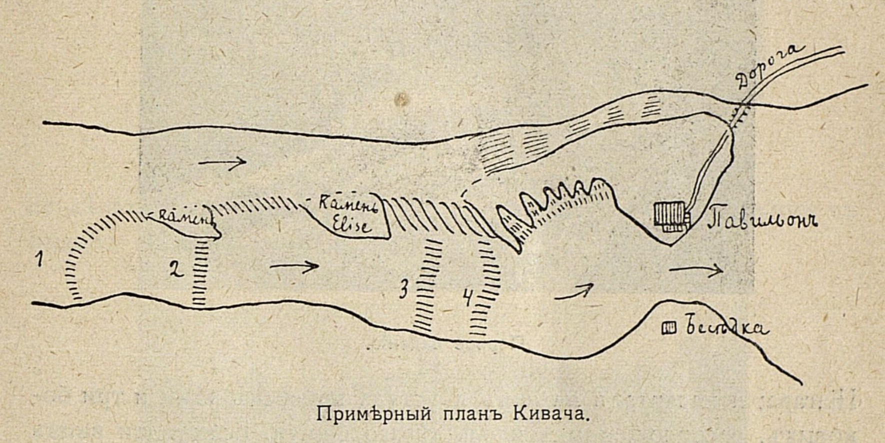
Видъ на Кивачъ изъ павильона въ 10 ч. утра. На томъ берегу видна бесѣдка, направо на утесахъ надписи гг. туристовъ.

мачивая натертыя раны слабымъ растворомъ карболки. Разница была только въ томъ, что мы заснули здѣсь подъ громовой грохотъ водопада, а не журчащаго каскада Косалмы.

Видъ на Кивачъ съ лѣваго берега Суны

Поднялись мы поздно, должно быть въ одиннадцатомъ часу, умылись въ струѣ водопада и пили чай въ павильонѣ, куда жена сторожа принесла самоваръ, молоко и яичницу. Кивачъ былъ чуд-

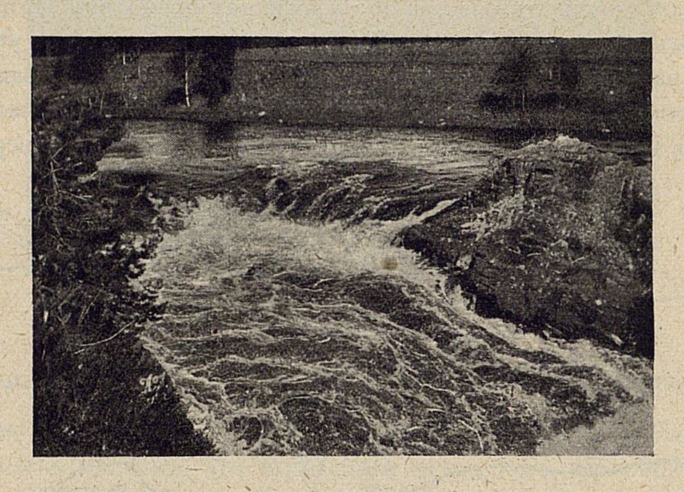
но красивъ въ привѣтливомъ блескѣ солнечнаго утра; внизу поперекъ главнаго паденія въ облакѣ пыли легкой прозрачной аркой висѣла радуга, и яркіе блики на струяхъ воды, на пѣнѣ, еще рѣзче оттѣняли мрачный цвѣтъ темныхъ утесовъ. Я занялся фотографической съемкой, когда въ павильонѣ появилось новое лицо. Это былъ черный молодой человѣкъ въ велосипедномъ костюмѣ, обличавшемъ долгія дорожныя мытарства. Мы познакомились Г. Н. чиновникъ министерства юстиціи, воспользовавшись отпускомъ, прикатилъ сюда на велосипедѣ прямо изъ Петербурга. Онъ только заѣхалъ на Кивачъ, а собственно путь его лежалъ на Соловецкій монастырь. Вмѣстѣ съ нимъ мы занялись осмотромъ и съемкой Кивача Сперва я осмотрѣлъ и снялъ водопадъ нѣсколько разъ съ лѣваго берега, а потомъ мы перепра-



Примѣрный планъ Кивача.

вились по двумъ мостамъ на ту сторону, дѣлая все время новые снимки. Первый мостъ, тотъ, по которому мы пришли, широкій и основательный, имѣлъ по срединѣ повильонъ самоѣдско-индусскаго стиля, представлявшій такой видъ, точно его воздвигли для примирительнаго банкета тѣхъ устьсысольскихъ и сольвычегодскихъ купцовъ изъ «Мертвыхъ душъ», которые уходили другъ друга подъ микитки и въ другія мѣста. Другой мостъ былъ длинный пѣшеходный и велъ къ бесѣдкѣ, воздвигнутой на вершинѣ утеса. Бесѣдка была построена, повидимому, въ томъ расчетѣ, чтобы въ ней нельзя было сидѣть — ее всю обволакивала пыль Кивача, такъ что перила, скамьи и полъ блестѣли въ потокахъ и лужахъ воды. Вѣтеръ несъ пыль прямо въ эту сторону, и кусты, деревья и трава были сочно обрызганы ею, а клочки почвы на діоритѣ представляли чистое болото, въ которомъ глу-

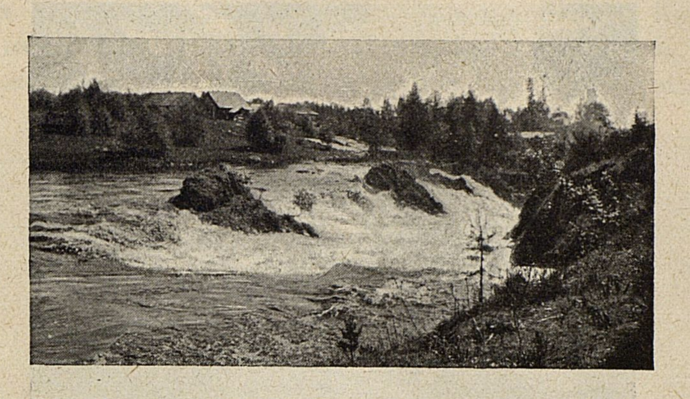
боко и скользко вязли ноги. Вотъ съ этой стороны діоритовому утесу угрожаетъ гибель. Корни деревьевъ и другихъ растеній, внѣдряясь въ него, кислымъ сокомъ своимъ медленно травятъ и расщепляютъ камень въ союзѣ съ воздухомъ, морозомъ и водой. Тропинка отъ моста, взвиваясь на утесъ, уходитъ по правому берегу Кивача по опушкѣ веселаго лѣса далеко вдоль Суны, и, пробираясь по ней, можно удобно осмотрѣть все паденіе воды. Кивачъ отнюдь не состоитъ изъ одного уступа, какъ



Первое паденіе.

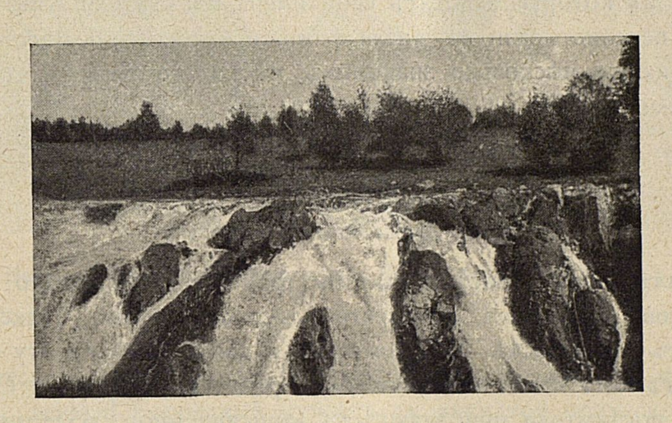
Ніагара; я насчиталъ на немъ 4 уступа поперекъ рѣки и три боковыхъ, расположенныхъ вдоль лѣваго берега. Если идти внизъ по правому берегу Суны, то видишь сперва быструю, но довольно спокойную рѣку шириной съ Мойку, текущую среди невысокихъ пологихъ береговъ. Затѣмъ видишь первое невысокое паденіе въ видѣ вогнутой подковы, захватывающее только половину рѣки; вторая половина Суны продолжаетъ течь вдоль лѣваго берега. спускаясь по продольнымъ уступамъ между утесами, которые стоятъ все чаще и въ концѣ образуютъ нѣчто вродѣ зубьевъ гребенки, сквозь которые стремится и падаетъ вода нѣсколькими широкими и узкими струями За первымъ поперечнымъ паденіемъ черезъ нѣсколько саженъ лежитъ второй уступъ; онъ выше, но уже перваго, и тоже захватываетъ лишь пол-рѣки до громаднаго утеса, разбитаго на отдѣльности. Затѣмъ значительно ниже по теченію лежатъ почти рядомъ два послѣднихъ уступа, примыкающихъ къ описанному выше частоколу утесовъ.

Но передъ ними со дна рѣки подымается конусовидный утесъ, на которомъ красуется поэтическая надпись «Elise». Второй изъ этихъ уступовъ есть главное паденіе воды, которая низвергается съ него въ съуженіе, образованное двумя утесами, причемъ утесъ праваго берега выше и дальше выступаетъ въ рѣчку, заставляя



Видъ на Кивачъ внизъ отъ перваго паденія.

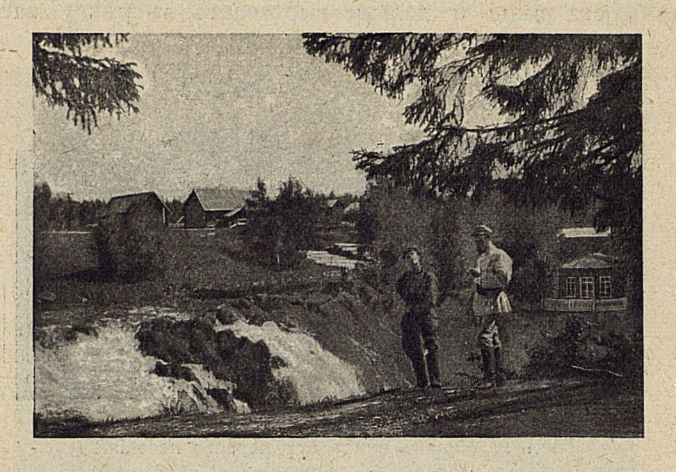
ее дѣлать изгибъ. На утесѣ лѣваго берега стоитъ павильонъ съ видомъ на весь водопадъ.



Утесы Кивача, снятые съ праваго берега.

Не знаю, сколько времени мы провели здѣсь, снимая водопадъ и любуясь его видомъ. Первымъ спохватился нашъ новый знакомый г. Н. Оно и понятно, — онъ видѣлъ Кивачъ не въ первый разъ. Но и намъ было пора двигаться. Мы вернулись въ павильонъ, проводили велосипедиста, посмотрѣли, какъ онъ покатилъ

черезъ мостъ и быстро скрылся въ лѣсу, закусили и двинулись-бы немедленно въ путь, еслибы въ павильонѣ не появились новые гости. Это были карелы—мальчики и дѣвушки, которыхъ я немедленно снялъ. При нашемъ отбытіи жена сторожа принесла



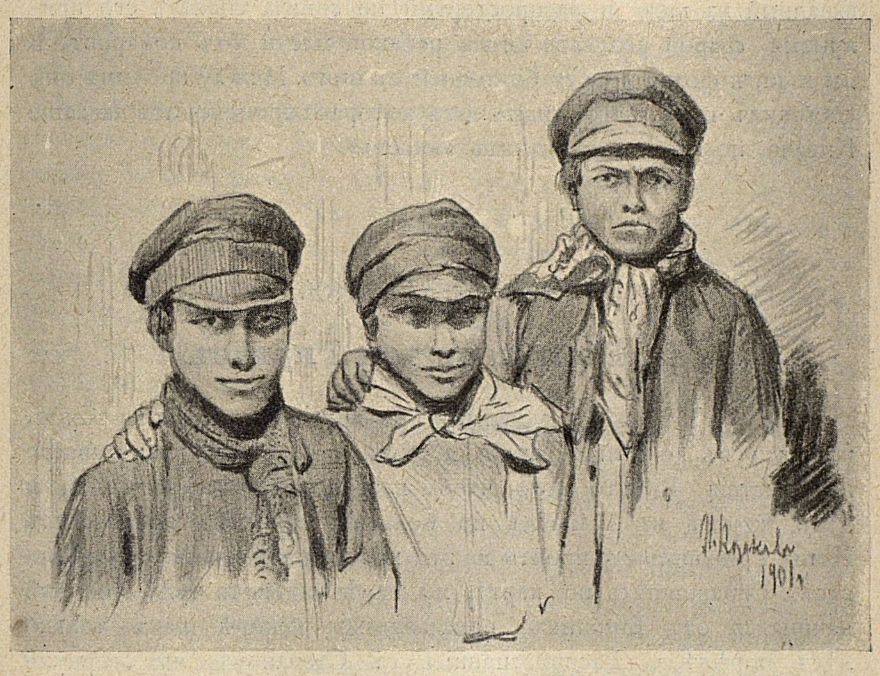
Иванъ Григорьевичъ и я на берегу Кивача, вправо виденъ павильонъ.

книгу, въ которую заносятъ свои имена посѣтители Кивача. Мы долго перелистывали ее, читая фамиліи нашихъ предшественниковъ, нашли нѣсколько знакомыхъ, нѣсколько извѣстныхъ именъ и, конечно, стихи

Въ дорогѣ много неудачъ
Я перенесъ. Не каюсь въ этомъ,
Увидя пѣнистый Кивачъ,
Самимъ Державинымъ воспѣтый

написалъ одинъ посѣтитель съ фамиліей извѣстнаго поэта Плещеева, но не онъ, потомучто здѣсь стояло имя Александръ, а поэтъ — Алексѣй. Мы начертали и наши имена въ эту книгу. Можетъ быть когда-нибудь вновь придется увидѣть ее. Однако многіе посѣтители прибѣгаютъ къ записямъ иного рода, не столь безобиднымъ. Именно, не мало пошляковъ, которымъ величіе природы кажется ниже ихъ собственнаго достоинства, любятъ прибѣгать къ надписямъ на самой картинѣ, уродуя ее и отравляя этимъ производимое ею впечатлѣніе Фараоны, воздвигшіе пирамиды, не посадили на нихъ свои имена саженными буквами; не сдѣлалъ этого и Наполеонъ, когда смотрѣлъ на сорокъ вѣковъ, взиравшихъ на него съ высоты этихъ каменныхъ могилъ. На го-

рѣ Синаѣ нѣтъ автографа Моисея, и если вы въ подземельи Шильонскаго замка читаете на столбѣ выцарапанное тамъ слово «Byron», то вамъ понятно, что великій поэтъ, авторъ «Шильонскаго узника», имѣлъ право на то. Но зачѣмъ разные Нали. Борисы и Теодоры мажутъ свои невѣдомые міру имена и вензеля бѣлыми буквами на великолѣпныхъ черныхъ утесахъ Кивача, этого совершенно нельзя понять. И добро-бы какой-нибудь Теодоръ, желая увѣковѣчить свое имя или имя своей возлюбленной,



Карелы мальчики изъ окрестности Кивача (средній—Степанъ).

пробрался на эти утесы самъ съ опасностью жизни. Но нѣтъ—деньги, деньги! Бородатый мужикъ съ лохматой прической, перекинувъ досчечки съ камня на камень, пробирается надъ кипящей бездной съ ведеркомъ краски въ рукѣ на указанное мѣсто и, балансируя тамъ на скользкомъ камнѣ, мажетъ вензель за цѣлковый или два. Надпись Elise красуется на главномъ утесѣ среди ревущей пѣны Кивача. Я не могъ понять, какимъ образомъ пробрался туда маляръ, пока сторожъ не разъяснилъ мнѣ, что эту надпись сдѣлалъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ сухой

годъ, когда воды въ Кивачѣ было меньше, такъ что надъ пѣной выступали камни, скрытые теперь подъ водой.

Было около 3-хъ часовъ дня, когда мы тронулись въ путь. Прощай, Кивачъ! Будемъ долго помнить твою величественную красоту! И мы шли, оборачиваясь, останавливаясь, пока чаща лѣса не скрыла отъ взоровъ рѣки, но еще долго провожалъ насъ привѣтливый шумъ водопада. Съ нами увязался одинъ изъ карельскихъ мальчиковъ, по имени Степанъ. Мамкинъ платокъ, повязанный на шею и распростертый по спинѣ, спасалъ его прикрытыя старой розоваго ситца рубахой плечи отъ комаровъ, и мы шли,гкоротая дорогу болтовней съ нимъ. Между прочимъ онъ сообщилъ намъ, что «киви», отъ котораго происходитъ названіе Кивача, по карельски значитъ «камень».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

На Поръ-порогъ и Гирвасъ.

Еще въ Кончезерѣ, услыхавъ про другіе водопады на Сунѣ, верстахъ въ 40 выше Кивача, я рѣшилъ измѣнить планъ своего путешествія. Вмѣсто того, чтобы возвращаться теперь назадъ и идти потомъ на Олонецъ по большой дорогѣ, я предложилъ Ивану Григорьевичу пройти на эти водопады: Поръ-порогъ и Гирвасъ. Справившись по картѣ, мы намѣтили путь туда, который начинался отъ Викшицъ, показавшихся вскорѣ, какъ только лѣсъ порѣдѣлъ. Распростившись съ Степаномъ, мы свернули вправо и пошли черезъ мелкій лѣсъ по топкому побережью Пертъ-озера. Несмотря на жару, на боль въ ногахъ и грузъ, рѣзавшій плечи, мы довольно бодро подвигались впередъ, не предчувствуя того, что насъ ожидало на этомъ переходѣ. Увы, не такими вышли мы изъ этого проклятаго лѣса, какими вошли. И зачѣмъ не стояло при входѣ въ него надписи, какія, по словамъ сказокъ, красовались когда-то на перекресткахъ дорогъ! Еслибъ моя воля, я написалъ бы на столбѣ при этой дорогѣ: «кто войдетъ въ этотъ лѣсъ, будетъ съѣденъ комарами!» Дѣйствительно, это было что-то ужасное, какой-то кошмаръ, адъ безъ горючихъ огней и котловъ, но съ миріадами маленькихъ бѣсенятъ, отъ которыхъ не было спасенія. Тучи ихъ, заслыша

человѣчій запахъ, вылетали изъ придорожной болотистой чащи, и чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ многочисленнѣй становилась наша свита. Не помогало ничто: ни безпрерывное куреніе трубки, ни густые аршинные вѣтки ивняка, которые мы срывали и бѣшено обмахивались, словно бичующіеся монахи, съ тѣмъ, чтобы спустя четверть часа бросить ихъ обтрепанными, поломанными, безъ листьевъ. Не знаю, сколько сотенъ нашихъ мучителей нашло себѣ смерть на полѣ брани, но полчище ихъ не убывало. Чуя близкій и вкусный запахъ тѣла, раздражаемые махалкой, они теряли всякую осторожность и съ какимъ-то каннибальскимъ воемъ садились на всѣ обнаженныя мѣста, забивались въ уши, ноздри, подставляя свои тощія, изголодавшіяся тѣла подъ роковые удары. Я не говорю про зудъ, производимый ядовитыми укусами,—гораздо хуже было моральное дѣйствіе этой волчьей стаи. Пѣніе ихъ, перешедшее вскорѣ въ какой-то подавленный вой или стонъ, такъ раздражало насъ, что мы пришли въ странное, болѣзненно-нервное состояніе. Единственное спасеніе заключалось въ быстромъ движеніи, въ бѣгствѣ, потому что тогда жадная стая, отставая, вилась сзади, насѣдая больше на спину и шею, которыя мы прикрыли платками. Всякая остановка, напр. для смѣны ноши, доводила насъ до бѣшенства: попробуйте снимать мѣшокъ или ружье, затягивать ремень или что другое, когда десятки жалъ вонзаются въ кожу, на которой вы ощущаете сотни комариныхъ ногъ. Мы топотали ногами, бѣшено махали руками, мотали головой и, наблюдая насъ, посторонній зритель могъ бы подумать, что видитъ двухъ одержимыхъ падучей больныхъ. Не чувствуя усталости и боли въ ногахъ, мы почти бѣжали эти проклятыхъ 13 верстъ, съ жадной тоской поглядывая на медленно убавлявшіяся цифры верстовыхъ столбовъ. Но почему же, спроситъ читатель, не воспользовались мы нашей марлей? Въ томъ-то и дѣло, что мысль объ остановкѣ и вознѣ съ ней (надо же было разрѣзать ее и приладить къ фуражкѣ) пронизывала насъ ужасомъ, и мы бѣжали какъ угорѣлые, пока не выбѣжали къ мосту на рѣкѣ. Это была та-же быстрая, говорливая Суна.

— Какъ хотите, Иванъ Григорьичъ, а я сейчасъ брошусь въ воду!

— Лучше бы намъ дойти до Шушковъ, всего верста осталась.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не вынесу этой муки, хоть бы только на версту. Идемте!

Мы спустились къ низкому, усыпанному остроконечной галькой

берегу, быстро развели дымный костеръ и сразу почувствовали облегченіе. Повѣсить на огонекъ чайникъ, раздѣться и влѣзть по самыя уши въ воду было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Какое наслажденіе чувствовать, какъ холодная струя потока омываетъ потное, грязное, искусанное комарами тѣло! Одна бѣда—дно рѣки усѣяно острымъ камнемъ, и наши израненныя ноги, попадая на острыя грани и ребра ихъ, отказываются поддерживать тѣло. Въ то же время надо быть осторожнымъ: Суна несется здѣсь стремительно по камнямъ и пѣнится на множествѣ пороговъ; вся поверхность рѣки въ ямахъ и буграхъ, только выйди изъ заводи, и поминай какъ звали. Тамъ ужъ не выплывешь, тамъ пойдетъ бить о камни, пока не изуродуетъ, и поплыветъ мертвое тѣло къ Кивачу, который растерзаетъ его на своихъ зубчатыхъ утесахъ. Долго стоимъ мы по плечи въ водѣ, обливая вспухшую шею и лицо холодной водой, макая и держа въ ней покрытыя волдырями руки.

Пока мы купались, чайникъ вскипѣлъ. Только-что мы принялись за чай, какъ съ берега спустился высокій молодой карелъ. Это былъ красивый брюнетъ съ карими глазами, выраженіе которыхъ заставляло думать, что онъ размышлялъ, какую пользу можно извлечь изъ насъ. На немъ былъ домотканной холстины пиджакъ и такія же штаны. Не говоря ни слова онъ присѣлъ къ огню и, поглядѣвъ на насъ, спросилъ.

— Куда идете?

— На Поръ-порогъ и Гирвасъ.

— Лошадей не возьмете-ли, недорого возьму.

Мы не обладали средствами для найма лошадей и лодокъ и вообще даже не желали путешествовать такимъ способомъ, но, чтобы отвязаться отъ него, спросили, что онъ возьметъ.

Оказалось дорого.

— Нѣтъ, не возьмемъ!

Карелъ посидѣлъ, помолчалъ, и затѣмъ съ свойственнымъ финнамъ упорствомъ началъ снова предлагать лошадей.

— Нѣтъ, не возьмемъ!

Онъ продолжалъ сидѣть все время, пока мы пили чай, испытующе разсматривая насъ холоднымъ и, какъ мнѣ казалось, злымъ взглядомъ, а потомъ вмѣстѣ съ нами пошелъ въ деревню Шушки.

Мы перешли мостъ черезъ Суну, которая вытекаетъ здѣсь изъ Сунскаго озера, представляющаго узкую полосу воды, какъ бы расширеніе рѣки, и минутъ черезъ 20 достигли Шушковъ,

гдѣ завернули въ избу карела, новую желтую избу. Тамъ въ тускло освѣщенной зарей комнатѣ, за столомъ посрединѣ, сидѣло за ужиномъ все семейство: старикъ карелъ, нѣсколько старыхъ и молодыхъ бабъ, возлѣ въ люлькѣ пищалъ грудной ребенокъ. Въ душномъ жаркомъ воздухѣ пахло рыбой и крестьянской одеждой. Грязными заскорузлыми руками карелы брали изъ общей тарелки мелкую вареную рыбу и заѣдали ее чернымъ хлѣбомъ. Конечно пригласили и насъ, но эта снѣдь не нравилась намъ, и мы спросили молока. Здѣсь, въ душной жарѣ, въ тускломъ свѣтѣ мерцавшей въ грязныя оконца зари, мнѣ ярко представилось, до чего жалка жизнь этихъ несчастныхъ людей. Мы, пришельцы изъ другого міра, въ головахъ которыхъ совмѣщаются разнообразныя знанія обо всемъ на свѣтѣ, копошатся идеи, и мысль широко охватываетъ и проникаетъ во все, доступное воспріятію, мы пришли, скользнемъ сквозь ихъ убогую жизнь и снова уйдемъ въ другую, въ яркую и богатую событіями, а они, полудикари, съ тѣснымъ кругомъ представленій, навсегда останутся здѣсь на берегу пустыннаго озера и до смерти будутъ созерцать сквозь пыльныя оконца лѣсную глушь, синѣющій за озеромъ берегъ, будутъ ѣсть все ту же мелкую рыбу и работать до изнуренія только затѣмъ, чтобъ имѣть это сосновое жилье, черный хлѣбъ, спать въ повалку на полу на овчинахъ и щеголять въ сарафанѣ изъ дешеваго краснаго кумача. И мнѣ казалось, что скудный ужинъ ихъ не есть отдыхъ послѣ дневныхъ трудовъ, когда истомленное тѣло съ довольствомъ и радостью набирается новыхъ силъ, и уже тянетъ къ покою или веселой болтовнѣ, а продолженіе, нудное продолженіе все той же безконечной работы.

Ребенокъ, сучившій въ люлькѣ задранными кверху ножками, запищалъ, должно быть отъ комаровъ, и молодая мать, присѣвъ къ нему, спустила ему въ ротъ налитую молокомъ грудь, которую онъ принялся сосать, скосивъ глаза на насъ.

Ночь уже наступила, бѣлая сѣверная ночь, карелы, икая, поднялись изъ-за стола и готовились лечь спать. Мы, осушивъ двѣ крынки молока, принялись за дѣло, а именно: вынули марлю, нитки и иголку и, присѣвъ у окошка, принялись мастерить вуали отъ комаровъ, болтая съ хозяевами о томъ, о семъ. Вуали навязывались на фуражки и охватывали не только голову, но спускались по плечамъ до пояса, такъ что подъ нихъ можно было прятать и руки. Когда мы одѣли подъ фуражки платки, подняли воротники куртокъ и повязали на головы вуали, то превратились

въ довольно курьезныя фигуры. Въ такомъ, нѣсколько маскарадномъ костюмѣ поплелись мы въ путь-дорогу по пустынной деревнѣ мимо громадныхъ, поразительныхъ по своей высотѣ ригъ и избъ. Нѣкоторые изъ нихъ были въ три этажа и еще несли вышку. Видно, чего другого, а ужъ лѣсу тутъ много, и его не жалѣютъ. Эти ночные выходы въ неизвѣстную даль, неспѣшная ходьба съ перевальцей мимо заснувшихъ росистыхъ полей, сквозь безмолвныя лѣсныя дебри составляли новый поэтическій моментъ въ нашемъ странствіи. Скоро вокругъ насъ собираются «поюще, вопіюще и глаголюще» воздушныя стаи комаровъ. Но теперь,

На походѣ въ Олонецкой тайгѣ.

шалишь, братъ! Вой сколько угодно, садись, вонзай жало куда хочешь—мы прикрыты непроницаемой броней. И всетаки время отъ времени какіе-нибудь пролазы изъ комаринаго рода невѣдомыми путями пробирались подъ сѣтку; смущенные черной стѣной, отдѣлявшей ихъ отъ воздушнаго простора, они начинали метаться съ жалобнымъ пискомъ и падали легкой жертвой нашихъ незнавшихъ пощады рукъ. Но несмотря на почти полную безопасность отъ нихъ, этотъ неумолчный сдавленный монотонный вой разстраивалъ наши нервы, кромѣ того подъ сѣткой было душно, а теплыя куртки и платки на головахъ вызывали обильный потъ.

Путь нашъ лежитъ по берегу озера къ другому его концу, гдѣ стоитъ карельская деревня Усть-Суна. Дорога вьется по лѣсу, и по сторонамъ ея попадаются порою расчищенныя поляны. На

однихъ изъ нихъ на черной отъ мелкаго угля землѣ лежатъ рядами тѣла срубленныхъ лѣсныхъ великановъ, безъ сучьевъ и корней. На другихъ такими же рядами поваленъ молодой березнякъ, подсѣченный подъ самый корень, и бѣлые стволы березокъ мерцаютъ сквозь желтобурую массу высохшей листвы. Это крестьянскія подсѣки, т. е. пашни, удобряемыя не навозомъ, а золой сожженныхъ деревьевъ. Нѣсколько такихъ полянъ встрѣтилось на нашемъ пути, указывая на близость деревни. Дѣйстви-

Подсѣка, приготовленная подъ рѣпу.

тельно, вскорѣ показались огороженныя каменными завалами поля и какія-то постройки, но на дѣлѣ до деревни было еще далеко. Съ нетерпѣніемъ шагали мы вдоль нескончаемыхъ булыжныхъ загородей, слѣдуя всѣмъ изгибамъ дороги и ожидая увидѣть деревню за каждымъ изъ нихъ, но надежда много разъ обманывала насъ, и прошло болѣе часа прежде, чѣмъ мы увидѣли вдали въ утреннемъ туманѣ церковь и высокія избы Усть-Суны. Мы пришли туда на зарѣ и остановились въ большой и чистой карельской избѣ. Дома была одна старуха, которая немедленно вздула самоваръ, а послѣ чаю отвела насъ въ обширный сарай позади сѣней, гдѣ приготовила на полу постели.

Какъ описать уютный видъ этого сарая? Въ многочисленныя

щели въ стѣнахъ и крышѣ въ него сочился свѣтъ солнечнаго утра. Въ этомъ свѣтломъ полумракѣ отчетливо рисовались разнообразные предметы: снопы соломы, сани съ поднятыми оглоблями, какія-то кадки, рухлядь, конская сбруя по стѣнамъ. Было свѣтло, но и темно, тепло, но и прохладно, и вмѣстѣ со свѣтомъ и воздухомъ приносились и замирали въ немъ звуки просыпающейся жизни: внизу подъ нами жевали лошади, и ходилъ по шелестѣвшей соломѣ теленокъ, издали съ улицы доносилось мычаніе коровъ, кудахтанье куръ и человѣчьи голоса. Едва мы улеглись, какъ по лѣстницѣ, звучно стуча лапами, поднялась курица, которая, посмотрѣвъ на насъ, подумала нѣсколько минутъ и принялась недовольно кудахтать во всю глотку. Я уже подумывалъ встать и попросить ее объ выходѣ, какъ дверь тихо отворилась, и показалась наша старуха. Тихо переступая босыми ногами, она зашла въ тылъ курицѣ и осторожно вытѣснила ее въ дверь, стараясь не разбудить насъ. Удивительная деликатность! Сколько такого простого естественнаго вниманія встрѣчали мы въ народной средѣ этого глухого края!

Мы проснулись около полудня и застали въ избѣ многочисленное общество: тутъ былъ хозяинъ—пожилой карелъ въ бѣлой рубахѣ и штанахъ о босу-ногу, маленькій мальчикъ его сынъ, дѣвушка въ ситцевомъ платьѣ и башмакахъ, за столомъ сидѣло и обѣдало четверо дюжихъ карела,—это были рабочіе, отправлявшіеся на Поръ-порогъ и Гирвасъ искать работы. Снова появился самоваръ и неизбѣжная яишница, которую на сей разъ стряпалъ самъ хозяинъ на лучинахъ.

Я занялся фотографированіемъ внутренности избы и, замѣтивъ, что мальчикъ робко жался отъ насъ въ сторону, сталъ подзывать его, обѣщаясь показать аппаратъ. Противъ ожиданія мальченка заробѣлъ еще сильнѣе.

— Подь къ барину, онъ тебя не укуситъ, — ободрялъ его отецъ.

— Поди, посмотри какая штука, вотъ стеклышко, которымъ сымаютъ на картинку.

Мальчикъ заплакалъ, но подошелъ, наклонился и... поцѣловалъ мой кодакъ, а затѣмъ и мою руку! Эдакаго пассажа я никакъ не ожидалъ.

Очевидно, онъ принялъ его за икону или за нѣчто другое священное, потому что послѣ поцѣлуя еще перекрестился.

Черезъ часъ, оставивъ у хозяевъ тяжелый багажъ, мы трону-

лись налегкѣ въ палящій зной на Поръ-порогъ. Дорога вилась по высокому песчаному нагорью черезъ высокоствольный сильно порубленный сосновый лѣсъ.

Внутренность избы зажиточнаго карела въ Усть-Сунѣ.

Слѣва въ глубокомъ руслѣ, съ крутыми песчаными берегами сверкала на солнцѣ спокойная Суна. Поръ-порогъ лежалъ верстахъ

Семья нашего хозяина, карела изъ Усть-Суны.

въ шести выше. Вскорѣ мы нагнали нашихъ карелъ и шли съ ними, болтая о разныхъ разностяхъ: чьи гонки, много ли рабо-

чихъ, какая работа, сколько платятъ за работу и т. п. Они разсказали намъ, какой опасности подвергаются часто рабочіе при спускѣ бревенъ по порогу.

— Намедни потонулъ питерскій приказчикъ.

— Какъ потонулъ?

— Такъ, пріѣхалъ въ деревню погостить. Сталъ на порогѣ спускаться въ лодкѣ съ женой, да съ рабочими, а плавать умѣлъ не гораздъ. Лодку закрутило, вывалились они, бабу вытащили, а онъ потопъ. Что плачу то было! Пріѣхалъ погостить, а вона какая штука вышла. Много тутъ нашего брату тонетъ. Кажинный годъ.

— Прежде то потонетъ, съ тѣмъ и ладно, а нонѣ штраховку выдаютъ.

— Кто же страхуетъ? Сами себя или хозяинъ?

— Хозяевъ обязали.

По дорогѣ стали попадаться группы рабочихъ съ шестами, шедшіе съ гонокъ.

— Много ли народу?—спрашиваютъ наши карелы.

— Много, хучъ отбавляй!—кричатъ тѣ.

— Плохо ваше дѣло, не возмутъ васъ,—говоримъ мы кареламъ.

— Точно, что плохо; который день ходимъ, нигдѣ не требуется. Въ подбѣгалы, и то не берутъ.

— Въ какіе подбѣгалы?

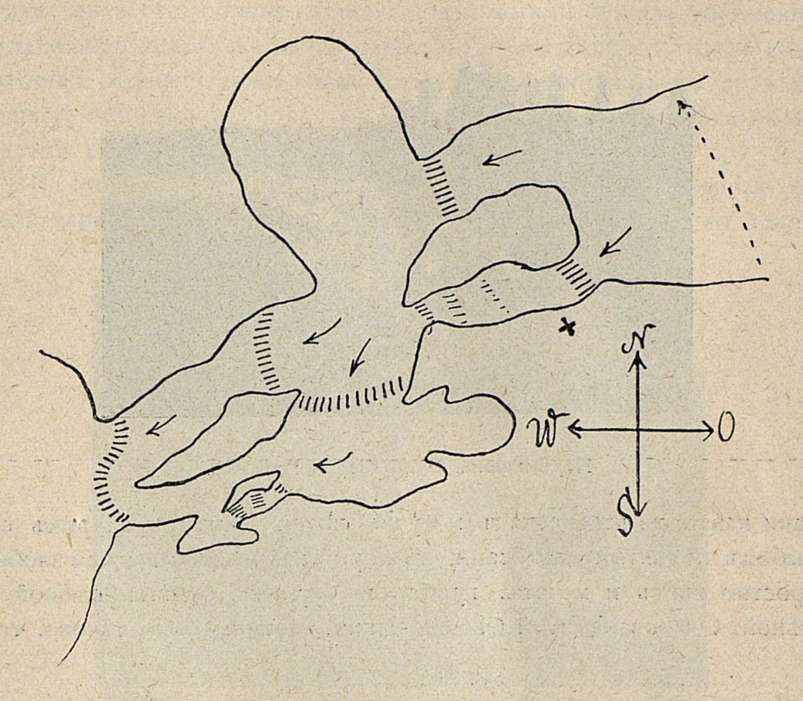
Подбѣгалами, оказывается, называютъ здѣсь на лѣсныхъ гонкахъ рабочихъ, которые занимаются отпихиваньемъ прибиваемыхъ къ берегу бревенъ, а также трактирныхъ лакеевъ, половыхъ. Работа подбѣгалы самая простая, зато и дешевая, за нее платятъ 40—50 к. въ день, тогда какъ умѣлые рабочіе получаютъ 1 р. и 1 р. 20 к.

Вотъ наконецъ дорога поворачиваетъ влѣво и спускается внизъ. Издали слышенъ рокотъ воды на порогахъ. Мы спускаемся внизъ и вскорѣ уже стоимъ на каменномъ утесѣ той щели, сквозь которую съ грохотомъ и пѣной валится вода.

Поръ-порогъ совсѣмъ не то, что Кивачъ.

Широкая, спокойная Суна плавно подходитъ къ мѣсту, гдѣ теченіе ея перегорожено грядою каменныхъ утесовъ, между которыми вода скачетъ, образуя яростно хлещущіе каскады. Водопады и пороги растянулись по крайней мѣрѣ на четверть версты, и я насчиталъ около 6 большихъ каскадовъ. Прорвавшись черезъ пер-

вую преграду двумя могучими каскадами, вода какъ бы отдыхаетъ въ двухъ большихъ заводяхъ, сплошь усѣянныхъ сплавленными бревнами,—ходь ходи по нимъ.

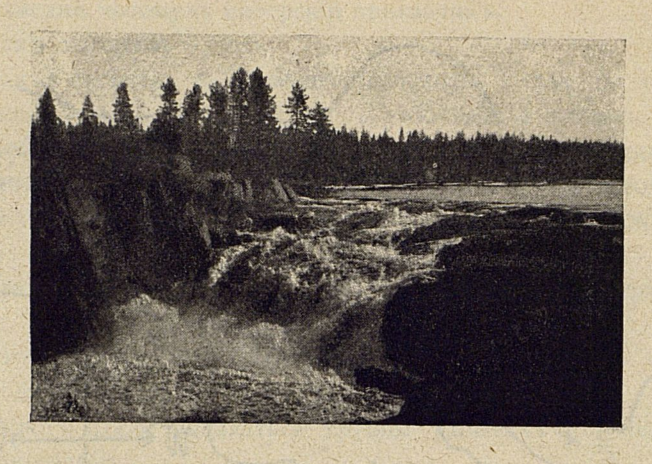


Примѣрный планъ Поръ-порога. Вправо пунктиромъ обозначена наша переправа, крестикомъ обозначенъ пунктъ, съ котораго сдѣланы были слѣдующіе ниже снимки.

Съ того берега широкой Суны отвалила лодка. Она забрала насъ вмѣстѣ съ рабочими и доставила на ту сторону, осторожно двигаясь саженяхъ въ 50 отъ ревущихъ водопадовъ. Широкая просѣка, проложенная черезъ низкій ольшанникъ, вела вдоль берега къ мѣсту, гдѣ кончались пороги. Поперекъ ея были уложены короткія тонкія бревнышки, по которымъ переволакиваютъ въ обходъ пороговъ лодки — это былъ «волокъ», вѣроятно ни на волосъ не отличавшійся отъ тѣхъ, по какимъ волочили свои ладьи изъ рѣкъ въ рѣки древніе варяги и новгородцы. Свернувъ съ него влѣво, мы выбрались, прыгая по гладкимъ скаламъ, на утесъ, торчавшій почти среди главнаго водопада, и остановились на немъ, любуясь кипящей стихіей.

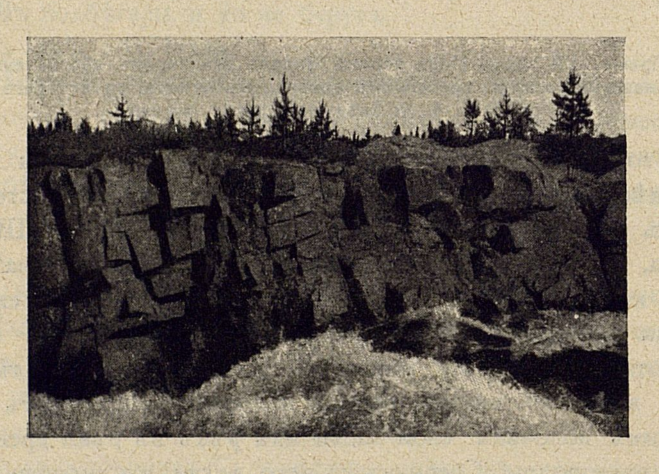
Кругомъ, по утесамъ торчали навороченныя въ хаотическомъ безпорядкѣ груды бревенъ, и черезъ нихъ, какъ сквозь рѣшето,

журча, лилась вода, примѣшивая свою воркотню къ грохоту каскада. Столбы водной пыли неслись въ воздухъ и мочили черныя скалы и желтыя облупленныя бревна. Ничего похожаго, а все-



Поръ-порогъ. Видъ вверхъ по Сунѣ.

таки казалось, что каскадъ могучій сѣдой богатырь-старикъ съ дыбомъ поднятыми волосами, въ порывахъ нечеловѣческой злобы, яростно рветъ и мечетъ, гудитъ и бурлитъ, брызгая слюной и пѣной. Очарованіе этой бѣшено-дикой картины было таково, что



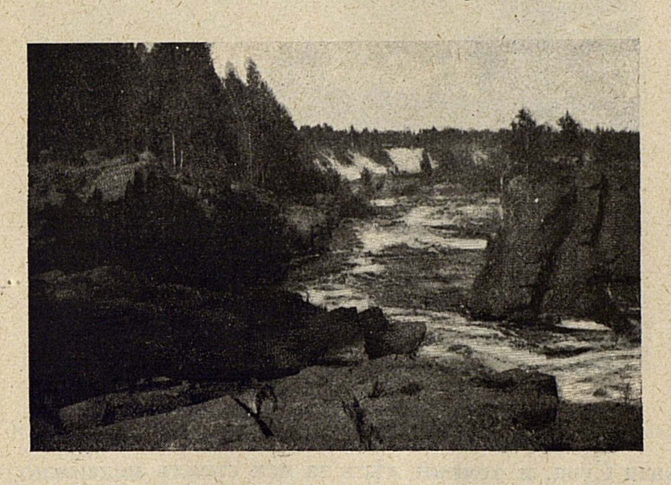
Діоритовые утесы Поръ-порога. Видна отдѣльность.

и мы и карелы долго стояли молча, пожирая зрѣлище глазами и думая каждый свою думу.

Вернувшись тѣмъ же путемъ назадъ, мы простились съ каре-

лами и пошли на Гирвасъ, до котораго оставалось 3 версты. Дорога идетъ лѣсомъ по высокому песчаному плоскогорью, въ которомъ Суна промыла себѣ глубокую долину. Гирвасъ мы увидѣли съ этого обрыва. Внизу подъ ногами лежала волнистая, сглаженная водой скалистая площадь, во впадинахъ которой прихотливо сверкали лужи воды. Вдоль нея, прижимаясь къ правому берегу, пѣнилась по порогамъ Суна, падая по нимъ двумя водопадами со скалистымъ островомъ между.

На Гирвасѣ [1]) царило необыкновенное оживленіе: большая артель карелъ съ разными десятскими и приказчиками во главѣ



Поръ-порогъ. Видъ внизъ по Сунѣ.

спускала бревна, разбирая длинные плоты, причаленные къ низкому берегу. На памятой травѣ его среди обдерганныхъ кустовъ горѣли костры, и громадные закопченные котлы надъ ними испускали клубы дыма. Возлѣ гомозились доморощенные повара, перекидываясь съ толпившимися и шнырявшими мимо карелами шутками-прибаутками. Подъ парусинными навѣсами и возлѣ лежали сваленные въ груды какіе то ящики, тюки, бочки, оленьи мѣха и рога, разная рухлядь и домашній скарбъ и въ томъ числѣ дрянная винтовка съ самодѣльнымъ ложемъ, вокругъ которой, пооче-

---

[1]) Названіе Гирвасъ происходитъ отъ карельскаго слова Hirwe, что значитъ „лось". По преданію возлѣ водопада былъ убитъ лось, должно быть, при какихъ нибудь особыхъ обстоятельствахъ. Слово Поръ (Por) значитъ по карельски „щелокъ", но не знаю, что подъ этимъ подразумѣвали сообщившіе намъ это карелы—щель или щелокъ.

редно вертя ее въ рукахъ, взвѣшивая, прицѣливаясь, стояли любители охотничьяго спорта. Какія-то бабы въ платкахъ и тулупахъ сидѣли на клади въ позѣ безнадежнаго ожиданія, равнодушно поглядывая на сумятицу, а солидный бородатый мужчина въ шляпѣ съ полями, парусинномъ пиджакѣ и сапогахъ бутылками распоряжался переноской вещей. Говоръ, крики и ругань, стукъ топора и багровъ о дерево мѣшались съ ревомъ каскада; люди копошились, ходили, вереницами тянули бревна, а рядомъ

Рабочіе на Гирвасѣ.

зеркальная Суна, и темный лѣсъ за ней стоялъ недвижно, подернутый прохладой и легкимъ сумракомъ наступавшаго вечера.

Наше появленіе произвело настоящую сенсацію. Съ баграми и шестами столпились кругомъ насъ дюжіе карелы, вытягивали шеи, глазѣли и, притихнувъ, закидывали вопросами.

— Чаво? Откудова? Питерскіе?

— Слышь, Серега, снимать будутъ!

Съ плотовъ, властно покрикивая, съ болтающейся цѣпочкой на шведской курткѣ шелъ высокій приказчикъ карелъ съ шестомъ въ рукѣ. Но, приблизившись, и онъ, вмѣсто того, чтобы разогнать «лодырей», пролѣзъ впередъ и, услыхавъ, что предстоитъ фотографическая съёмка, мигомъ сталъ распоряжаться въ этомъ смыслѣ.

— Становись, ребята, въ рядъ! Лѣзь на изгородь! Сгрудься!

И самъ сталъ впереди, по солдатски приставивъ шестъ къ ногѣ, точно ружье, а дюжая команда его стала въ разнообразныя позы, каждый соотвѣтственно своему характеру—кто съ ви-

домъ важности, кто молодцовато, а иной смѣшливый съ трудомъ сжималъ губы, чтобы не прыснуть со смѣху.

— Смир—на! крикнулъ командиръ.

— Готово! кивнулъ я ему.

Большинство кинулось ко мнѣ, воображая, очевидно, что я сейчасъ же выну изъ чернаго ящичка и покажу имъ ихъ физіономіи, но узнавъ, что дѣло не такъ просто, карелы разочарованно отходили прочь.

Карелы рабочіе. Налѣво приказчикъ, направо веселый карелъ.

Скоро приказчикъ разогналъ публику, а мы, не спѣша, раздѣлись и полѣзли съ бревенъ купаться. Саженяхъ въ 50-ти отъ насъ ниже по теченію тихая вода Суны упиралась въ низкіе утесы; сморщивъ свою гладкую поверхность въ правильные ряды морщинъ, словно раздумывая о чемъ то передъ рѣшительнымъ шагомъ, рѣка сразу срывалась двумя каскадами внизъ и изъ лѣнивой влаги превращалась въ буйно-бѣшеную стремнину. Но здѣсь теченіе ея было тихо. Я осторожно поплылъ поперекъ, ежеминутно ожидая наткнуться на струю теченія.

Но ея не было, и я смѣло пустился къ тому берегу. Суна здѣсь раза въ три шире Фонтанки. Оглянулся и вижу: Иванъ Григорьичъ плыветъ слѣдомъ. Я не зналъ, какъ онъ плаваетъ и, признаться, съ тревогой поглядывалъ, не слабѣетъ ли онъ въ борьбѣ съ теченіемъ. Но нѣтъ: плыветъ исправно. Посидѣвъ на камешкѣ и отдохнувъ слегка, мы пустились обратно и благополучно выбрались на скользкія и вертѣвшіяся подъ руками

бревна разобраннаго плота. Работавшіе на нихъ карелы, увидя, что мы переплываемъ сей ихъ Геллеспонтъ, бросили работу и

Типы карелъ, снятые на Гирвасѣ.

безмолвно слѣдили за нашими эволюціями, не выражая ни одобренія, ни порицанія.

Переселенцы изъ Архангельской губерніи.

— Дай ты мнѣ сичасъ 100 рублей, не поплыву!— сказалъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ.

— Отчего?

Мужикъ молчалъ.

— Не поплывешь, коли плавать не умѣешь, замѣчаетъ Иванъ Григорьичъ.

— Чево плавать? Плавать умѣю, не гораздъ, а умѣю.

— Умѣешь! — вставляетъ другой. — У насъ, баринъ, эвона сколько рабочихъ, а, почитай, и половина плавать не можетъ. Кажинный годъ на Гирвасѣ народъ тонетъ. Намедни питерскій приказчикъ потопъ.

— Какже, слышали. А что за изба на плоту стоитъ? — спрашиваю я, замѣтивъ на дальнемъ плоту бревенчатое сооруженіе.

— Архангелогоры на низъ ѣдутъ, переселяются. Со всѣмъ, значитъ, имуществомъ, и товаръ везутъ. Плотъ ихній здѣся раз-

Пляска.

берутъ, сплавятъ, а прочее што кругомъ порога обнесутъ, тамо опять сберутъ. Такъ и ѣдутъ.

— Но, вы, чешись! кричитъ приказчикъ, и карелы, взявшись за шесты, вяло начали перебирать и вытягивать бревна, спуская ихъ въ порогъ, гдѣ вода подхватывала ихъ и либо уносила дальше, либо швыряла на скалы въ кучи уже раньше нагроможденныхъ бревенъ.

Возлѣ костровъ кипѣло веселье. Долговязый молодой карелъ, очевидно, шутъ и арлекинъ артели, юлилъ и приставалъ ко всѣмъ, отпуская доморощенныя остроты. Остроты были глупыя, но изъ парня такъ и прыскало весельемъ, а глядя на него шевелились живѣе и прочіе.

Хо, хо, хо! неслось то изъ одной, то изъ другой кучки, и похоже было, что здѣсь не столько работаютъ, сколько веселятся, и ничего не могъ подѣлать съ этимъ важничавшій приказчикъ, тщетно кричавшій на расходившуюся публику.

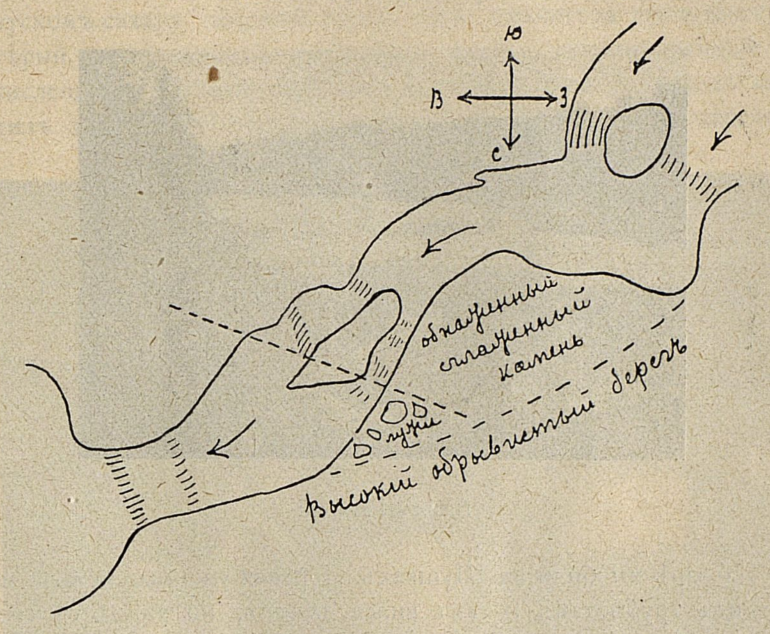
Въ заключеніе веселый парень пустился плясать «по-французски», какъ онъ заявилъ зрителямъ, да въ такомъ видѣ и попалъ въ мой аппаратъ.

Карелы приглашали насъ остаться до завтра, обѣщая интересное зрѣлище: они готовились перекинуть черезъ водопадъ люльку,

Группа пожилыхъ карелъ, снятая на Гирвасѣ.

нѣчто вродѣ висячаго балкона, съ какого петербургскіе маляры красятъ дома. Дѣло въ томъ, что бревна, которыя водопадъ наворочалъ грудой на скалистый островокъ посреди его, невозможно спихнуть оттуда иначе, какъ съ такой люльки, которая низко виситъ надъ самымъ каскадомъ на протянутомъ съ берега до берега канатѣ. Рабочіе, засѣвшіе въ нее, качаясь надъ ревущимъ водопадомъ, стаскиваютъ баграми застрявшія бревна и пускаютъ ихъ дальше. Рабочимъ налаживаніе люльки представляется дѣломъ настолько сложнымъ и умственнымъ, что они взираютъ на это свое сооруженіе съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Еще въ недавнія времена это изобрѣтеніе было здѣсь неизвѣстно Рабочіе просто забирались на островокъ и работали тамъ, стоя на скользкомъ камнѣ, обдаваемые облаками водной пыли, среди оглушительнаго грохота валившихся мимо грудъ вспѣненной влаги. Говорятъ, много ихъ срывалось тогда и тонуло въ водопадѣ.

Бревна, которыя они сплавляли, принадлежали извѣстнымъ петербургскимъ лѣсопромышленникамъ Громовымъ. За этой партіей слѣдовали плоты другого лѣсопромышленника, ожидавшіе очереди выше по Сунѣ. Пройдя всѣ пороги по Сунѣ, бревна приплы-



Примѣрный планъ порога Гирвасъ.

ваютъ въ Петрозаводскъ, гдѣ ихъ распиливаютъ на брусья и доски, грузятъ на баржи и отправляютъ въ Петербургъ.

Какъ ни интересно быдо взглянуть на любопытное зрѣлище, однако, мы не могли терять изъ-за него лишній день и потому, снявъ еще нѣсколькихъ типичныхъ кареловъ и даже цѣлые группы ихъ, мы распростились съ ними и съ наступленіемъ ночи поплелись назадъ.

Чуденъ и дикъ былъ видъ Гирваса, когда мы взглянули на него въ послѣдній разъ съ высокаго обрыва: широкая, серебристая полоса пѣны мерцала среди подступившаго къ ней вплотную темнаго лѣса, и все покрывалъ собой куполъ неба, озаренный послѣднимъ краснымъ свѣтомъ зари.

Въ Усть-Суну мы пришли въ часъ ночи. Въ темной избѣ не спалъ одинъ хозяинъ. Онъ сидѣлъ у окна и при слабомъ свѣтѣ бѣлой ночи привычной рукою плелъ тонкую рыболовную сѣть. Мы забрали свои пожитки, завѣсились отъ комаровъ и, распро-

стившись съ гостепріимнымъ кареломъ, пошли своимъ путемъ-дорогой. И вотъ опять въ тишинѣ ночи раздается одинокій стукъ нашихъ ногъ, тонкимъ голосомъ поютъ комары, и дикій лѣсъ безмолвно стоитъ по сторонамъ дороги.

Порогъ Гирвасъ.

На зарѣ мы были въ Шушкахъ. Деревня уже проснулась: изъ низкихъ трубъ тамъ и сямъ вился дымокъ, по улицѣ съ громкимъ мычаньемъ шли коровы, и кое-гдѣ въ темномъ отверстіи раскрытой двери виднѣлся красный сарафанъ хозяйки. А изъ за озера сквозь мягкій туманъ мелодично неслась свирѣль пастуха. Гдѣ нибудь тамъ въ росистомъ лѣсу, приложивъ къ губамъ изогнутую буквой о берестяную трубу, одѣтый въ сермяжные лохмотья мальчикъ-пастухъ встрѣчалъ этими звуками утро, а сѣрый волкъ, косясь на стадо и высунувъ длинный красный языкъ, уходилъ сквозь тощій кустарникъ подальше, поджимая подъ косматое брюхо пушистый хвостъ.

Мы завернули въ бѣдную карельскую избу. Молодая, высокая съ истомленнымъ лицомъ карелка мѣсила у окна тѣсто, приготовляясь печь хлѣбы. Видно ей не въ привычку были гости, и она съ какой-то ласковой робостью принялась ставить самоваръ, изрѣдка задавая намъ вопросы вродѣ того, сколько лѣтъ намъ, женаты ли мы и откуда взялись. Очевидно новыя комбинаціи мысли давались ей туго, и она долго молчала, прежде чѣмъ задавала новый назрѣвшій вопросъ.

— Вотъ что, тетка, сахаръ у насъ весь вышелъ, нѣтъ ли у тебя?

— Нѣту, мы чаю не пьемъ.

— Поищи на деревнѣ.

— Не знаю, есть-ли.

Она ушла и вернулась черезъ четверть часа съ небольшимъ кускомъ сахару, который трудно было принять за это вещество— сѣрый, съ гладкими лоснившимися краями, отполированный безчисленнымъ числомъ вертѣвшихъ его грязныхъ рукъ, онъ походилъ на кусокъ грязнаго сала. Видно въ Шушкахъ карелы не

Внутренность бѣдной карельской избы.

баловали себя чаемъ, и этотъ сахаръ хранился для случая въ какой нибудь зажиточной семьѣ. Мы поскоблили его и раскололи на куски.

Послѣ чаю Иванъ Григорьичъ ушелъ спать, а я остался посидѣть,—любопытно было взглянуть, какъ и что стряпаютъ карелки. Засучивъ рукава, хозяйка сперва помѣсила въ кадушкѣ рыжее ржаное тѣсто, изрѣдка задавая мнѣ вопросы:

— Женатъ?

— Нѣтъ, — отнѣкиваюсь я, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ на эту тему.

*

— Не женатъ?

— Нѣтъ.

— Стало быть хозяйки нѣтъ?

— Нѣтъ.

Баба не могла постигнуть, какъ можетъ быть неженатъ человѣкъ среднихъ лѣтъ.

— Что дѣлаешь?

— Служу.

— Въ казнѣ?

— Въ казнѣ.

Опять долгое размышленіе, только слышно чмоканье полужидкаго тѣста. Возлѣ на столѣ лежало рѣшето, сквозь которое карелка просѣивала муку, прежде чѣмъ валить ее въ кадушку, а на низкой скамеечкѣ стояло деревянное корытце съ пшенной уже успѣвшей высохнуть кашей, и другое съ мелкой, кое-какъ вычищенной рыбой.

Приготовивъ квашню, баба начала лѣпить «кокачи». Скругливъ комокъ тѣста, она разбивала его въ лепешку, насыпала въ середку сухой каши или клала нѣсколько рыбокъ и затѣмъ защипывала въ длинный пирожокъ. Изъ оставшагося тѣста она накатала нѣсколько хлѣбовъ, присыпая мукой и стараясь придать имъ красивый круглый видъ.

Въ углу избы въ русской печи трещалъ огонь. Она дала догорѣть хворосту, тщательно сгребла уголья, смела крыломъ золу и, помазавъ «кокачи» какимъ-то сусломъ, посадила всю стряпню въ печь, прикрывъ отверстіе ея заслонкой. Грязно и противно было тѣсто, каша и рыба, но готовила карелка удивительно чисто: она то и дѣло подходила къ рукомойнику въ углу и мыла руки надъ большимъ ушатомъ.

Черезъ четверть часа «кокачи» были готовы Баба вытащила ихъ и, выбравъ какой получше, подала мнѣ.

— На, покушай горяченькаго пирожка.

Какъ описать ея изумленіе, когда я отказался.

— Спасибо, тетка, сытъ!

— Покушай, это кокачъ!

— Спасибо, сытъ!

— Покушай!

Мнѣ было крайне неловко отказываться отъ угощенья такимъ блюдомъ, которое занимало въ карельскомъ праздничномъ меню, можетъ быть, первое мѣсто, но въ моей памяти свѣжо

еще было впечатлѣніе отъ обѣда въ домѣ «знаменитаго охотника на медвѣдей».

Чтобъ утѣшить хозяйку, я предложилъ ей сняться на фотографію. Карелка сперва испугалась.

— Ой, худо буде!

— Ничего не будетъ, становись у печки.

— А пришлешь карточку?

— Пришлю.

— Аль обманешь, не пришлешь?

— Пришлю, пришлю.

— Не обманешь?

— Нѣтъ, зачѣмъ обманывать, пришлю.

— Пришли.

Совершенный ребенокъ была эта карелка съ робкимъ взоромъ, съ изнуреннымъ отъ работы и плохой пищи лицомъ, говорившая звучно-мягкой олонецкой рѣчью, лившейся пѣвучимъ речитативомъ.

Мы проснулись въ полдень и закусили чѣмъ Богъ послалъ, потомъ искупались въ озерѣ, послѣ чего, захвативъ винтовку, я поѣхалъ къ устью Суны поискать утокъ. Утки были, но близко не подпускали, пока я не наткнулся на утку съ утятами. Гнусная это была охота, но разскажу о ней въ поученіе другимъ.

Маленькія пушистыя птички, попискивая, весело плыли за маткой. Послѣ перваго выстрѣла утка отлетѣла подальше и стала подзывать дѣтокъ, которыя, распустивъ крылышки, побѣжали къ ней по водѣ. Я взялся за весла и сталъ нагонять ихъ. Снова выстрѣлъ, и снова утка перелетѣла поодаль.

Это повторялось нѣсколько разъ. Волны стремительной рѣки колыхали лодку и не давали цѣлиться. Надо было уважить самоотверженіе матери, упорно не покидавшей своихъ дѣтей въ виду явной опасности, но охотничій инстинктъ слишкомъ разгорѣлся во мнѣ. Еслибъ я стрѣлялъ не пульками, а дробью, утка не ушла бы цѣлой изъ этой борьбы, но на ея счастье разстояніе и, главное, колыханье лодки не давали мнѣ возможность цѣлиться мѣтко. Такимъ образомъ, уходя отъ меня, утиная семья выбралась въ озеро. Здѣсь не было камышей и островковъ, въ которыхъ можно было-бы укрыться, и сообразительная утка прибѣгла къ новому способу защиты: она поминутно взлетала, на мгновенье садилась въ воду, сейчасъ же снова вспархивала, низко летая надъ водой и уводя утятъ дальше въ озеро, гдѣ рябившая

вода скрывала ихъ въ пестрой сѣти черныхъ пятенъ и яркихъ бликовъ. Я съ своей стороны стрѣлялъ все хуже и хуже: руки дрожали отъ волненія. Наконецъ мнѣ стало стыдно за эту травлю бѣдной птицы и, бросивъ ружье, я поплылъ во-свояси, благодаря судьбу за свою неудачу и радуясь за утку

Въ избѣ пили чай. Вернулся хозяинъ—низенькій карелъ съ корявымъ лицомъ, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ бородатый лысый карелъ съ веселыми лучистыми глазами.

— Эко дѣло,—горевалъ хозяинъ,—подохнетъ теперь, ничего не подѣлашь!

— Може поправится!—утѣшалъ его другой.

— Что это?—спрашиваю.

— Жеребенка волкъ порѣзалъ, эвося какъ укусилъ, палецъ въ рану влѣзетъ!—сказалъ хозяинъ, показывая на кривомъ указательномъ пальцѣ своемъ глубину раны.

— Чуть ногу вовсе не оторвалъ!

— Да, теперь по жаркому времени пойдетъ гнить, не залѣчишь!—замѣтилъ лысый карелъ.—Этотъ звѣрь свое дѣло знаетъ... затрется въ стадо, коли кони не замѣтятъ, поминай какъ звали жеребенка. Зубья у его здоровые, какъ хватитъ, сразу заднюю ногу вырветъ. Хорошо, ноне кони близко были. Они его передней ногой по лбу норовятъ, такъ ужъ знаетъ, къ жеребцу близко не подходитъ. А то уши повѣситъ, заковыляетъ, што твоя овца, нето што пастухъ, — собаки не примѣтятъ; въ стадо влѣзетъ, такъ, вѣрите слову, баринъ, сколько хочетъ, столько и рѣжетъ. Тфу, пакостникъ!

У насъ имѣлась карболка. Отлили мы немного, разбавили водой и объяснили хозяину, какъ примачивать рану, а сами стали собираться въ путь. И пришлось-бы намъ отдать себя вновь на съѣденіе комарамъ, если-бы не подвернулся обратный ямщикъ, который за полтину въ полчаса докатилъ насъ до Викшицъ. Мы ѣхали и злорадно смѣялись надъ комарами, которые дѣлали тщетныя попытки летѣть въ догонку за нами. За то кругомъ насъ съ зловѣщимъ гудѣньемъ носилась туча оводовъ, такая густая, что отъ нея ложилась тѣнь на песокъ дороги. Бѣдныя лошади жестоко страдали отъ гнусныхъ насѣкомыхъ, которыя кучками въ 10—15 штукъ жадно копошились на раскусанныхъ мѣстахъ. Всю дорогу мы успѣшно ловили ихъ на лету горстью и кидали раздавленныя жертвы на дно телѣги, а всетаки ихъ не убавилось.

Съ Викшицъ мы шли всю ночь на Кончезерскій заводъ. По-

среди дороги сдѣлали привалъ, развели дымный огонекъ и попили чаю. Во тьмѣ къ намъ приблизилась маленькая шаршавая лошадка, волочившая обороченную зубьями вверхъ борону, а съ нею бѣдная старуха и мальчикъ, одѣтые въ жалкія отрепья, закутанные въ старые платки для защиты отъ комаровъ. Войдя въ струю дыма, лошадь стала: видно и ее жестоко донимали эти мучители, и она была рада отстояться въ дыму. Стала и баба съ мальчикомъ. Завязался разговоръ, и въ безхитростныхъ рѣчахъ бабы обнажилась такая ужасающая, безвыходная бѣдность, что вчужѣ было жалко. Мальчикъ, лѣтъ восьми, единственный «му-

Дѣвушки карелки изъ Викшицъ.

жикъ» въ семьѣ и будущій работникъ, стоялъ и слушалъ, обмахивая лошадку вѣткой. Бѣдный, онъ уже убивался на работѣ, какъ взрослый, не зналъ никакихъ радостей, ни удовольствій. Нужда, одна безъизходная нужда!

Передъ разсвѣтомъ мы подходили къ Кончезеру, вяло передвигая усталыя ноги.

— Волкъ!—крикнулъ Иванъ Григорьичъ.

Черезъ дорогу, оглядываясь на насъ, бѣжалъ сѣрый звѣрь, мягко перебирая длинными ногами.

Увы! Ружье висѣло въ чехлѣ за плечомъ, а то съ какимъ удовольствіемъ пустили бы мы въ догонку этому бичу крестьянскихъ стадъ маленькій кусочекъ свинцу. Но мгновенье, и волкъ

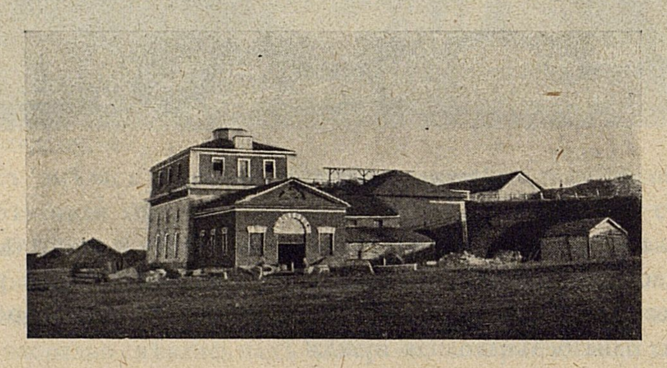
исчезъ въ мелкомъ ельникѣ. Мы легли подъ кустикомъ, авось, дескать, онъ вернется назадъ. Да куда!

— Какъ-же, такъ и дождетесь его!—трунилъ Иванъ Григорьичъ.—Онъ теперь ужъ за версту, а завтрашній день будетъ

Пожилая женщина карелка съ дѣвочками изъ Викшицъ.

гдѣ нибудь верстъ за 15—20 отсюда. Онъ тоже хитеръ, въ одномъ мѣстѣ долго не околачивается, напакостилъ—и въ сторону, подальше.

Кончезеро спало мирнымъ сномъ въ раннихъ сумеркахъ за-



Кончезерская домна.

нимавшагося утра. Даже пѣтухи не пѣли, и только въ черномъ отверствіи двери завода сверкалъ огонь, и были видны какія-то бѣлыя фигуры. Мы пошли туда черезъ площадь мимо разбросанныхъ всюду большихъ каменныхъ глыбъ, заготовленныхъ точно для постройки.

Дѣйствительно, на заводѣ копошились люди.

Это была чугунно-плавильная домна, устроенная по старому образцу. Взобравшись на край плотины, мы вошли по широкому деревянному помосту въ верхнiй этажъ ея. Домна представляетъ громадный каменный колодецъ, внутри кирпичнаго зданiя, съуживающiйся книзу. Въ верхнее отверстiе ея безпрерывно валятъ попеременные пласты угля и руды въ смеси съ некоторыми породами, облегчающими выплавку чугуна, а внизу въ съуженный конецъ ея вставлены трубы, черезъ которыя громадные мехи вдуваютъ непрерывную струю воздуха въ такомъ количестве, чтобы уголъ горелъ, отнимая у руды кислородъ и обращая ее въ жидкiй расплавленный чугунъ. Чугунъ стекаетъ въ самый низъ домны, а надъ нимъ собирается слой шлака, расплавленной жидкой породы, представляющiй остатокъ отъ производства. У дна домны, сделаны две дверцы съ подъемными затворами. Черезъ одну спускаютъ ненужный шлакъ, который застываетъ въ полупрозрачное зеленовато-бурое стекло, а черезъ другую выпускаютъ жидкiй чугунъ, который течетъ по устроенной для него песчаной дорожке въ выдавленныя въ песке формы, где и застываетъ въ виде полукруглыхъ въ обхвате болванокъ, длиною въ аршинъ съ лишнимъ.

Наверху въ башне при тускломъ свете, пробиравшемся вместе съ утреннимъ ветеркомъ въ отверстiя узкихъ оконъ вроде бойницъ, копошились рабочiе. Они отвешивали на большихъ весахъ порцiи руды, примешиваемой породы или шлака и угля и валили ихъ въ круглое отверстiе домны, открывавшееся между четырьмя толстыми колоннами. Домна была доверху наполнена смесью, и сквозь черно-серую груду угля и бурой руды безчисленными струйками выползалъ и вился вверхъ сизый дымокъ. Где то внизу гуделъ вдуваемый въ домну воздухъ, и было чадно, и пахло дымомъ.

Отсюда мы спустились внизъ по темной лестнице и попали въ нижнiй коридоръ, обвивавшiй домну вокругъ. Тутъ вдоль стены тянулась громадная труба, уходившая заостреннымъ концомъ въ отверстiе стены домны. Черезъ нее съ шумомъ струился воздухъ.

— И куда это дуетъ, не могу понять!—говорилъ какой-то человекъ въ форменной фуражке неизвестнаго, вернее неуместнаго ведомства, совершенно несоответствовавшей его мужицкому платью и прическе.

— Должно быть въ Америку! — добавилъ онъ намеренно

громко, повидимому желая показать намъ своей «Америкой», что и онъ не чуждъ нѣкотораго просвѣщенія.

— Эй, Вшивиковъ, куда это дуетъ? Не въ Америку ли? Я говорю въ Америку!

Очевидно не весь вдуваемый трубой воздухъ попадалъ въ домну, а уходилъ еще куда то въ сторону, въ «Америку», какъ думалъ человѣкъ въ форменной фуражкѣ неизвѣстнаго вѣдомства.

Изъ этого коридора мы попали въ отдѣленіе, гдѣ двигались колеса, раздувавшія мѣхи. Ихъ приводила въ движеніе вода, лившаяся изъ Пертозера въ Конче-озеро, ворочая колеса на подобіе тѣхъ, какія бываютъ у водяной мельницы. Отсюда мы выбрались на вольный воздухъ и, обогнувъ домну, направились къ большимъ воротамъ, открывавшимся въ темную закопченую залу

Рабочій кончезерскаго завода Павелъ Вшивиковъ.

или сарай. Этотъ каменный сарай былъ пристроенъ къ домнѣ, на полу его, въ слоѣ песка, были сдѣланы формы для жидкаго чугуна. Здѣсь два высокихъ худыхъ рабочихъ занимались своимъ дѣломъ: готовили формы и отгребали застывшій шлакъ въ ожиданіи момента, когда надлежало выпускать чугунъ и спускать шлакъ. Они были одѣты въ сѣрыя холщевыя рубахи, такія-же короткіе порты, на ногахъ до колѣна были натянуты грубые бѣлые шерстяные чулки, а вмѣсто сапогъ они шлепали въ кожаныхъ туфляхъ съ толстой деревянной подошвой. Чулки и обувь защищали ноги отъ сильнаго жара, испускаемаго жидкимъ чугуномъ, когда его спускаютъ изъ дверецъ домны, и онъ льется по полу каменнаго сарая.

Домна пыхтѣла и гудѣла, наполняя жаромъ черный, закопченый сарай, а въ раскрытыя широкія ворота его лились утренній свѣтъ и прохлада. Рабочіе, похожіе въ своихъ костюмахъ на какихъ-то средневѣковыхъ мастеровыхъ, медленно двигались въ полумракѣ, изрѣдка выходя за ворота, гдѣ присаживались на скамеечку. Очевидно, имъ нечего было торопиться. Мы разговорились. Вскорѣ къ намъ присоединился просвѣщенный въ отношеніи Америки человѣкъ въ чиновничьей фуражкѣ, который съ самаго начала далъ намъ понять, что онъ не просто мужикъ, а «отчасти привилигированнаго сословія», изъ духовныхъ, но дескать, превратности злой судьбы и несправедливость людей за-

Рабочіе Кончезерской домны. Въ серединѣ „немного привилигированный".

гнали его въ это глухое и необразованное мѣсто. Худой высокій рабочій на длинныхъ ногахъ, на которыхъ онъ ходилъ, слегка согнувъ ихъ въ колѣняхъ, съ бородкой клинушкомъ, придававшей его худощавому лицу сходство со знакомымъ намъ образомъ Донъ-Кихота, и другой, высокій, но пошире, нахлобучившій себѣ порыжѣвшую круглую поярковую шляпу по самыя брови, оказались премилыми и предобродушными старожилами Кончезера, работавшими на здѣшней домнѣ чуть не съ малолѣтства. Посасывая трубочки, они, неторопясь, сообщали намъ разныя свѣдѣнія о заводѣ, о рабочихъ, о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ и съ благодушнымъ невниманіемъ относились ко всѣмъ попыткамъ «отчасти привилигированнаго» человѣка вести разговоръ объ «умственныхъ» вещахъ. Видно было, что они сжились съ этой своей старой дом-

ной, привыкли копошиться возлѣ ея ровно гудѣвшей громады, съ удовольствіемъ любовались въ промежутки отдыха на свое живописное Кончезеро, въ скромной хибаркѣ котораго, гдѣ нибудь на краю села, протекала ихъ мирная исполненная труда жизнь. Казалось, поэтичная природа мирила ихъ съ бѣдностью и убожествомъ жизни, и никакія страсти и мелкія поползновенія не волновали ихъ души мечтами несбыточныхъ желаній. И бранили-

Русскіе изъ окрестностей Кончезера (финскій типъ).

то они свою сторону съ добродушной усмѣшкой, въ которой сквозила скорѣе привязанность къ ней.

— Богъ создалъ небо и землю, а чортъ Олонецкую губернію,— торжественно замѣтилъ «Донъ Кихотъ», выколачивая трубочку о край скамьи.

— Наше мѣсто такое,—добавилъ другой,—што скачи, куда хошь, никуда не прискачешь!

— Сѣрость, необразованность,—вставлялъ ехидно «отчасти привилигированный».—Вѣрите ли, сколько я бился съ здѣшнимъ народомъ, то есть—никакого толку!

Мы не вѣрили, но молчали, не желая огорчать бѣднаго неудачника.

— Пробовалъ я фрухты развести...

— Что же, удачно?—спрашиваемъ мы.

— Да-а, выросло,—говоритъ онъ неувѣренно, а мы поглядываемъ на рабочихъ, въ глазахъ которыхъ играетъ и блеститъ благодушная насмѣшка надъ этими «фрухтами».

— Не подѣлаешь ничего съ эфтимъ народомъ, не вобьешь въ башку, мракъ невѣжества, тоись ничего не понимаютъ!—жаловалась «фуражка», меланхолически глядя въ пространство.

Я остался у домны снимать заводъ и рабочихъ, а Иванъ Григорьичъ сдѣлалъ попытку купить въ лавочкѣ сахару и хлѣба. Скоро фигура его въ темномъ зипунѣ исчезла въ ближнемъ переулкѣ, а о дальнѣйшихъ эволюцiяхъ его можно было легко догадаться по заливистому лаю, которымъ его встрѣчали и провожали гдѣ-то тамъ дворовые псы, да по гулкому стуку, покатившемуся по мирно дремавшему Кончезеру. Это Иванъ Григорьичъ колотилъ въ двери лавочки. Долго раздавался этотъ стукъ, потомъ смолкъ, и вскорѣ на площади появился мой спутникъ, съ торжествомъ отмахиваясь отъ собакъ связкой баранокъ.

Смерть не хотѣлось, а надо было идти дальше. На память о посѣщенiи домны я взялъ образчикъ руды, кусокъ стекловатаго шлака, а «Донъ Кихотъ» отбилъ мнѣ молотомъ кусочекъ кончезерскаго чугуна. О шлакъ я едва не порѣзалъ руки. Застывшiя, извилистыя струи его, точно узловатыя змѣи, лежали на пескѣ сарая. Застываетъ шлакъ, конечно, съ поверхности, а потомъ внутри; при этомъ внутренняя часть, стянутая наружной коркой, получаетъ, какъ въ извѣстныхъ «батавскихъ слезкахъ», такое строенiе, что шлакъ отъ перваго прикосновенiя трескается на части и мелкiе осколки, иногда разлетается чуть не въ пыль, издавая при этомъ металлическiй звонъ. Я неосторожно тронулъ такой шлакъ, и онъ, точно маленькiй драконъ, метнулъ мнѣ въ руку мелкiе осколочки, которые, на подобiе занозъ, застряли въ кожѣ.

«Привилигированный», не желая такъ скоро разстаться съ людьми, могущими оцѣнить его «образованность», любезно проводилъ насъ до околицы села.

Нашъ путь лежалъ по новому направленiю, потому что намъ вовсе не хотѣлось возвращаться въ Петрозаводскъ по старой дорогѣ, а любопытно было свернуть въ сторону, въ олонецкую тайгу, и посѣтить глухiя карельскiя деревни.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ гостяхъ у карелъ.

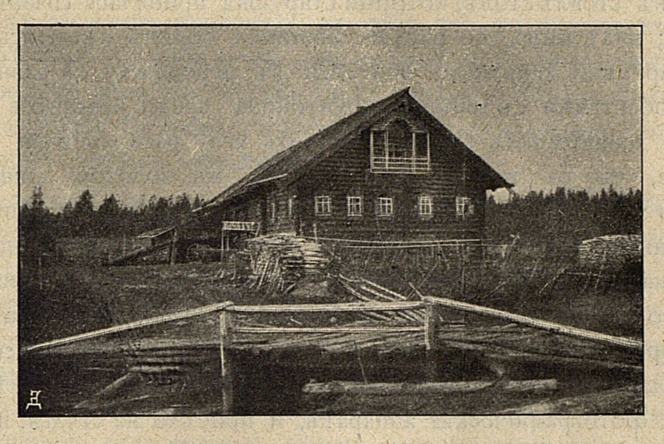
Мы шли по длинной сельгѣ [1]) уже два часа, но признаковъ деревни все еще не было замѣтно. Тропинка, густо усыпанная валунами, яйцевидныя поверхности которыхъ округлялись всюду изъ-подъ земли, точно то была давно нечиненная мостовая, вилась вверхъ, внизъ, вправо, влѣво, обходя вѣковыя деревья и огибая глыбы камня Кудряво-зеленыя березы, съ розовыми въ лучахъ взошедшаго солнца стволами, сбѣгали по скатамъ сельги внизъ и позволяли видѣть окрестность по обѣ стороны. Тамъ, въ плоскихъ низинахъ, одиноко-красиво раскрывалъ свои нѣдра корявый болотный лѣсъ, съ кустами можжевельника, съ кочками, густо покрытыми верескомъ и черникой. Налѣво, среди такой же дичи развертывалась темная поверхность озерка, по которому молчаливо плавала одинокая утка. Хотя взошедшее солнце влило въ насъ новую бодрость, тѣмъ не менѣе мы жаждали пристанища, потому что шли всю ночь и прошли 30 верстъ. Тяжелый грузъ оттянулъ плечи, подъ суконной одежой, надѣтой сверхъ рубахъ для защиты отъ комаровъ, было жарко, и мы не смѣли снять съ затылковъ платки и сдернуть вуали, предпочитая лучше мокнуть въ собственномъ поту, чѣмъ страдать отъ тысячей укусовъ. Безсонная долгая ночь, видно, истомила и комаровъ; они вяло летѣли за нами, пѣли грустно-заунывно, и многіе, оставивъ преслѣдованіе, отлетали въ чащу, мерцая свѣтящейся точкой въ косомъ солнечномъ лучѣ. Молча брели мы, спотыкаясь о камни, и механически давили комаровъ, осторожно садившихся на потное лицо и руки. Такъ прошелъ еще часъ, въ теченіе котораго наше нетерпѣніе росло, превращаясь въ раздраженіе и злобу.

Наконецъ показались признаки жилья: огороженныя каменными завалами поля, изгороди, кладки дровъ, но мы уже по опыту знали, какъ широко раскидывалась карельская деревня, и не расчитывали добраться до нея ранѣе, какъ черезъ полчаса или

---

[1]) Сельга—финское названіе для длинныхъ насыпей ледниковаго щебня, оставленныхъ на сѣверѣ бывшимъ здѣсь нѣкогда громаднымъ ледникомъ.

часъ. Наконецъ лѣсъ раздался, сельга стала ниже, дорога сбѣжала съ нея и свернула влѣво, а вдали у озера надъ зеленью деревьевъ и кустовъ показались крыши и дымъ изъ трубъ. Вотъ наконецъ и сельбище карельское—Хомсельга. При узкомъ заливѣ озера, куда тихо сочился ручей, стояло всего три двора. Мы прошли мимо большой двухэтажной избы съ вышкой. Изъ покосившихся воротъ ея мальченка выгонялъ хворостиной лѣниво переступавшихъ ногами лошадей. Громадная ветхая изба съ радужными отъ старости, частью побитыми стеклами, со ставнями носившими еще слѣды бѣлой краски и какихъ-то узоровъ вродѣ букетовъ, а теперь безпомощно повисшими на бокъ, носила столь



Изба Сафона Игнатьева въ Хомсельгѣ.

явные слѣды упадка и запустѣнія, что мы не рѣшились остановиться здѣсь и, перебравшись черезъ мостикъ, приблизились къ слѣдующей болѣе хозяйственной постройкѣ. Толкнувъ дверь крыльца, мы поднялись по слабо освѣщенной верхнимъ оконцемъ лѣстницѣ, отворили дверь въ горницу и ввалились въ нее, точно пришли къ себѣ домой. Мы уже привыкли къ широкому молчаливому гостепріимству крестьянъ, во взорахъ которыхъ никогда не читали изумленія по поводу столь безцеремонныхъ вторженій, а самое большее нѣкоторый мгновенный интересъ, настолько слабый, что уже минуту спустя всякій обращался къ своему дѣлу. Такъ было и здѣсь. Возлѣ печки возилась баба, сажая въ нее какую-то снѣдь, нѣсколько лохматыхъ карелъ ѣло за столомъ вареную рыбу, другой на скамьѣ одѣвалъ сапоги, а золотыя стрѣлы солнца, врываясь въ душную избу, озаряли розовымъ свѣтомъ

чисто выскобленныя доски скамей и стола, играли на красныхъ рубахахъ и яркихъ платкахъ.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Откудова?

— Съ Кончезера, самоварчикъ бы намъ, да поѣсть чего нѣтъ-ли.

— Пожалуйте сюда, въ чистую горницу,—засуетилась какая-то старушка съ «кувшиннымъ рыломъ», на которомъ длинный носъ составлялъ смѣшной контрастъ съ полуоткрытымъ ртомъ.

Мы шагнули въ комнату рядомъ, оклеенную обоями и перегороженную темнокрасной ситцевой занавѣской. Межъ двухъ окошекъ стоялъ столъ, который старушка принялась спѣшно прибирать; надъ нимъ, по растрескавшимся обоямъ лѣпились цвѣтныя картинки какихъ-то обителей въ перемежку съ разноцвѣтными обертками съ чайныхъ фунтиковъ, среди которыхъ рѣшительно преобладалъ Цзинь-Лунь. Въ углу раскольничья икона, вѣрнѣе, что-то темное, облупленное, въ золотой аляповатой рѣзьбѣ кіота, густо усыпаннаго точками отъ мухъ; напротивъ стеклянный шкапъ съ посудой и старинные ящики съ наваленнымъ на нихъ платьемъ. Острый, спертый запахъ, напоминавшій какія-то специи химической лабораторіи, казалось, пропитывалъ всю горницу и дѣлалъ пребываніе въ ней почти невыносимымъ.

Медленно поснимали мы съ себя одежду и поклажу,—мѣшокъ, ружье, фотографическій аппаратъ, и присѣли на стулья, пропуская мимо уха рѣчи суетившейся старушки. Вскорѣ на помогу ей появилось новое лицо—женщина лѣтъ 40, въ шерстяномъ городскомъ платьѣ, съ лицомъ, часто усыпанномъ веснушками, рыжій цвѣтъ которыхъ, гармонируя съ цвѣтомъ волосъ и красной шеей, придавалъ ея лицу какое-то раздраженное, вспыленное выраженіе.

— Чай нашъ будете пить, али свой есть?

— Чай есть, и сахаръ есть.

— Да чего спрашиваешь, завари нашего, покушайте нашего, изъ Пинтембурха привезенъ, хорошій, рупъ шесгривенъ фунтъ.

— Ну вашаго, такъ вашего, намъ все единственно.

Раскрывъ мѣшокъ, мой спутникъ вынулъ мыло и полотенце. Съ трудомъ переступая сбитыми ногами, мы спустились на улицу и долго мылись у ручья, прохлаждая горѣвшую кожу и искусанныя комарами руки студеной водой, а когда вернулись наверхъ и едва содрали со сбитыхъ ногъ сапоги, на покрытомъ грубой скатертью столѣ бурливо кипѣлъ самоваръ, обдавая клубами пара

цвѣточно-узорный чайникъ, и стояли тарелки со снѣдью: только-что сжареная щука и калитки—ржаныя ватрушки съ кашей.

Началось чаепитіе. Въ разгаръ его, когда мы уже успѣли удовлетворить сдержанное любопытство женщинъ относительно насъ, въ горницѣ появилось новое лице—невысокій пожилой карелъ на жидкихъ ногахъ, оказавшійся хозяиномъ и супругомъ женщины въ веснушкахъ. Онъ поднялся такъ поздно, потому что провелъ ночь на рыбной ловлѣ, и теперь вяло пилъ чай, перекидываясь съ домочадцами короткими фразами на карельскомъ нарѣчіи. Тощая фигура его съ жидкой бородкой, съ прямыми падавшими вокругъ лба волосами и маленькими, сверкавшими по звѣриному глазками, проявляла въ себѣ что то придавленное—не то онъ былъ боленъ, и его лихорадило, не то надъ нимъ висѣло какое-то горе или сосала тоска неудачи. Замѣто было, что бабы ухаживали за нимъ, точно это былъ безнадежно больной, требовавшій особаго вниманія.

Утомленье, слишкомъ яркій свѣтъ солнца, бившій въ безсонные глаза, тухлый вкусъ рыбы, странно сочетавшійся съ нестерпимымъ специфическимъ запахомъ этой раскольничьей щели, болтливая старуха, раздраженная баба въ веснушкахъ и этотъ пришибленный мохнатый карелъ — все сливалось въ одно тяжелое настроеніе. Разговоръ слабо клеился: хозяинъ молчалъ, старая баба привычно болтала про какія-то домашнія дѣла, а женщина въ веснушкахъ, сидя поодаль, потная, широко разставивъ колѣни, отдуваясь, пила съ блюдечка жидкій чай, и эти фыркающіе звуки еще усиливали раздраженіе, которымъ, казалось, злопыхало все ея существо.

— Такое дѣло, такое дѣло, что никогда не бывало, и упаси Богъ всякаго, сколько лѣтъ живемъ, и за покойникомъ жили... бормотала старуха.

— Правыхъ всѣхъ порѣшили, а которые были виноватые отпустили. Видно послѣднія времена приходятъ, нѣтъ правды!—ядовито подхватывала женщина въ веснушкахъ.

Хозяинъ вздыхалъ, потупивъ очи.

— Корову отдали, аваката нанимали...

— Продалъ, авакатъ-то!—вставляетъ женщина въ веснушкахъ.

— Кабы покойникъ Максимовъ не померъ, не оставилъ-бы этого дѣла такъ,—конфиденціально шепчетъ мнѣ черезъ столъ старуха, входя въ роль и оживленно размахивая рукой.—Покой-

ный ему братъ родной былъ, какъ изъ Пинтембурха пріѣзжалъ такъ завсегда...

— Нѣтъ правды на свѣтѣ, правыхъ-то порѣшили, а которые виноваты... люди видѣли, всего въ крови вытащили, какъ барана рѣзанаго...

— А Микалаевъ пишетъ отъ багра, когда тащили...—шепчетъ старуха.

— Дѣвошкинъ безъ памяти бѣгалъ, ключи съ пояса снялъ, люди видѣли. Зачѣмъ ключи занадобились?—угрожающе задаетъ мнѣ вопросъ женщина въ веснушкахъ.

— Дѣйствительно, что когда тащили,—немощно поясняетъ хозяинъ,—то багромъ не могли зацѣпить, потому на немъ кровь была, отъ багра на мертвомъ крови не буде. А что дѣйствительно дохтуръ Микалаевъ показалъ неправильно, и свидѣтели, которые показывали на слѣдствіи, то ихъ на судѣ другорядъ не спрашивали.

— На два мѣсяца въ тюрьму! Правыхъ-то порѣшили...—гудитъ опять женщина въ веснушкахъ.

Эти-то страстныя, но убито-придавленныя рѣчи о какомъ-то убійствѣ, о слѣдствіи, о тюрьмѣ ясно показывали, что въ этомъ домѣ неблагополучно.

— Кого это въ тюрьму?—спрашиваю я.

— Вотъ!—мотнула хозяйка головой на мужа.

А тотъ сидѣлъ словно тяжкій больной, увѣренный въ приближеніи смерти, которую онъ самъ уже не можетъ отстранить собственной силой, и съ безучастнымъ видомъ, но жадно вбиралъ въ себя этотъ ропотъ негодованія, эти рѣчи сочувствія домочадцевъ, такъ искренне и горячо принимавшихъ къ сердцу его бѣду.

— А нуте-ка разскажите, что у васъ тутъ вышло!

И Сафонъ Игнатьевъ, какъ звали нашего хозяина, принялся разсказывать скорбную повѣсть о происшествіи, которое упало на него всею тяжестью своего послѣдствія, пришибло и придавило такъ, что жизнь стала тяжка ему на свѣтѣ. Онъ разсказывалъ, какъ обыкновенно разсказываютъ крестьяне, т. е. какъ-бы предполагая, что детали и дѣйствующія лица также хорошо извѣстны слушателямъ, какъ ему и сосѣдямъ, почему намъ приходилось ежеминутно останавливать его и требовать разъясненій. Иванъ Григорьичъ, самъ крестьянинъ, лучше схватывалъ суть дѣла и служилъ мнѣ толмачемъ. Экспансивная старуха ежеминутно перебивала печально-эпическій разсказъ Сафона разно-

образными вставками, украшая ихъ необыкновенно энергичными жестами, точно она билась на кулачкахъ съ невидимыми духами, носившимися вокругъ нея въ воздухѣ. Хозяйка, наоборотъ, замолкла, и ея искрящіеся зеленые глаза впились въ насъ, жадно выслѣживая на нашихъ лицахъ признаки сочувствія.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Три года тому назадъ зимою въ проруби на озерѣ нашли трупъ стараго крестьянина деревни Хомсельги, Максимова. Мужики, нашедшіе и вытащившіе его баграми, въ одинъ голосъ утверждали, что Максимовъ былъ убитъ, такъ какъ на головѣ и шеѣ его зіяли раны, нанесенныя, очевидно, топоромъ. Максимовъ принадлежалъ къ числу богатыхъ крестьянъ, такъ какъ ему помогалъ родной братъ, живщій въ Петербургѣ, гдѣ у него было обширное кожевенное дѣло. Этотъ братъ изрѣдка наѣзжалъ въ родную девевню, привозилъ подарки роднѣ, т. е. чуть ли не всей деревнѣ, и тогда въ Хомсельгѣ шелъ пиръ горой. Нашъ Сафонъ также приходился ему родней, добродушная старуха была сестра Максимова, а ея дочь,—женщина въ веснушкахъ, жена Сафона. Убитый или утонувшій жилъ не одинъ — онъ принялъ въ домъ зятя, по имени Дѣвошкина, съ которымъ жилъ, однако, плохо. Между старикомъ отцомъ, съ одной стороны, и Дѣвошкинымъ и его женой, съ другой, начались нелады, доходившіе до ожесточенныхъ дракъ, причиной чего было то, что старикъ не выпускалъ изъ рукъ денегъ, а съ ними и власти въ домѣ. Когда его нашли въ проруби со знаками насильственной смерти, то подозрѣніе въ убійствѣ естественно пало на Дѣвошкина, поведеніе котораго при трупѣ, казалось, подтверждало его. Между прочимъ Дѣвошкинъ самовольно снялъ съ трупа ключъ отъ ящика, который Максимовъ носилъ всегда при себѣ на тесемкѣ. По разсказамъ крестьянъ, трупъ Максимова стоялъ въ проруби, припертый теченіемъ къ колу, къ которому привязывались сѣти, такъ что можно было думать, не спустилъ-ли убійца трупъ своей жертвы въ прорубь въ надеждѣ, что теченіе унесетъ и затянетъ его подъ ледъ; но незамѣченный имъ колъ разрушилъ этотъ расчетъ. Началось, разумѣется, слѣдствіе. Первымъ дѣломъ, на мѣсто происшествія прибыли власти, врачъ Миколаевъ, еще другой врачъ, фельдшеръ и другія лица. По разсказу Сафона и другихъ крестьянъ, Дѣвошкинъ передъ пріѣздомъ властей выставилъ на мосту при въѣздѣ въ деревню караульнаго, своего человѣка, который направилъ пріѣхавшихъ прямо къ Дѣвошкину, гдѣ имъ былъ

приготовленъ обильный обѣдъ съ виномъ и разными закусками, послѣ котораго врачъ Миколаевъ произвелъ осмотръ трупа и составилъ протоколъ въ томъ смыслѣ, что замѣченныя на трупѣ знаки насилія посмертнаго происхожденія и нанесены, очевидно, баграми при неосторожномъ вытаскиваніи трупа изъ воды. Второй, присутствовавшій здѣсь врачъ подписалъ протоколъ, но почему-то оговорилъ, что подписываетъ его не въ качествѣ врача, участвовавшаго въ осмотрѣ, а въ роли посторонняго свидѣтеля. При отъѣздѣ Дѣвошкинъ, по разсказу крестьянъ, вынесъ врачу Миколаеву шубу покойнаго Максимова, въ которой тотъ и укатилъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ деревнѣ укрѣпилось мнѣніе, что кромѣ шубы Миколаевъ будто-бы получилъ сто рублей денегъ. Этимъ дѣло и закончилось: трупъ похоронили, денегъ послѣ Максимова не оказалось, а прочее его имущество перешло къ Дѣвошкинымъ. Извѣстіе объ участи брата такъ подѣйствовало на петербургскаго Максимова, что тотъ болѣе не пріѣзжалъ въ деревню, опасаясь что и его тамъ убьютъ.

Однако обстоятельства, сопровождавшія это происшествіе, все сильнѣе и сильнѣе укореняли въ крестьянахъ Хомсельги мысль, что смерть Максимова не несчастный случай, а преступленіе. У Максимова, помимо Дѣвошкиныхъ, остались родственники, чуть не вся деревня; къ нимъ-то денно и нощно вопіяла объ отмщеніи кровь погибшаго родича; да и вообще крестьянамъ, вѣрно, жутко было жить въ одномъ селеніи съ предполагаемымъ убійцей. Эти ли обстоятельства или какіе-либо личные счеты между крестьянами только прошло немного времени, какъ на Миколаева былъ поданъ доносъ, въ которомъ онъ обвинялся въ составленіи завѣдомо ложнаго протокола вскрытія и въ принятіи подарковъ деньгами и вещами отъ Дѣвошкина. Разумѣется, неопытный искатель правды выполнилъ свое намѣреніе такъ наивно, что ничего не стоило сыскать по почерку крестьянина, писавшаго доносъ. Любопытно, однако, что самый доносъ пролежалъ у начальства подъ сукномъ около двухъ лѣтъ, не вызывая никакого разслѣдованія, и крестьяне объясняли такую медлительность въ преслѣдованіи клеветниковъ докторомъ Миколаевымъ тѣмъ, что былъ живъ богатый петербургскій братъ Максимова, который не остановился бы передъ расходами по приглашенію опытнаго адвоката, если не для защиты своихъ попавшихъ въ бѣду родичей, то просто чтобы вывести на свѣтъ Божій загадочную смерть своего брата. Подобное объясненіе крестьяне подкрѣпляли ссылкой на тотъ фактъ, что

дѣлу о доносѣ и клеветѣ на доктора Миколаева былъ данъ немедленный ходъ, какъ только распространилось извѣстіе о смерти петербургскаго Максимова. Вотъ тутъ-то и начались злоключенія Сафона Игнатьева. Авторъ доноса сознался въ написаніи его, но при этомъ указалъ на Сафона, какъ на вдохновителя: доносъ будто бы былъ написанъ подъ диктовку Сафона. Среди мужиковъ немедленно сложилась легенда, будто-бы доносчика склонили запутать такимъ оговоромъ Сафона Игнатьева съ тою цѣлью, чтобы нанести ударъ главному родичу погибшаго Максимова и тѣмъ заблаговременно затушить возможность поднятія дѣла въ самомъ корнѣ, потому что толки объ убійствѣ Максимова и о недобросовѣстномъ поведеніи во всемъ этомъ дѣлѣ доктора Миколаева не прекращались. Дѣло объ оклеветаніи доктора Миколаева двумя крестьянами деревни Хомсельги, слушалось въ П—скомъ окружномъ судѣ.

Въ добавленіе къ своему разсказу Сафонъ извлекъ откуда-то большую захватанную тетрадь — копію съ приговора. Познакомившись съ содержаніемъ ея, мы живо представили себѣ всю картину этой судебной борьбы. Передъ судомъ два жалкихъ карела раскольника. Безтрепетно выходятъ эти корявые мужички одинъ на одинъ на медвѣдя въ темномъ олонецкомъ лѣсѣ, но съ какимъ трудомъ различаютъ и понимаютъ они что нибудь въ томъ еще болѣе темномъ и мрачномъ лѣсу, который насадили кругомъ нихъ «культурные» люди. Страшно зайти въ этотъ лѣсъ бѣдному, непросвѣщенному человѣку—тамъ ждетъ его коварный, изощренный въ непонятныхъ имъ хитростяхъ врагъ и равнодушные люди, очи которыхъ давно присмотрѣлись къ картинамъ всякихъ мерзостей, а сердца окоченѣли и стали недоступны живымъ ощущеніямъ правды. Но за деньги находятся руководители и здѣсь. Продалъ Сафонъ Игнатьевъ корову и заплатилъ 15 рублей адвокату. Но чему же противупоставлены эти жалкія деньги, начало крестьянскаго раззоренія? Доктору Миколаеву, лицу, замѣтному въ губерніи, родственнику предсѣдателя суда и доброму пріятелю всего губернскаго Олимпа. Но на губернскомъ Олимпѣ, какъ извѣстно, царятъ такія-же фамильярные нравы, какіе описываетъ миѳологія, когда касается обители безсмертныхъ боговъ—Зевса съ его Ганимедомъ, Афродиты, Ареса, ревнивой Геры... Каждый нуждается въ другихъ, а тѣ нуждаются въ немъ, и эта взаимная надобность еще скрѣпляется

имянинами, крестинами, картами и пикниками и прочимъ размыкиваніемъ скучныхъ захолустныхъ досуговъ.

— Палъ Ванчъ, зайдите посмотрѣть, у меня Маничка что-то того, кашляетъ, кстати въ картишки перекинемся, будетъ Лука Лукичъ, Антонъ Антонычъ.

— Лука Лукичъ? Очень кстати, мнѣ его повидать надо, онъ, кажется, взялся защищать этихъ мерзавцевъ...

— Ну вотъ и отлично, за картами переговорите.

— Знаете, непріятно всетаки съ этимъ дѣломъ... шумъ, толки...

— Ну, конечно, не мѣшаетъ проучить, а то житья не станетъ отъ жалобъ и доносовъ.

— Вотъ я имъ покажу, гдѣ раки зимуютъ!

— Слѣдуетъ, слѣдуетъ. Такъ я жду. До пріятнаго свиданья!

А Лукѣ Лукичу какой-же резонъ ссориться съ Павломъ Ивановичемъ изъ-за какихъ то карелъ? И вотъ преходящій эпизодъ, какими напихана дѣятельность провинціальныхъ людей 20-го числа, мелькаетъ въ числѣ прочихъ въ видѣ нѣсколькихъ часовъ судебнаго разбирательства и исчезаетъ безслѣдно для всѣхъ участниковъ, кромѣ злополучнаго карела, который присужденъ къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы, потому что, хотя изъ свидѣтельскихъ показаній и выяснилось, что Сафонъ Игнатьевъ не подучалъ Минина и не диктовалъ ему доноса, но «по мнѣнію суда» (выраженіе обвинительнаго акта), всетаки онъ сдѣлалъ это.

— Такъ ты диктовалъ Минину?—спрашиваю я Сафона.

— Не, я не дихтовалъ и этому дѣлу вовсе не касался, меня о ту пору въ деревнѣ не было.

— Отчего-жъ тебя обвиняютъ въ соучастіи?

— Мининъ по злобѣ на меня оговоръ сдѣлалъ, а я къ нему не касался, мы тоже знаемъ, за такое дѣло не похвалятъ. Ежели бы я хотѣлъ, то написалъ-бы самъ и руку далъ, и другіе сродственники руки дали-бы, да вишь ты, гдѣ же тягаться—дохтуръ Миколаевъ сродственникъ предсѣдателю.

— Ну, Мининъ-то чего впутался? Вѣдь онъ не родственникъ Максимову?

— Родственникъ тоже. У него дѣло было съ Миколаевымъ, вотъ онъ Мининъ-то и хотѣлъ ему напакостить.

— Ничего не понимаю! Но во всякомъ случаѣ, то что написано въ доносѣ—правда по твоему?

— Такъ точно, истинная правда. Я говорю на судѣ — господинъ судья, обратите вниманіе на тое обстоятельство, допросите

свидѣтелей, всѣ видѣли, первое дѣло голова разрублена—мы звѣря бьемъ, на войнѣ были, мертвыхъ, раненыхъ сколько видѣли. Второе дѣло господинъ Миколаевъ у Дѣвошкина стоялъ, вино пилъ и подарокъ принялъ. А онъ мнѣ, предсѣдатель, рукой эдакъ махнулъ, значитъ, замолчи, а авакатъ тоже слабо говорилъ, вовсе ничему не касался.

— Правыхъ-то засудили, а которые виноватые...—гудитъ хозяйка.

— Ты два дѣла путаешь. Одно дѣло о ложномъ доносѣ, а другое дѣло о неправильномъ протоколѣ вскрытія и недобросовѣстности доктора Миколаева. Тебя за доносъ судили, а того не касались, то особое дѣло.

Сафонъ начиналъ понимать.

— Тебѣ бы, или лучше Минину, надо было признать на судѣ, что де онъ за доносъ свой стоитъ, и что вы желаете доказать правду его, а вмѣсто того Мининъ повинился и прощенія просилъ. Вотъ васъ и закатали. Посидишь теперь. Ну да ничего, два мѣсяца немного времени, не горюй. А позору на тебѣ не будетъ, всѣ вѣдь знаютъ обстоятельства.

Но Сафонъ думалъ, а главное чувствовалъ иначе. Какъ, онъ, честный крестьянинъ, безпорочно отбывшій военную службу, подъ турецкими ядрами и пулями переправлявшій въ качествѣ матроса наши войска черезъ Дунай, и вдругъ въ тюрьму по ложному оговору!

— Сидѣть ничего, не трудно. А какъ я теперь людямъ въ глаза смотрѣть стану. Ты, скажутъ, въ тюрьмѣ сидѣлъ!

И Сафонъ глянулъ на меня такимъ взоромъ, что мнѣ стало стыдно за мое легкомысленное отношеніе къ вопросу о тюрьмѣ. При видѣ грубой жизни крестьянъ, мы, чистые господа, склонны порою думать, что и въ душѣ у нихъ такъ же все грубо, что честь и доброе имя не такъ дороги, оскорбленія и позорныя наказанія не столь тягостны имъ, какъ иному джентльмену въ крахмальной рубашкѣ. Можетъ быть тамъ, гдѣ заушенія, розги и холодныя каталашки стали самымъ обыкновеннымъ явленіемъ деревенской жизни, лучшія человѣческія чувства сильно заглушены въ крестьянинѣ (хотя факты заставляютъ сомнѣваться въ этомъ), но здѣсь, въ лѣсной дебри, не знали помѣщиковъ, власти всегда были далеко, не подъ бокомъ, а люди здѣшніе еще недавно толпами съ пѣніемъ псалмовъ добровольно погибали въ пламени и дыму горящихъ срубовъ, только бы не поступиться тѣмъ, что считали

святыней духа. Потому-то чувство собственнаго достоинства сидитъ въ здѣшнемъ мужикѣ куда крѣпче, чѣмъ въ господинѣ, одѣтомъ въ сюртукъ съ золотыми пуговицами, господинѣ, который трясется при грозномъ окрикѣ начальства и съ непостижимой чуткостью постигаетъ мановеніе начальничьихъ бровей.

— Апелляцію подалъ?

— Авакатъ написалъ, ждемъ, што буде.

— По нашему опрадаютъ. Нельзя засудить безъ уликъ по одному «мнѣнію суда».

— Навѣрно оправдаютъ!—подтверждаетъ Иванъ Григорьичъ.

Сафонъ смотритъ на насъ съ робкой надеждой, домашніе расцвѣтаютъ, и сразу становятся ласковѣе, словоохотливѣе и суетливѣе.

— Покушайте чайку, второй самоварчикъ поставимъ!

— Нѣтъ, спасибо, сыты. Курить у васъ нельзя?

— Ничаво, курите, въ окошко курите!

Я распахиваю окно, сажусь возлѣ него, и, держа дымящуюся трубку на отлетѣ за окномъ, всякій разъ высовываюсь, чтобы затянуться и выпустить дымъ на воздухъ. Нельзя—старовѣріе! Замирающій расколъ еще крѣпко цѣпляется за кой какіе старые обычаи. Но держатся ихъ старики, а молодые ужъ отстали. Такъ въ семьѣ Сафона старшіе уклонились отъ фотографированія, а молодежь при одномъ словѣ объ этомъ всполошилась и загодя обрядилась въ обновы.

Но насъ сильно клонило ко сну. Было около 9 ч. утра, когда мы съ Иванъ Григорьичемъ залѣзли на широкую деревянную постель съ холщевымъ пологомъ, стоявшую въ прохладныхъ сѣняхъ. Въ ней передъ тѣмъ спалъ Сафонъ. Приходя въ крестьянскія селенія на зарѣ, мы уже привыкли забираться въ мужицкія постели, которыя какъ разъ опрастывались къ этому времени. Характерно, что карелы спятъ на особыхъ деревянныхъ кроватяхъ, снабженныхъ тюфяками и подушками, тогда какъ здѣшніе русскіе располагаются просто на полу, раскинувъ на немъ овчину либо тюфякъ. На обиліе разнообразныхъ насѣкомыхъ, водившихся въ большомъ числѣ даже въ самыхъ чистыхъ карельскихъ избахъ, мы уже перестали обращать вниманіе. Впрочемъ, чистоту здѣсь очень наблюдаютъ, но препоны тому часто чинитъ бѣдность.

Когда мы проснулись, было уже далеко за полдень. Нашего пробужденія, должно быть, ожидали, потому что немедленно появился самоваръ, а къ нему калитки—довольно вкусныя ржаныя

ватрушки на маслѣ съ кашей, и «хворостъ», настоящій желтый хворостъ, какой изготовляютъ въ Петербургѣ нѣмецкіе булочники. Это была стряпня хозяйки, которая немалое время прожила въ Петербургѣ и обучилась тамъ столичному обращенію.

Вся компанія собралась снова въ томъ же составѣ, только настроеніе перемѣнилось. Сафонъ сдѣлался добродушно-разговорчивымъ—разсказывалъ про здѣшнее житье, про хозяйство, про медвѣдей, какъ «обходятъ» ихъ, спящихъ зимой гдѣ-нибудь въ дремучемъ ельникѣ, и затѣмъ «продаютъ» любителямъ охоты, про расколъ и отношеніе къ нему мѣстнаго духовенства, притащилъ даже старую раскольничью книгу. Старушка и хозяйка тоже успокоились и стали сообщительнѣе. Словомъ настроеніе было такое, точно мы — дорогіе гости, давніе пріятели, прихода которыхъ только и ждали. Впослѣдствіи, явившись по своему дѣлу въ Петербургъ, Сафонъ сообщалъ мнѣ, что наши рѣчи и выраженная нами увѣренность въ томъ, что онъ невиненъ, что его непремѣнно оправдаютъ, повліяли на него такъ, точно его спрыснули живой водой. Угнетаемый мыслью объ ожидающемъ его позорномъ наказаніи, онъ совершенно палъ духомъ, опустилъ руки и жилъ въ болѣзненно придавленномъ состояніи, не имѣя силъ заглушить въ себѣ сосущее чувство тревоги.

Настроеніе большака разливалось на всѣхъ окружающихъ. Въ домѣ преобладали бабы, изъ молодежи были только племянницы жены, которыхъ Сафонъ взялъ къ себѣ въ домъ; а бабы, извѣстно, сердобольны и жалостливы. Жалѣя хозяина, онѣ и сами упали духомъ, да и его растравляли своимъ несмолкаемымъ печалованьемъ. Наше вмѣшательство ограничилось лишь тѣмъ, что выразили непреклонную увѣренность въ отмѣнѣ приговора Окружнымъ Судомъ. Но и этого было достаточно, чтобы пришибленный бѣдой карелъ воспрянулъ духомъ. О какихъ вещахъ мы ни говорили, въ концѣ концовъ бесѣда неизмѣнно возвращалась все къ тому же злополучному дѣлу. Оно было пересмотрѣно заново по крайней мѣрѣ разъ пять, перебраны всевозможныя случайности, расчитаны послѣдствія, и результатъ получался всякій разъ въ нашихъ устахъ такой, что Сафонъ и домочадцы его расцвѣтали, да расцвѣтали, пока намъ положительно не надоѣло повторять свои увѣренія. Мы сами ни минуты не сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ дѣла, и не ошиблись: окружной судъ отмѣнилъ приговоръ судебной палаты, избавивъ невиннаго крестьянина отъ позорнаго наказанія, каковое обстоятельство обошлось

тому всего только въ двѣ проданныхъ коровы, въ проѣздѣ и проживаніи въ Петербургѣ и въ долгихъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя съ нимъ дѣлило еще нѣсколько человѣкъ. Только! Я хорошо помню, какою радостью сіяло лицо этого неказистаго, жидкаго карела, когда онъ пришелъ ко мнѣ изъ суда послѣ того, какъ дѣло его приняло благопріятный оборотъ. Карелы вообще не экспансивны, а все же чувствовалось, что подъ нимъ земля плясала.

— Какъ вы говорили, такъ и вышло! Въ одно слово! Скажи пожалуй!

Наканунѣ разбирательства дѣла онъ долго сидѣлъ у меня на квартирѣ, пилъ чай изъ своей чашки, которую таскалъ въ карманѣ пиджака, съ блюдечка, которое выворачивалъ откуда-то изъ за пазухи, чуть что не со дна души, и долго слушалъ наставленія, что и какъ говорить на судѣ. Я потратилъ неимовѣрное количество краснорѣчія въ тщетныхъ попыткахъ разсѣять внушаемый ему судьями и судебною обстановкою страхъ.

— Ты пойми, вѣдь живота не лишатъ, головы не отсѣкутъ. Какъ выйдешь завтра на судъ, такъ не смотри, что они тамъ сидятъ за краснымъ столомъ въ мундирахъ съ золотыми воротниками, да въ золотыхъ цѣпяхъ на шеѣ. Сыми съ нихъ одежу, такіе-же люди окажутся какъ ты. Только говори проще, не путай.

Странно, что аргументъ насчетъ краснаго стола и снятія одежды оказалъ наибольшее дѣйствіе.

— Вышелъ я этта,—разсказывалъ Сафонъ,—а какъ увидалъ красный столъ да судей, такъ и вспомнилъ ваши слова. Дѣйствительно, што головы не отрубятъ, и такіе-же люди. И скажи пожалуй, страхъ прошелъ.

И онъ вставалъ, кланялся, благодарилъ, благодарилъ безъ конца. Тутъ-же смастерили телеграмму его хозяйкѣ,—она, согласно уговору съ мужемъ, должна была пріѣхать въ этотъ день въ Петрозаводскъ и ждать тамъ въ лавкѣ у знакомаго купца извѣстія объ исходѣ дѣла.

Но вернемся въ Хомсельгу. Остатокъ дня мы провели въ бесѣдахъ, преимущественно о расколѣ. Хозяинъ съ хозяйкой, какъ и прочіе здѣшніе старовѣры, жили конечно не вѣнчаные, въ церковь не ходятъ, на исповѣди и у причастія не бываютъ—мѣстный батюшка просто отмѣчаетъ по сему поводу въ соотвѣтственной графѣ: «не были по болѣзни», тѣмъ и дѣлу конецъ. Но старовѣрія здѣсь держатся просто по завѣту—дескать отцы держались,

такъ и намъ мѣнять не зачѣмъ, не проявляя никакой ревности о вѣрѣ и нетерпимости къ иновѣрцамъ. Единственное, что блюдутъ, это не пьютъ вина, не курятъ, да имѣютъ свою посуду. Нынче имъ тутъ вольнѣе, и расколъ замираетъ, но не отъ того, что ослабла прижимка. Погромъ 1854—55 гг., сопровождавшійся дикими сценами выселенія, отобраніями старыхъ иконъ, книгъ, наполнилъ стенаніями весь раскольничій сѣверъ, и память о немъ живетъ еще въ умахъ стариковъ, но толку изъ того вышло мало. Школы, да общія условія жизни — вотъ гдѣ смерть двуперстію, трегубой алиллуѣ, да восьмиконечному кресту. Вынуждаемые необходимостью входить въ болѣе частыя и близкія сношенія съ дѣйствительностью, раскольники привыкаютъ понемногу ко всему и начинаютъ равнодушно относиться къ такимъ вещамъ, какіе нѣкогда вызывали въ нихъ ненависть и омерзѣніе, какъ, напримѣръ, табакъ. Ненависть къ этимъ мелочамъ не мѣшала трезвой мысли брать у жизни все разумно-полезное. Было ли, чтобы раскольники отказывались отъ столь необходимаго имъ въ здѣшнемъ краю огнестрѣльнаго оружія? Отказывались-ли они отъ удобствъ самовара, керосина, желѣзной дороги, парохода, почты, телеграфа?

Кромѣ раскола, мы разсуждали о хозяйствѣ. Спутникъ мой, житель черноземной Рязанской губерніи, на каждомъ шагу дивился зажиточности здѣшнихъ крестьянъ по сравненію съ «центромъ» Россіи. Вмѣсто хатъ «по черному», просторныя двухъэтажныя избы съ разными пристройками. На поляхъ не тощая, жидкая рожь по колѣно, а густая стѣна наливной ржи по плечи человѣка.

— Чего вы жалуетесь,—говорилъ онъ Сафону,—посмотрѣли бы, какъ у насъ живутъ! Грязь, сѣрость, бѣдность, невѣжество! Тѣснота такая, что податься некуда. Лѣсу—ни дерева, соломой топимъ, заработку — не хочешь ли 30 копеечекъ въ день. Да кабы намъ сюда въ ваши лѣса, мы бы зажили припѣваючи. Въ озерѣ—рыба, въ лѣсу—дичь, земли—паши, сколько хочешь, лѣсу—и цѣны нѣтъ. Нѣ-ѣтъ, у насъ куда хуже, даромъ, что черноземъ.

Сафонъ слушалъ недовѣрчиво. И понятно. Здѣшній крестьянскій рай, видно, имѣетъ свои темныя стороны. Клочки пашни, отвоеванныя у лѣса, политы потомъ цѣлыхъ поколѣній, да и такихъ клочковъ немного. Урожай на подсѣнѣ хорошъ только въ первый годъ, а прочія пашни родятъ самъ 2—4 лишь при усло-

віи усиленнаго унавоженія. Для этого держи много скота,—а гдѣ сѣна возьмешь? Что же дѣлается въ этомъ рѣдко населенномъ бездорожномъ краѣ въ неурожайные годы, объ этомъ знаетъ только темный лѣсъ, окружающій стѣной крестьянскія поселенія. Хлѣбъ изъ рыбьей муки, хлѣбъ изъ сосновой заболони, который, безъ достаточной примѣси ржаной, заглушаетъ голодъ, но приводитъ къ вѣрной смерти,—вотъ жалкая пища голодающихъ.

— А разскажи, Сафонъ, какъ ты медвѣдей бьешь? Много ли ихъ ухлопалъ на своемъ вѣку?

— Есть таки малость. Этой пакости много. Нынче только не слышно. Лѣтомъ, какъ задеретъ корову, лавасъ дѣлаемъ возлѣ. Такъ, на деревѣ бесѣдка, сучьями прикрыта. Разъ этта задавилъ онъ корову, сѣли мы съ товарищемъ въ лавасъ. Сидимъ. Товарищъ-то заснулъ, а я смотрю, не выйдетъ-ли. Онъ хитеръ тоже— почуетъ, ни за что не выйдетъ. А только ходитъ онъ рыломъ въ землю, по верхамъ не смотритъ. Сижу, поглядываю. Только, слышь, затрещало. Глянулъ, а онъ изъ ельника-то и выходитъ. Вышелъ, сталъ, смотритъ, да лѣниво такъ-то пошелъ къ падали. Я ружье взвелъ, курокъ щелкъ, — а онъ и сталъ, смотритъ: услыхалъ, значитъ. Постоялъ, опять пошелъ. А я ему говорю такъ голосомъ своимъ: «Стой! куды идешь!» Поднялъ онъ этта морду, я его и хлопъ! Сразу повалился, въ другорядь не стрѣлялъ.

— А было такъ, чтобы прямо его стрѣлялъ, не съ лаваса.

— Бывало и эдакъ. Въ позапрошломъ годѣ приходитъ одинъ крестьянинъ, нашей деревни тоже. «Подемъ,—говоритъ Сафонъ,— я медвѣдя обошелъ. Въ половинѣ, значитъ. Недалеко и лежитъ». «Что-жъ, говорю, пойдемъ!» На другой день вышли на лыжахъ; товарищъ сына взялъ, а со мной собака была, Жучка. Подняли мы его, огромный такой. Испугались мы, дай побѣжали. Мальченка-то на лыжахъ не гораздъ бѣгалъ, отсталъ, а товарищъ и взмолился ко мнѣ. Онъ старый былъ, силы-то немного. «Выручи, Сафонъ, задеретъ звѣрь сына! Заставь вѣкъ Бога молить!» Сталъ этта я у елки, а медвѣдь-то вотъ онъ тутъ. Кричу товарищу, а онъ испугался гораздъ, не слышитъ. Вотъ, думаю, пропадать надо. Ухватился за елку лѣвой рукой, а винтовку прямо въ рыло звѣрю сунулъ. Началъ онъ меня возить, упалъ я на колѣно, да, спасибо, за елку держусь, кабы не дерево, повалилъ бы, самъ ему ружье въ морду пхаю и къ себѣ не пускаю. Ружье заряжено, а стрѣлять не могу. Тутъ Жучка прибѣжала. «Жучка!» кричу,

«Чтожъ ты! Выручай хозяина!» Почала она его сзади цапать, отпустилъ меня, на нее. Тутъ я его и стрѣлилъ.

— Что-жъ товарищъ? Такъ и убѣжалъ?

— Убѣжалъ. Потомъ прощенья просилъ. «Прости,—говоритъ, напугался гораздъ». Кабы не елка, заѣлъ-бы меня звѣрь о ту пору. Скажи, пожалуй, какъ подошло!

На другой день мы ушли изъ Хомсельги. Сафонъ съ супругой вывелъ насъ на озеро и усадилъ въ лодку. Хозяйка сѣла за весла, и наша ладья поплыла по спокойной глади глухого озера, шурша бортами о рѣдкій камышъ, задѣвая разставленныя всюду снасти. На топкомъ берегу, гдѣ начиналась едва замѣтная тропинка, вившаяся въ глубь дремучей олонецкой тайги, добродушные карелы высадили насъ и, давъ послѣднія указанія насчетъ дороги, долго прощались, желая всякихъ благъ. Вскорѣ мы уже шли по глухой лѣсной тропѣ, едва различая ее въ полумракѣ чащи, среди грудъ обросшихъ мохомъ валуновъ.

Путь нашъ представлялъ уже не дорогу, а едва замѣтную тропинку, вившуюся между камней и поросшихъ ягодами кочекъ. Лѣтомъ по ней никто не ходитъ, а ѣздятъ лишь зимой, на саняхъ. Наступили сумерки, и мы съ трудомъ различали нашъ путь въ сумракѣ лѣса. Но вотъ тропинка сбѣжала въ низину, свободную отъ лѣса и поросшую высокой травой по поясъ. Нырнувъ подъ какую-то изгородь, она уходила въ зелень и... исчезала тамъ. Посовались мы туда, сюда. Нѣтъ нашей тропы, да и только.

— Какъ быть?—спрашиваемъ мы другъ друга.

— Давайте, поступимъ, какъ Сафонъ съ медвѣдями,—говорю я Иванъ Григорьичу. Начнемъ обходить поляну по опушкѣ лѣса, вы идите въ одну сторону, я—въ другую, пока не пересѣчемъ тропу. Вѣдь должна-же она выходить снова въ лѣсъ.

Мы расходимся въ разныя стороны и бредемъ по кочковатому болоту, перелѣзая черезъ камни, валежникъ, продираясь черезъ кусты. Вскорѣ я нахожу что-то похожее на заросшую дорожку и аукаю своему спутнику. Онъ подходитъ, и мы начинаемъ обсуждать, то ли это, что намъ надо.

— Нечего раздумывать, идемъ!

— Вы хоть по компасу справьтесь, туда-ли? — говоритъ мой спутникъ.

Справляемся по компасу.

— Должно быть туда, видите намъ на югъ, и она на югъ. И

потомъ что мы теряемъ? Куда нибудь выведетъ, не назадъ же ворочаться,—и мы пошли.

Никогда въ жизни не видалъ я такого дикаго лѣса. Передъ нами развертывались то холмы и долины, поросшія толстыми высокоствольными соснами, между которыхъ мы чувствовали себя словно среди колоннъ какого-то гигантскаго храма. Подлѣска не было, и внутренность лѣса, усыпанная бурымъ слоемъ опавшихъ хвой, открывалась далеко во всѣ стороны. То густой подлѣсокъ,—кустарники и молодыя деревья, поросшія мохомъ кочки, папортники и кустики черники, заполняли все кругомъ, и, точно страшныя чудовища, топырили во всѣ стороны свои фантастически облѣпленныя мохомъ вѣтви упавшія деревья, корни которыхъ нависали надъ широко разверстыми пастями черныхъ берлогъ. Сѣдой мохъ стлался по стволамъ и свисалъ сѣдыми бородами съ вѣтвей, качаясь, точно то была гигантская, мохнатая змѣя. Неровная поверхность лѣса, вся въ буграхъ и ямахъ, представляла собою груды большихъ валуновъ; пушистый зеленый мохъ одѣлъ ихъ пышнымъ ковромъ, смягчилъ грубыя очертанія камней и обманывалъ насъ на каждомъ шагу—ступишь, думаешь мягко, а подъ каблукомъ глухо стучитъ твердый камень. Временами въ такой тайгѣ, журча и гремя, бѣжитъ по усыпанному булыжникомъ руслу широкая рѣчка, изъ которой мы жадно пьемъ непріятную, болотнаго вкуса воду...

Жутко идти по такому лѣсу: сумрачно, глухо, дико, и въ полутьмѣ ночи воображеніе рисуетъ сказочныя картины:

Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ виситъ...

и вспоминаются читанныя въ дѣтствѣ разсказы, какъ лѣшій гогочетъ и морочитъ путника, какъ защекочиваютъ его на смерть русалки, какъ вспыхиваютъ на мѣстѣ зарытыхъ кладовъ и забытыхъ могилъ зеленые огни и разная другая чертовщина. И хочется слышать звуки человѣческой рѣчи, и говоришь о пустякахъ, а самъ глядишь впередъ и стараешься понять, что тамъ такое: сгнившій ли стволъ дерева или медвѣдь стоитъ на заднихъ лапахъ. Глушь такая, что тутъ бы ему и водиться.

— Какъ бы намъ не наткнуться на Михалъ Иваныча,—говорю я спутнику.

— Очень просто, что наткнемся.

— Такъ смотрите же, Иванъ Григорьичъ, планъ битвы таковъ: я стрѣляю первый, и коли разрывная пуля не кладетъ его на мѣстѣ, очередь за вами съ вашимъ револьверомъ, знайтесь съ нимъ, какъ хотите, пока я вкладываю новый патронъ.

— Такъ онъ и будетъ дожидаться. Рявкнетъ, у васъ поджилки затрясутся, выроните ружье и съ патрономъ, да давай Богъ ноги.

— Чего вы смѣетесь, поджилки у всякаго есть, а вы, смотрите, со страху въ меня не пальните вмѣсто звѣря.

Такъ, посмѣиваясь другъ надъ другомъ, мы разгоняемъ жуткое настроеніе, навѣваемое дремучей тайгой и понемногу шагаемъ впередъ да впередъ, пока черезъ нѣсколько часовъ не выходимъ къ жалкой карельской деревушкѣ, притаившейся у глухого лѣсного озера. Разговоры наши про медвѣдей оказались не совсѣмъ пустыми, такъ какъ карелы сообщили намъ, что уже третій день не пускаютъ скотъ въ лѣсъ, потому-что еще надняхъ медвѣдь задралъ у нихъ корову.

Эта деревня такъ и называлась Карельской. Большія сѣрыя избы съ покосившимися крыльцами жались къ озеру. Толпа карелъ въ рубахахъ и портахъ домашняго издѣлія собралась у крыльца поглазѣть на насъ. Внѣшность ихъ обличала бѣдность, а во взорахъ сквозило покорное равнодушіе къ своей участи. Затерянные среди лѣсовъ и озеръ, они жили отрѣзанными отъ міра, въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, и натуральной бѣдности. Но цивилизація въ видѣ самовара, ситцевой рубахи и окладного листа мимоходомъ заглянула и сюда, заглянула и ушла. Впрочемъ нѣтъ, она оставила здѣсь школу, въ которой мы хлебали чай изъ сборной посуды, поглядывая на груду простой школьной мебели, составленной въ уголъ. Школа помѣщалась въ бѣдной избѣ, учитель былъ въ отъѣздѣ, а отъ крестьянъ мы немного узнали о плодотворномъ вліяніи равнодушной къ ихъ просвѣщенію цивилизаціи. Сидя въ вечернемъ сумракѣ въ бѣдной, грязной избѣ, возлѣ покривившагося и незнакомаго съ кирпичнымъ порошкомъ самовара, я задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ нужна этимъ дѣтямъ природы школа, э т а школа, съ пятнадцатирублевымъ учителемъ, завербованнымъ нуждой изъ неудачниковъ духовнаго званія, со складами, буквой ѣ, «Вотчей» и «Богородицей»? Какой далекой, безполезной, даже глупой должна казаться имъ эта наивная премудрость, какъ трудно придти имъ, пахотникамъ и рыболовамъ, къ сознанію отдаленной выгоды, которую можетъ доста-

вить счетъ и письмо тому изъ нихъ, кого судьба заброситъ въ городъ, гдѣ теперь ищущему работы частенько задаютъ вопросъ: «грамотный»? Школа и жизнь! Жизнь и школа! Есть ли дѣйствительно связь между этой жалкой русской жизнью и еще болѣе жалкой русской школой? И невольно мысль моя неслась дальше на западъ, вдоль паралели, на которой стоитъ Карельское, и мелькали передъ глазами тучныя нивы Швеціи, лѣсопилки, рыбные заводы, мануфактуры, приводимыя въ движеніе шумными водопадами, и въ прочныхъ уютныхъ домахъ сидѣли за кофеемъ мужики, покуривая трубки и обсуждая послѣднія газетныя извѣстія, а еще дальше, за океаномъ, Минесотта, Асинибоя, паровые плуги на безпредѣльныхъ поляхъ, вѣялки, поѣздъ, грохочущій на всѣхъ парахъ черезъ глухую тайгу; и толстыя струны, по которымъ течетъ отъ могучаго водопада электрическая энергія. Тотъ же климатъ, та же природа! Тѣ же безпредѣльные лѣса, рыбныя озера, безчисленные кипящіе энергіей пороги, словомъ, та же возможность съ бою взять у природы лучшую долю; но что-то сдавливаетъ мысль, что-то парализуетъ волю и не даетъ простору жизненной дѣятельности. Гдѣ то сидятъ люди, которые рѣшаютъ за этихъ карелъ ихъ карельскіе жизненные вопросы: гдѣ можно и гдѣ нельзя рубить лѣсъ, воспретить или разрѣшить подсѣки, проводить или не проводить желѣзную дорогу, обучать ли по складамъ,—по звуковому методу, или лучше не учить ничему, какъ и въ какой дозѣ сѣчь, какой пошлиной обложить заморскую соль, какимъ иконамъ молиться, какія книжки читать. Думаютъ вяло, черезъ пень колоду, съ отписками, переписками, подковырками, подвохами, съ мыслью о двадцатомъ числѣ, о командировкѣ заграницу и еще не знаю о чемъ.

Старый карелъ берется доставить насъ въ другой конецъ озера, къ деревнѣ Порожку, и вотъ, мы плывемъ по зеркальной водѣ, и робко плыветъ за нами отраженіе блѣднаго мѣсяца. Однообразный стукъ веселъ и тихій говоръ—единственные звуки, нарушающіе ночную тишину.

Отъ Порожка наша дорога опять пошла дикимъ лѣсомъ, и много часовъ шли мы молча по дебри, страшное одиночество которой не нарушало ничто живое. Ни звуковъ, ни слѣдовъ звѣря или человѣка: мохъ, лѣсъ и небо, по которому недвижно стелятся серебристыя нити перистыхъ облаковъ. Иногда мы выходимъ на высокія плоскости, поросшія жидкимъ верескомъ-рыскуномъ; лѣсъ рѣдѣетъ, и тамъ и сямъ, какъ отсталые путники,

стоятъ одинокія сосны съ черными низами стволовъ; очевидно, тутъ горѣлъ когда-то лѣсъ, и тощая почва не успѣла взростить новаго. Измученные ходьбой, мы ложимся на холодную землю подъ дымъ огонька, потому что комары, какъ мученія совѣсти, ни на мгновеніе не покидаютъ насъ. Въ тѣлѣ, передъ восходомъ солнца, чувствуется какое-то особое, острое истощеніе, и не хочется вставать, чтобы плестись все впередъ и впередъ.

Первымъ подымается Иванъ Григорьичъ. Ему, степняку, очевидно, жутко въ этой сѣрой лѣсной пустынѣ, прелести которой воспѣваютъ сѣверные раскольничьи гимны. Можетъ быть и по

Улица и часовня въ Хомсельгѣ.

этой дебри брелъ до насъ странникъ въ скуфьѣ, «древлецерковное благочестіе храняще, скиташеся и живяше въ пустыни по лѣсамъ оу огненныхъ нудей, всякую нужду терпяше», шелъ и пѣлъ: «нѣсть спасенья въ мірѣ, нѣсть! Лесть одна лишь правитъ, лесть! Смерть одна спасетъ насъ, смерть!»

— Пойдемте, что лежать тутъ.

— Надо; надо идти,—отвѣчаю я, а самъ продолжаю лежать.

— Экая дичь, экая пустыня!—шепчетъ Иванъ Григорьичъ.

— А все же чувствуется въ ней какая то дикая поэзія, что-то безвыходно-безотрадное, но угрюмо спокойное, отдаляющее отъ міра, сближающее мысль съ совѣстью.

На зарѣ мы выбрались въ болѣе культурную мѣстность. До-

рога стала колесной, по сторонамъ росъ лиственный лѣсъ, показались луга, пашни, а за ними русское селеніе Бессовецъ или Бѣсовецъ, ужъ не знаю какъ его писать.

Селеніе это раскинулось по обоимъ берегамъ широкой и быстрой Шуи, мчавшейся среди сланцевыхъ утесовъ. По ней плыли бревна.

Деревня еще спала. Мы прошли нѣсколько избъ и остановились у новой, блестѣвшей, какъ золото, двухъ этажной постройки. Иванъ Григорьичъ принялся стучать въ дверь, въ то время какъ я въ изнеможеніи опустился на ступеньки крыльца. Внутри послышался кашель, затѣмъ тупые звуки шаговъ босыми ногами, щеколда поднялась, и на порогѣ показалась заспанная старушка.

— Пусти, бабушка, странниковъ!

— Идите, идите!

— Самоварчикъ нельзя-ли?

— Можно, родимый, сичасъ наставлю.

Мы вошли въ чистую горницу съ русской печью, дверь изъ нея вела во вторую, гдѣ на полу, на тюфякѣ, подъ одѣяломъ, изъ подъ котораго высовывались корявыя босыя ноги, лежалъ богатырскаго вида старикъ; красная рубаха была растегнута, засучена и открывала волосатую грудь и здоровенныя ручища. Старикъ, онъ же хозяинъ, понемногу проснулся, прокашлялся, и не нарушая своей великолѣпной позы, принялся командовать старухѣ и завелъ степенную рѣчь съ нами. Вскорѣ надъ нами послышался шумъ, и по лѣстницѣ изъ верхняго этажа спустился босоногій бѣлокурый парень съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, большіе голубые глаза котораго наивно глядѣли на насъ.

— Маменька, возьми Митю, все плачетъ, видно къ бабкѣ просится.

— Давай его сюда, Митюху!—густымъ басомъ сказалъ старикъ, принимая внука отъ сына. И здоровыя ручищи его бережно обняли маленькое тѣльце. Очутившись у дѣда, младенецъ принялся трогать его за усы, за бороду.

— Ахъ ты мерзавецъ, мерзавецъ! Дѣдушку стараго за бороду трясешь! А ну ка еще, дерни его, стараго! Цапай! Цапай за носъ! Вотъ такъ, вотъ такъ!

— Митенька дѣда обижаетъ? А гдѣ Митенька? — ворковала изъ сосѣдней горницы старуха, громыхая самоварной трубой. И когда самоваръ вскипѣлъ и яичница поспѣла, Митенька перешелъ

на руки бабки, которая цѣловала и миловала его, пока сверху не спустилась молодуха.

Вечеромъ, часовъ около 6, мы отправились въ баню. Баня, низкое прокопченное строеніе съ землянымъ наваломъ на крышѣ, стояла возлѣ самой рѣки. Мысль воспользоваться этимъ деревенскимъ удовольствіемъ возникла у меня въ то время, какъ я сидѣлъ у окна, курилъ трубку и смотрѣлъ на Шую. Внезапно мое вниманіе привлекли двѣ совершенно раздѣтыхъ дѣвицы, которыя, нимало не стѣсняясь ходившихъ по улицѣ, влѣзли въ рѣку и стали окунаться. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что онѣ исчезли въ банѣ.

Ивану Григорьевичу тоже захотѣлось бани. Спустя нѣсколько минутъ, мы уже шли туда съ вѣничкомъ подъ мышкой и очутились въ предбанникѣ, узкомъ бревенчатомъ пространствѣ безъ крыши. Баня была низкая, совсѣмъ черная горница, съ махонькимъ окошкомъ. Двѣ трети ея занимала печь, или не печь, а груда закопченныхъ булыжниковъ, поверхъ которыхъ нѣсколько наклонно лежали черныя отъ дыму доски. Это былъ полокъ. На полу стоялъ небольшой ушатъ съ горячей водой и что-то вродѣ лохани и ковшика. У пола было или казалось холодно, тогда какъ голову надо было нагибать и ходить согнувшись, потому-что на половинѣ высоты избы кончался умѣренно теплый поясъ и начинался жарко-тропическій, выше котораго подъ самымъ потолкомъ разстилался адъ. Но Иванъ Григорьичъ, которому нравился этотъ жгучій жаръ, плеснулъ на булыжникъ воды, и они зашипѣли, словно куча спавшихъ, но потревоженныхъ кѣмъ нибудь змѣй. Жаръ сталъ невыносимъ, но Иванъ Григорьичъ уговорилъ меня лечь на полокъ, обѣщая попарить, отчего, дескать, станетъ легче. Я согласился и, благодаря этому, узналъ, какой такой бываетъ вѣтеръ «самумъ» и что дѣлается съ человѣкомъ, который попалъ въ этотъ вихрь. Достаточно сказать, что я вскочилъ, выбѣжалъ, въ чемъ мать родила, на улицу и бросился въ рѣку. Изъ рѣки я вернулся въ баню. Собственно говоря, эта смѣна жара на холодъ и холода на жаръ дѣйствительно пріятна, и весьма понятно, почему парящіеся катаются зимой въ снѣгу и возвращаются изъ бани босикомъ. Я уже одѣвался, а Иванъ Григорьичъ еще наслаждался этимъ финско-русскимъ удовольствіемъ, когда на сцену появились двѣ женщины съ кульками и вѣниками. Найдя въ банѣ мужчинъ, онѣ остались очень недовольны, но и не поду-

*

мали удалиться, а преспокойно вошли въ баню и послѣ короткаго препирательства вытѣснили оттуда Ивана Григорьевича.

Такова простота здѣшнихъ нравовъ, простота, которую нельзя не увѣнчать пословицей honny soit qui mal y pense.

Ночь мы провели на верху, въ лѣтней горницѣ, на тюфякахъ, и спали отлично, не смотря на то, что маленькіе, но очень прыткіе, налившіеся кровью клопы мелкимъ бисеромъ катались по полу, словно затѣяли игру въ пятнашки. Я замѣтилъ, что эти сибариты не давали себѣ труда прокусывать себѣ собственныя отверстія въ нашей кожѣ, а устраивались у ранокъ и припухлостей, оставшихся послѣ комариной трапезы. Благодаря этому обстоятельству, укусы болѣли и не заживали дольше, а послѣ нѣкоторыхъ остались мѣтки «на всю жизнь».

Утромъ рано, въ пасмурную вѣтреную погоду, мы переправились черезъ Шую и пошли по дорогѣ на Петрозаводскъ. Кудлатыя темныя облака низко бѣжали надъ лѣсомъ, было уныло и одиноко. Часа черезъ два мы выбрались на Сулажъ-гору, съ вершины которой увидѣли въ одну сторону пройденную нами дорогу, уходившую вдаль сквозь лѣсныя заросли, а въ другой виднѣлся городъ. Два оборванныхъ пастуха, громко бесѣдуя, гнали по песчаной дорогѣ, стадо лѣниво плевшихся быковъ.

Черезъ полтора часа мы были въ городѣ. Это было воскресенье, и изъ калитокъ деревянныхъ домовъ то и дѣло появлялись аборигены города, одѣтые въ полный парадъ.

Какъ въ деревняхъ щеголи въ праздникъ выходятъ въ калошахъ, съ зонтикомъ, при двухъ часахъ, а иной прихватитъ еще бинокль въ футлярѣ, такъ и эти люди надѣли на себя столько добротнаго, новаго, сколько можно было на себѣ снести.

Костюмы были именно то, что называется провинціальные: на мужчинахъ какое нибудь эдакое гороховое пальто, надъ которымъ мѣстный портной «изъ Лондона и Парижа» долго кряхтѣлъ, пока не надѣлалъ складокъ и морщинъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не надо; надъ пальто, совершенно независимо отъ него висѣлъ котелокъ... хорошій котелокъ, а рядомъ съ пальто, въ воздухѣ, выдѣлывала затѣйливыя фигуры тросточка съ вычурной ручкой... хорошей ручкой. Словомъ все было очень хорошее — и дамская шляпа съ такимъ количествомъ цвѣтовъ и перьевъ, которое достаточно, чтобы напомнить о существованіи Новой Гвинеи, гдѣ эти самыя викторіи регіи и райскія птицы, и какаду... и сѣрыя кофточки съ разными нашивками и вшивками, и розовые зонтики,

словомъ, все было именно такое, что позволяло носителямъ этихъ вещей кидать презрительные взгляды впередъ себя, въ пространство, что, впрочемъ, не мѣшало имъ необыкновенно любезно осклабляться, совершенно «свѣтски» снимать новые котелки и кивать гвинейскими шляпами, какъ только они сталкивались на углу съ такими же «модными» фигурами. За исключенiемъ сего, на улицахъ было пусто; впрочемъ, проѣхалъ въ черной коляскѣ, на парѣ вороныхъ коней, черный архiерей, должно быть въ соборъ, и вслѣдъ ему туда же, какъ ѳимiамъ, понеслись клубы уличной пыли.

Вотъ и пристань. Пароходъ долженъ былъ отойти черезъ нѣсколько часовъ, которые мы провели, валяясь на лавкахъ и любуясь на молодыхъ людей въ форменныхъ фуражкахъ, съ тросточками, приходившихъ сюда, должно быть потому, что они вездѣ уже побывали, а больше идти было некуда. Хмурое небо, хмурый воздухъ и хмурые скучающiе люди. Повидимому, пароходъ захватилъ съ собой часть этой хмурой петрозаводской атмосферы, потому-что ѣхать назадъ было скучно. А, можетъ быть, мы устали...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Физико - географическiй очеркъ Олонецкаго края.

Рельефъ, геологическое строенiе, ископаемыя. Климатъ.

Олонецкая губернiя—одна изъ сѣверныхъ губернiй европейской Россiи; она охватываетъ со всѣхъ сторонъ Онежское озеро и лежитъ между губернiями Архангельской, Вологодской, Новгородской, Петербургской и на западѣ примыкаетъ къ Финляндiи. По величинѣ это четвертая губернiя въ Европейской Россiи (послѣ Архангельской, Вологодской и Пермской), въ ней 130.719 кв. в., но при томъ такъ много озеръ, рѣкъ и рѣчекъ, что ими занято болѣе седьмой части этого пространства (14%). Кому удалось побывать въ разныхъ частяхъ ея, тотъ хорошо знаетъ, какъ сильно отличается сѣверо-западная часть ея отъ юго-восточной.

Сѣверо-западная часть—это прямое продолженіе Финляндіи: скалистые кряжи, пересѣкающіе этотъ уголъ страны, извѣстны подъ именемъ Олонецкихъ горъ, но это не горы, потомучто высшая извѣстная точка ихъ подымается надъ уровнемъ моря всего на 134 саж. (между озерами Лендера и Солецкимъ). Къ числу этихъ кряжей принадлежитъ Масельга, проходящій по Повѣнецкому уѣзду и представляющій водораздѣлъ между бассейнами Балтійскаго и Бѣлаго моря. Паралельно этому кряжу идутъ другіе, а также такъ называемыя сельги, съ общимъ направленіемъ съ с. с. з. на ю. ю. в. Вдаваясь въ Онежское озеро, концы этихъ кряжей образуютъ многочисленные полуострова, самый большой изъ которыхъ Заонежье,—усѣянный длинными озерами, залегающими въ томъ же направленіи, какъ и кряжи. Такимъ образомъ вся эта часть Олонецкой губерніи своимъ рельефомъ очень напоминаетъ только что вспаханную почву, гдѣ наваль представляютъ собою кряжи и сельги, а нарѣзъ—тѣ озера, долины рѣкъ и болота, которыя залегаютъ въ продольныхъ впадинахъ между ними. Горнокаменныя обнаженія выступаютъ всюду изъ-подъ наносной почвы, это «щелья», какъ ихъ зовутъ олончане. Однако кряжи и сельги отнюдь не горныя складки; кряжи выточены, а сельги навалены обширнымъ ледникомъ, который медленно двигался со Скандинавскаго массива (съ с.-з.), измѣнивъ свое направленіе въ Олонецкой губерніи на болѣе южное. Онъ произвелъ эти рытвины, плоскія корытообразныя впадины, мысы, острова и впадины, придавъ мѣстности грядовой или кряжевой характеръ. Но древнія породы, которыя онъ обнажилъ, испытали въ давно прошедшія времена свои особыя движенія, вызванныя тѣми мощными силами, которыя изгибаютъ и коробятъ земную кору (геотентопическіе процессы), а также силами, дѣйствующими въ самихъ породахъ, оказывающихъ сопротивленіе этимъ нарушеніямъ (кластическіе процессы). Эти древнія складки, замѣтныя въ пластахъ кристаллическихъ сланцевъ, расположены какъ разъ поперекъ направленія нынѣшнихъ кряжей, и вотъ почему текучія воды, двигающіяся по выточеннымъ ледникомъ ложбинамъ, образуютъ ущелья, водопады и пороги всюду, гдѣ они натыкаются на эти древнія складки. Горныя породы, слагающія основу страны, это граниты, сіениты, гнейсы, гранититы [1]), порфиры, фельзиты, а вдоль за-

---

[1]) Г р а н и т и т ъ есть разность гранита и состоитъ изъ полевого шпата (ортоклаза и олигоклаза), небольшого количества кварца и зеленовато-

паднаго берега Онежскаго озера діабазы и діориты. Мѣстами поверхъ ихъ лежатъ филлиты, слюдистые, хлоритовые и обыкновенные сланцы и доломиты. Гнейсъ принадлежитъ къ самымъ древнимъ отложеніямъ, (Лаврентьевская система) распадается на два отдѣла: нижній—красный ортоклазовый гнейсъ, верхній—сѣрый плагіоклазовый. Налегающіе на немъ сланцы и доломиты принадлежатъ къ слѣдующей — гуронской системѣ. Около Шунги они пропитаны шунгитомъ и прорѣзаны діоритами, изъ чего видно, что діоритъ представляетъ древнюю лаву, излившуюся по трещинамъ наверхъ и остывшую въ видѣ покрововъ на сланцахъ. Съ поверхности эти породы сглажены и обточены ледникомъ, а внутри они испытали еще въ древнія времена сильныя измѣненія подъ вліяніемъ вывѣтриванія и химическихъ процессовъ,

---

черной слюды (біотита). Къ нему относятъ извѣстный финляндскій гранитъ раппакиви, т. е. „гнилой камень“, названіе, данное ему за то, что онъ легко вывѣтривается и разсыпается въ щебень. Порфиръ можетъ быть различнаго состава (гранитовый, сіенитовый, діоритовый) и получаетъ свое названіе, въ зависимости отъ состава, главнымъ образомъ, за строеніе. Всякій порфиръ представляетъ тонко-зернистую массу (при разсматриваніи подъ микроскопомъ она оказывается состоящей либо изъ мелкихъ кристалликовъ разныхъ породъ, либо между ними наблюдается стекловатая масса, напр. въ фельзитовомъ порфирѣ), въ которой плотно сидятъ большіе кристаллическіе куски полевого шпата, кварца, слюды (въ гранитовомъ порфирѣ) или другихъ породъ. Фельзитъ есть массивная сложная порода, имѣющая именно только что описанное тонкозернистое сложеніе (микрофельзитовая структура).

Это различіе въ строеніи даетъ нѣкоторыя указанія на то, какъ образовалась данная горная порода. Наблюденія надъ остывающей лавой современныхъ вулкановъ обнаруживаютъ, что стекловатой массы бываетъ больше въ тѣхъ случаяхъ, когда излившійся изъ вулкана лавовый потокъ застываетъ быстро (напр. когда онъ тонокъ), если же лава стынетъ и твердѣетъ медленно, то разныя расплавленные, растворенные въ ней минералы имѣютъ время стягиваться въ кристаллы, и послѣдніе тѣмъ больше, чѣмъ медленнѣе шло остываніе. Филлитъ или глинистый слюдяный сланецъ представляетъ ясно сланцеватую породу (съ скрытно-кристаллическимъ сложеніемъ) темно-сѣраго, зеленоватаго или черно-голубоватаго цвѣта съ полуметаллическимъ блескомъ въ расколѣ; онъ состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ слюды, хлорита, кварца и полевого шпата съ иголочками рутила. Шунгитъ представляетъ разность каменнаго угля и извѣстенъ только для Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи; онъ чернаго цвѣта съ сильнымъ алмазно металлическимъ блескомъ и сгораетъ вполнѣ только въ струѣ кислорода. Онъ залегаетъ тонкимъ слоемъ въ породахъ сланцевъ (1 вершокъ), но за то пропитываетъ мощныя толщи этихъ сланцевъ.

вызываемыхъ сочившеюся сквозь нихъ водою, которая растворяла различныя части ихъ состава и переносила ихъ, отлагая тамъ и сямъ разнообразные минералы. Оттого эта часть Олонецкой губерніи отличается такимъ обиліемъ рудныхъ мѣсторожденій, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Что касается отложеній, оставленныхъ ледникомъ, то они залегаютъ на поверхности всей губерніи, гдѣ только не смыты водой, и выражены такъ называемымъ ледниковымъ наносомъ, главнымъ представителемъ котораго въ предѣлахъ Олонецкой губерніи является ледниковый щебень. Этотъ щебень представляетъ собою навалъ поддонной морены ледника и состоитъ изъ несортированной груды угловатыхъ и округленныхъ обломковъ самой разнообразной величины, — начиная съ громадныхъ валуновъ, размѣрами съ настоящую скалу, которые то безпорядочно разсѣяны въ остальной массѣ, то собраны въ подземныя гряды, какъ бы каменные потоки, и кончая мельчайшей ледниковой пылью, заполняющей пространства между частицами глины и другихъ болѣе крупныхъ голышей. Ледниковый щебень довольно легко раздѣлить на двѣ разновидности: валунная глина (въ ней меньше ледниковой пыли) и собственно щебень, который залегаетъ на ней. Обѣ эти разновидности отложились на мѣстѣ въ эпоху таянія ледника и испытали на себѣ сравнительно слабое дѣйствіе текучихъ водъ. Ледниковый щебень оттого именно не сортированъ, вѣдь вода въ видѣ струй потоковъ и рѣкъ различной силы и мощности есть именно та сила, которая промываетъ и размываетъ пласты, отмучивая частицы разной величины зерна и отлагая—дальше мелкій наносъ, ближе все болѣе и болѣе крупный. Валуны изъ мѣстныхъ и скандинавскихъ породъ, иногда до 3 саженъ въ высоту, залегающіе въ щебнѣ, покрыты часто царапинами и штрихами и нерѣдко совершенно сошлифованы съ одной или нѣсколькихъ сторонъ (какъ бы гранены), а это доказываетъ, что они долго двигались впаянными въ толщу дна и терли нижнимъ бокомъ подстилающія породы (при этомъ они иногда переворачивались при встрѣчѣ съ препятствіемъ и подставляли истиранію другой бокъ — отсюда грани), сами истираясь объ нихъ. Глина и пыль, заполняющія пространства между ними, это и есть тѣ частицы, которыя массами сходили съ трущихся поверхностей. Кромѣ ледниковаго наноса, дальнѣйшими свидѣтелями и созданіями ледниковой эпохи являются шрамы, бараньи лбы, волнистыя скалы (курчавыя тожъ) и озы или сельги. Сельги представляютъ узкіе, удлиненные холмы или кряжи, тянущіеся иногда змѣеобразно на

Скатъ Сельги, усѣянный валунами.

десятки и даже сотни верстъ, выдерживая при этомъ одно и то же направленіе (конечно съ перерывами), и напоминая этимъ желѣзнодорожныя насыпи. Мѣстами они подымаются высоко надъ сосѣдней мѣстностью и представляючъ на гребнѣ такую узкую полоску, что по ней съ трудомъ движется человѣкъ; мѣстами они понижаются или разсыпаются на отдѣльные холмы. Они состоятъ большею частью изъ ледниковаго щебня, но иногда бываютъ покрыты сверху слоистыми отложеніями или же заключаютъ внутри въ видѣ оси твердую горную породу. Сельгой или озомъ можно назвать и тѣ скалистые кряжи, которые представляютъ обнаженную ледникомъ полосу коренной горной породы. На своихъ крутыхъ или покатыхъ бокахъ сельги имѣютъ мѣстами ямы въ видѣ воронокъ, а по обѣ стороны ихъ залегаютъ низины, занятыя часто озерами или представляющія поросшія лѣсомъ болота на разныхъ стадіяхъ своего развитія. Я самъ прошелъ по такой сельгѣ отъ Кончезерскаго завода къ деревнѣ Хомсельга на протяженіи трехъ верстъ, но не могу сказать, какъ далеко тянется она дальше. Странный видъ этой насыпи, вызывалъ на усиленныя размышленія: какъ возникла она? Но на этотъ вопросъ не въ состояніи отвѣтить и профессіональные геологи. Большинство считаетъ ихъ наваломъ ледниковыхъ рѣкъ, текшихъ или внутри ледника къ его краю или вдоль края таявшаго ледника, тѣмъ болѣе, что сельги располагаются въ двухъ направленіяхъ; большая часть ихъ расположена вдоль линіи движенія ледника, немногія — вкрестъ ему. Мнѣ они представляются тѣми мѣстами поддонной морены, гдѣ она могла сложиться въ такія гряды вдоль линіи наименьшаго давленія или сжатія съ боковъ (такъ какъ ледникъ, надо думать, не обладалъ же равномѣрной толщей повсюду). По стаяніи ледника они уцѣлѣли, причемъ бока ихъ убавились, давъ стекавшимъ съ нихъ атмосфернымъ водамъ наклонъ и матеріалъ для заполненія расположенныхъ между ними корытообразныхъ впадинъ, гдѣ залегли озера, болота и нерѣдко текутъ рѣчки.

Эта же сѣверо-западная часть Олонецкаго края по преимуществу богата рудными мѣсторожденіями и залежами полезныхъ ископаемыхъ. Руды весьма разнообразны. Мы уже говорили, что озерная желѣзная руда встрѣчается всюду, но кромѣ нея извѣстны еще мѣсторожденія магнитнаго желѣзняка, жилы и штоки его, напр. у Кайкары. Залежи бураго желѣзняка съ содержаніемъ желѣза въ 32% встрѣчаются въ Вытегорскомъ уѣздѣ близъ Андомы, желѣзный блескъ попадается въ кварцевыхъ жилахъ въ окрест-

ностяхъ Пергубы. Это богатство желѣзныхъ рудъ вызвало еще въ давнія времена мѣстное производство среди карелъ, которые заимствовали искусство обработки желѣза, вѣроятно, у сосѣднихъ западныхъ финновъ. Впослѣдствіи оно развилось настолько, что мѣстные карелы стали поставлять винтовки и снаряды для поморовъ и, вообще, для жителей Архангельской губерніи. Во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ еще сохранились ямы и насыпи прежнихъ рудныхъ разработокъ; такъ, въ Ребольской волости, близь селенія Муезеро, виднѣются развалины небольшого завода, принадлежавшаго крестьянину Тергуеву, основаннаго имъ около 1780 г. Въ южномъ концѣ Семчезера еще въ 1850 г. находился плавильный и желѣзоковательный заводецъ крестьянина Титова изъ деревни Мянсельги. Изъ руды, которая добывалась по сосѣдству, ковали топоры, косы, горбуши, ножи. Въ настоящее время въ губерніи существуетъ 4 завода: казенные — Александровскій снарядо-литейный въ Петрозаводскѣ и два чугуноплавильныхъ (Кончезерскій и Вылазминскихъ), снабжающихъ его чугуномъ, да одинъ частный въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Мѣдныя руды извѣстны 3-хъ типовъ: мѣдный колчеданъ и мѣдная зелень (въ мѣсторожденіяхъ Муезерскомъ, Пергубскомъ, на Пертозерѣ и еще кое гдѣ), вкрапленія мѣдной руды въ мѣстахъ соприкосновенія діоритовъ и діабазовъ со сланцами и доломитами (напр. въ Фоймагубѣ, Пергубѣ, Пялмѣ), и самородная мѣдь, выполняющая трещины въ діоритахъ (въ Фоймагубѣ), причемъ попадались куски мѣди вѣсомъ въ пудъ.

Мѣстное преданіе говоритъ, что еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ наѣзжалъ въ Шуйскій погостъ царскій посланецъ «отъисканія ради мѣстъ рудныхъ», руду нашли, но вышелъ ли толкъ изъ этого дѣла—неизвѣстно. Эти мѣдныя руды обратили на себя вниманіе Петра I, нуждавшагося въ мѣди послѣ потери всей артиллеріи подъ Нарвой, и онъ еще въ 1702 г. послалъ партію иноземцевъ подъ руководствомъ Блюера «безъ проволочки отыскать» требуемую руду, а уже черезъ годъ три заложенныхъ завода начали отправлять плавленую и самородную мѣдь въ Москву; дѣятельность ихъ продолжалась до 1708 г., хотя разсказываютъ, что царскій дозорщикъ Патрушевъ съ прочими «рудознатцами» находился въ этихъ мѣстахъ еще четыре года, когда всѣхъ отправили въ Сибирь «по добычу рудную». Мѣстные жители давно знали о существованіи этихъ мѣсторожденій и издавна разрабатывали ихъ, выдѣлывая изъ мѣди разнообразныя вещи

настолько прочно, что до сихъ поръ во многихъ крестьянскихъ домахъ Повѣнецкаго уѣзда можно встрѣтить много прекрасной посуды (тазы, котлы, тарелки, кадола) изъ красной мѣди. Особенно славились издѣліями изъ мѣди и серебра раскольничьи скиты Даниловъ и Лекса, снабжавшіе одно время мѣдными складнями и иконами съ тонкой ажурной отдѣлкой изъ серебра всѣхъ безпоповцевъ Россіи. Говорятъ, изъ здѣшнихъ мастерскихъ ежегодно выходило до 300 пудовъ разныхъ мѣдныхъ издѣлій. Погромъ скитовъ убилъ эту промышленнось и теперь даже неизвѣстно, изъ какихъ мѣсторожденій добывали даниловскіе мастера руду.

Изъ драгоцѣнныхъ металловъ встрѣчается серебро и золото. Жильное золото было открыто въ мѣстѣ выхода р. Выга изъ Выгозера, и мѣсторожденіе это вначалѣ разрабатывалось, но впослѣдствіи было заброшено. Развѣдки, произведенныя въ семидесятыхъ годахъ Грановскимъ вверхъ по Выгу и въ другихъ мѣстахъ, указали на присутствіе розсыпей этого металла, но содержаніе его оказалось слишкомъ ничтожнымъ (самое большее 50 долей въ 100 пудахъ песку). Серебро встрѣчается въ видѣ серебро-свинцовой руды, но главныя мѣсторожденія, изъ которыхъ оно добывалось, заброшены и забыты. Повидимому, эти мѣсторожденія не были бѣдны, потомучто серебро доставлялось въ значительномъ количествѣ въ Даниловскій скитъ, гдѣ изъ него выдѣлывались разныя издѣлія: кресты, складни, пуговицы къ сарафанамъ и кафтанамъ скитницъ и скитниковъ и даже чеканились рубли, по образцу екатерининскихъ, которые ходили подъименемъ Даниловскихъ по всему сѣверу и цѣнились даже выше казенныхъ, такъ какъ производились изъ чистѣйшаго серебра. «Впослѣдствіи, когда эта тайная выдѣлка серебряныхъ рублей и вещей (всѣ серебряныя вещи даниловской подѣлки носятъ до сихъ поръ въ народѣ названіе «темныхъ») сдѣлалась извѣстна высшему правительству, такъ какъ низшее отнюдь не брезгало даяніями, состоящими хотя бы изъ темнаго серебреца, приказано было всѣхъ жителей, какъ монастырей (Даниловскаго на р. Выгѣ и Лексинскаго на р. Лексѣ), такъ и сосѣднихъ деревень съ чадами и домочадцами выселить въ отдаленныя мѣста Сибири для «удобнѣйшаго имъ пути къ разработкѣ столь цѣннаго металла и въ мѣстахъ, гдѣ оный въ изобиліи находится». Эта милая офиціальная шуточка всеконечно была тотчасъ же исполнена, но съ этимъ выселеніемъ, однако, пропали безслѣдно

и свѣдѣнія о той мѣстности, гдѣ добывали серебро [1])». Дальше мы увидимъ, что это было одно изъ проявленій постояннаго и въ высшей степени вреднаго вмѣшательства власти въ хозяйственную и общественную жизнь русскаго народа на сѣверѣ, начавшееся съ момента появленія здѣсь московскихъ воеводъ и бояръ и продолжающееся въ разнообразныхъ видахъ по сіе время. Эта система и всѣ ея отвѣтвленія и послѣдствія, а не суровость климата и безплодіе почвы, обездолили сѣверъ и обрекли обитателей его на жалкое существованіе тамъ, гдѣ русскій человѣкъ доказалъ, что, предоставленный собственной инициативѣ, онъ можетъ жить не только зажиточно, но и развивать у себя элементы культуры. А пока рудныя мѣсторожденія, также какъ лѣсъ и почва, представляютъ изъ себя то сѣно, которое гніетъ безплодно, а если и приноситъ пользу, то лишь низшему оберегающему его начальству, которое кормится около него въ формѣ казенныхъ окладовъ жалованья и другихъ доходовъ. А вотъ и мѣстная легенда о золотѣ:

«Въ прежніе годы много было въ нашихъ мѣстахъ и золота и серебра, разсказываютъ въ Повѣнцѣ, да теперь-то уже не знаютъ, гдѣ они попрятаны. Шла разъ по губѣ, мимо наволока, лодка съ народомъ, а по берегу навстрѣчу ей старичекъ идетъ, на кіекъ то такъ и гнется отъ тяготы — очень ужъ старикъ тяжелъ, да грузенъ. «Возьмите меня въ лодку, люди добрые», проситъ старикъ, а ему въ отвѣтъ изъ лодки; «намъ и такъ трудно справляться, а тутъ тебя еще стараго взять съ собой». «Понудитесь малость, возьмите меня въ лодку, большую корысть наживете!» взмолился старикъ, а рыбаки его все не берутъ. Долго просилъ старикъ взять его въ лодку, да такъ и не допросился. «Ну хоть батожокъ мой возьмите, очень ужъ онъ тяжелъ, не по мнѣ». «Станемъ мы изъ за батога дрянного къ берегу приставать», отвѣчаютъ съ лодки. Бросилъ тутъ старикъ батожокъ свой— онъ и разсыпался весь на арапчики-голландчики, а самъ старикъ ушелъ въ щелье отъ грузности, и щелье за нимъ затворилось. Ахнули тутъ лодочники, да поздно за умъ схватились [2])».

Изъ другихъ полезныхъ ископаемыхъ въ Олонецкомъ краѣ извѣстны еще разнообразные мраморы, особенно много его въ Бѣлой горѣ и въ Тивдіи; въ большой Тивдійской горѣ залегаютъ

---

[1]) Майновъ, „Поѣздка въ Обонежье и Карелу“, стр. 169.
[2]) Майновъ, стр. 161.

7 сортовъ мрамора нерѣдко большими глыбами до 6 аршинъ въ длину. Мраморы эти разнообразныхъ красивыхъ цвѣтовъ и превосходятъ обыкновенный тѣмъ, что тверже его и дольше противустоятъ разрушенію, принимая при томъ прекрасную политуру. Прежде его ломали много для различныхъ украшеній Зимняго дворца и Исакіевскаго собора въ Петербургѣ.

Кромѣ мрамора, встрѣчается еще превосходный песчаникъ, именно у Шокши на з. берегу Онего. Это кварцитъ, т. е. кремнистый песчаникъ, окрашенный окисью желѣза въ различные красноватые цвѣта, нерѣдко розовый, онъ очень твердъ и отлично полируется—изъ него сдѣланы часть стѣнъ Исакіевскаго собора и памятникъ Николая I въ Петербургѣ. Близь г. Вытегры у Андомскаго погоста добывается огнеупорная глина, въ Шунгской волости встрѣчаются аметисты, въ другихъ мѣстахъ попадается лучистый камень, горный хрусталь, азбестъ, графитъ, марганцовый желѣзнякъ. Всѣ указанныя ископаемыя встрѣчаются главнымъ образомъ въ сѣверо-западной части губерніи; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изверженныя породы уходятъ подъ пласты осадочныхъ или соприкасаются съ ними, налегая на нихъ (какъ напр. діориты), сочившіяся по ихъ мельчайшимъ трещинамъ воды въ теченіе ряда тысячелѣтій растворяли въ себѣ разнообразныя составныя части тѣхъ и другихъ породъ и затѣмъ, смѣшиваясь, отлагали выносимые минералы въ трещинахъ, гдѣ, подъ вліяніемъ химическихъ и физическихъ силъ и геологическихъ процессовъ, они кристаллизовались и отлагались, образуя жилы, жеобы или даже пласты.

Южная и крайняя Западная части губерніи представляютъ уже иной характеръ. Гнейсы и кристаллическіе сланцы, врѣзавшись безчисленными полуостровами въ Онежское озеро, уходятъ на днѣ его подъ древнія осадочныя породы, скрываясь въ глубину. Граница ихъ распространенія на поверхности тянется извилистой линіей отъ сѣвернаго берега Ладожскаго озера (у Питкоранды и Чусикюля) къ с. концу Петрозаводской губы, пересѣкаетъ Онего и продолжается на томъ берегу, простираясь отъ Муромскаго монастыря—на сѣверо-востокъ, потомъ на сѣверъ (между рѣками Токшей и Водлой), поворачиваетъ на западъ и слѣдуетъ этому направленію почти до верхняго Выга, откуда идетъ почти на сѣверъ, оканчиваясь въ ю. концѣ Онежской губы у устья Куши. Все пространство къ югу и западу отъ нея занято отложеніями девонской и каменноугольной системъ, за исключеніемъ четырехъ небольшихъ участковъ: одинъ, между Ладогой и Онего, пред-

ставляетъ въ с. своей части отложенія ледниковой эпохи, а въ ю.—новѣйшія рѣчныя и озерно-болотныя отложенія, другой въ с.-в. концѣ губерніи между озеромъ Водло и р. Онегой—тѣ же ледниковыя отложенія, наконецъ третій, въ ю.-в. части, представляетъ с. конецъ обширной площади ледниковыхъ отложеній, Новгородской, Тверской, Ярославской и Вологодской губерній. Разумѣется, древніе пласты прикрыты сверху ледниковымъ наносомъ съ характерными валунами, который придаетъ пейзажу соотвѣтственный характеръ. Отложенія девонской системы простираются сперва широкой, а потомъ узкой полосой на с.-в. вдоль указанной выше границы гнейсоваго массива и представлены въ нижнемъ отдѣлѣ сильно измѣненными песчаниками и кварцитами (Шокшинскій кварцитъ), въ среднемъ—известняками съ многочисленными остатками девонскихъ молюсковъ и рыбъ, въ верхнемъ — яркоокрашенными песчаниками и песками, гдѣ рядомъ съ окаменѣвшими частями панцырей девонскихъ рыбъ встрѣчаются скопленія пропитанныхъ окисью желѣза и известковымъ шпатомъ древовидныхъ споровыхъ растеній того періода. Нижне-девонскія отложенія встрѣчаются еще въ с.-з. части губерніи, образуя здѣсь къ з. отъ Сегъ-озера довольно значительный участокъ на гнейсовомъ массивѣ. Всѣ эти отложенія заставляютъ думать, что въ девонскій періодъ ю.-з. часть Олонецкой губерніи была занята моремъ, омывавшимъ Скандинавскій массивъ съ ю. и з., моремъ, сперва мелкимъ, такъ какъ песокъ отлагается въ береговой полосѣ или зонѣ, затѣмъ болѣе глубокимъ (известнякъ) и снова обмелѣвшимъ. Отложенія девонской системы постепенно переходятъ въ каменноугольныя, которыя, подобно девонскимъ, тянутся вдоль нихъ на с.-в. почти до с. Двины Эти отложенія представляютъ с. часть Московскаго каменноугольнаго бассейна и выражены въ нижнемъ отдѣлѣ рухляковымъ сѣрымъ известнякомъ, а въ верхнемъ—бѣлымъ известнякомъ. Полоса сѣраго известняка, простираясь отъ Валдайскихъ высотъ до р. Онеги, представляетъ древній коралловый рифъ, образовавшійся въ то время, когда мелкое девонское море постепенно замѣнялось глубокимъ каменноугольнымъ, на днѣ котораго и отложился бѣлый мѣлоподобный известнякъ съ отпечатками глубоководной фауны. Дальнѣйшую геологическую исторію края невозможно пока прослѣдить даже въ общихъ чертахъ. Можно думать, что девонскіе и каменноугольные пласты простирались дальше на с. з., прикрывая архейскія и подстилая въ свою очередь позднѣйшія образованія, но о первомъ свидѣтельствуютъ лишь

небольшіе островки девонскихъ отложеній, раскиданные по Скандинавскому массиву (въ Финляндіи, на Кольскомъ полуостровѣ), а отъ отложеній позднѣе девонскихъ нѣтъ и слѣда. Представлялъ ли уже съ того времени Скандинавскій массивъ большой островъ, или онъ хотя бы частями прикрывался впослѣдствіи моремъ, объ этомъ трудно судить, потому-что проползшій по нему медленнымъ холоднымъ ураганомъ ледникъ стеръ всякіе слѣды доледниковаго прошлаго. Тотъ же ледникъ придалъ послѣднюю отдѣлку ю.-з. части Олонецкаго края, прикрывъ его толщей своихъ отложеній и усѣявъ валунами. Мягкіе подстилающіе ихъ девонскіе и каменноугольные пласты не могли, подобно гнейсамъ и діоритамъ, оказать стирающей силѣ ледника серьезнаго сопротивленія и оттого эта часть губерніи отличается гораздо болѣе пологимъ рельефомъ, заполненныя впадины котораго даютъ меньше простора образованію озеръ и шумныхъ порожистыхъ рѣкъ. Зато разбитые трещинами каменноугольные известняки являются причиной возникновенія своеобразныхъ, періодически исчезающихъ озеръ, раскиданныхъ по Лодейнопольскому и Вытегорскому уѣздамъ (Шимъ и Долгозеро—въ первомъ, Куштo, Унде, Каче, Каинское и Алмозеро—во второмъ).

Климатъ Олонецкой губерніи суровый и влажный, но въ силу общихъ причинъ, вліяющихъ въ благопріятномъ направленіи на климатъ Европы, онъ всетаки мягче, чѣмъ того можно было ожидать для этой широты. Олонецкая губернія лежитъ какъ разъ въ той узкой сѣверной части Европы, гдѣ переходъ отъ морского климата къ материковому особенно рѣзокъ. Такъ Дронтьемъ въ Норвегіи и на той же, примѣрно, широтѣ имѣетъ среднюю температуру января 0^0, а Повѣнецъ—12^0,4, между тѣмъ какъ далѣе на Уралѣ она опускается до—20^0 (Петербургъ—9^0,4, Москва—11^0). Въ іюлѣ контрасты не такъ значительны: Норвежское побережье (близь Дронтьема) 14^0, финское побережье Ботническаго залива 14^0, Повѣнецъ и Вытегра 17^0.1, а въ тѣхъ же широтахъ на Уралѣ 16^0 (Петербургъ 17^0,8, Москва 18^0,9). Обиліе озеръ и въ томъ числѣ двухъ такихъ бассейновъ, какъ Ладога и Онего, оказываетъ свое мѣстное вліяніе на климатъ, заключающееся въ томъ, что прѣсныя озера понижаютъ температуру весны и повышаютъ температуру осени въ своихъ окрестностяхъ. Особенно замѣтно подобное вліяніе озера на полуостровѣ Заонежьѣ, климатъ котораго замѣтно мягче и умѣреннѣе, чѣмъ въ Повѣнцѣ, и совершенно незнакомъ съ ночными морозами лѣтомъ, которые нерѣдки

въ низинахъ среди болотъ; но уже небольшое повышеніе почвы выноситъ ее въ слой атмосферы, куда не достигаетъ ночное излученіе съ поверхности земли, и на «щельяхъ» (скалахъ) и сельгахъ хлѣбъ не «зябнетъ». Расположенная на пути западныхъ вѣтровъ съ Атлантическаго океана, отъ котораго отдѣлена узкимъ Скандинавскимъ полуостровомъ и водами Балтійскаго моря и своихъ озеръ (испареніе съ которыхъ подпираетъ вліяніе океана), Олонецкая губернія отличается большимъ количествомъ атмосферныхъ осадковъ. Въ среднемъ для окрестностей Онежскаго озера оно 600—700 мм., но убываетъ отсюда во всѣ стороны и на сѣверъ скорѣе чѣмъ на югъ (въ с. ч. губерніи 400—300, въ ю. — 600—500 мм.). Наибольшее количество приходится на осень (іюль, августъ), когда дожди часты и продолжительны, между тѣмъ какъ конецъ весны и начало лѣта самое сухое время года.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Флора, фауна и связанныя съ ними промыслы: осушеніе болотъ, подсѣки, лѣсной промыселъ, охота, ловъ рыбы.

Низкія температуры и обиліе осадковъ съ одной стороны, водоупорная подпочва кристаллическихъ породъ и, въ общемъ, ровный, но капризно-мѣняющійся рельефъ—съ другой являются причиной возникновенія наряду съ озерами громаднаго количества болотъ, большею частью торфяниковыхъ. Болота эти встрѣчаются вездѣ и нерѣдко обширныхъ размѣровъ; такъ болото Тайбухмохъ въ Повѣнецкомъ у. имѣетъ въ окружности около 150 в. и такихъ болотъ извѣстно нѣсколько (въ Петрозаводскомъ и Вытегорскомъ у.). Образованію ихъ способствуетъ застаиваніе воды или чуть замѣтное движеніе ея. Обыкновенный процессъ возникновенія болота таковъ: бассейнъ стоячей воды начинаетъ затягиваться вдоль береговъ водорослями, распространяющимися постепенно до середины. На пленкѣ водорослей поселяется затѣмъ мохъ, слоевища котораго, отмирая нижними частями и наростая верхними, понемногу заглушаютъ водоросли и заполняютъ бассейнъ массой медленно разлагающихся органическихъ веществъ.

Моховой слой, въ свою очередь, образуетъ почву для высшихъ растеній, и на болотѣ появляются хвощи, осока, камышъ, пушица и др. Эти растенія уже настолько увеличиваютъ ея растительный слой и уплотняютъ почву, что на болотѣ появляются кустарники, а за ними и деревья. Но корни деревьевъ, пронзивъ дающую имъ опору почву, окунаются растущими концами въ воду и начинаютъ гнить, вслѣдствіе чего такія деревья вскорѣ засыхаютъ, легко валятся вѣтромъ и, погружаясь въ болото, увеличиваютъ разлагающуюся въ немъ растительную массу. Иногда однако деревья грузнутъ въ болото отъ собственной тяжести. Болота Олонецкой губерніи представляютъ всѣ стадіи такого образованія, и нерѣдко масса заполняющаго ихъ торфа достигаетъ мощности въ 12 саженъ. Низкая температура почвы и почвенныхъ водъ является причиной, почему разложеніе органическаго вещества торфа не идетъ до конца, останавливаясь въ конечномъ своемъ моментѣ на появленіи разныхъ органическихъ кислотъ (ульминовая, гуминовая и др.); эти то кислоты, повидимому, и суть причина, почему торфъ такъ хорошо предохраняетъ отъ разложенія различныя попавшія въ него тѣла, какъ напр. трупы животныхъ.

Нѣкоторыя изъ болотъ доступны осушкѣ, послѣ которой превращаются въ баснословно плодородные для этой мѣстности участки. Но осушеніе даже небольшого болотца есть подвигъ, который большею частью не по силамъ одному человѣку и даже отдѣльной семьѣ или малолюдному поселку, а потому нерѣдко случается, что многія селенія соединяются въ одну рабочую общину для совмѣстной осушки и пользованія болотомъ. Такъ для осушенія болота въ Туксинской дачѣ соединилось въ свое время 33 селенія съ населеніемъ въ 837 душъ. Они два года рыли канавы, потомъ два года выжигали болота и, наконецъ, засѣяли горѣлое мѣсто хлѣбомъ. Посѣвы на такихъ осущенныхъ участкахъ даютъ въ первые годы колоссальные урожаи—самъ 25, тогда какъ обычный урожай здѣсь самъ 3, рѣдко самъ 4! Въ глухихъ деревняхъ Олонецкой губерніи, среди обнищалаго населенія, нерѣдко можно встрѣтить зажиточнаго крестьянина, у котораго домъ — полная чаша. И однако, это не кулакъ, не торговецъ, онъ—разбогатѣлъ съ болота. Сначала онъ былъ такъ же бѣденъ, какъ сосѣди, потомъ, съ громаднымъ трудомъ и лишеніями, осушилъ болотце, засѣялъ его и три — четыре года сряду снималъ великолѣпный урожай, благодаря которому успѣлъ обзавестись скотомъ; послѣ этого онъ запустилъ болотце подъ сѣнокосъ, ко-

торый позволялъ ему кормить скотъ, а скотъ давалъ столько удобренія, что крестьянинъ не только возстановилъ имъ плодородіе стараго пахатнаго участка, но и завелъ новую пашню. Казалось бы вотъ одно изъ средствъ, которымъ можно было-бы поднять благосостояніе мѣстнаго обиженнаго природой крестьянства, и однако ни земство, ни правительство не ударило пальцемъ о палецъ, чтобы оказать помощь крестьянамъ въ дѣлѣ осушки болотъ. Правда, земство произвело въ 1879 г. изслѣдованіе 17 болотъ, но цѣль этихъ работъ заключалась не въ содѣйствіи населенію, которое само въ разное время принималось за осушительныя работы, причемъ неумѣло-проведенныя канавы заплывали и осушенная площадь заболачивалась вторично, а удешевленіе ремонта земскихъ дорогъ! Однако, не всѣ болота доступны осушкѣ; среди нихъ есть такъ называемыя о р г и, узкія, извилистыя полосы, поросшія лѣсомъ, съ крутыми склонами и каменистымъ дномъ, осушеніе которыхъ требуетъ непомѣрныхъ денежныхъ затратъ.

Еще большія пространства, чѣмъ болота, занимаютъ лѣса, площадь которыхъ обнимаетъ собою въ общемъ половину земель губерніи (изъ 11.424.501 дес. на лѣсъ приходится 6.251.972 дес.). Лѣсная растительность до такой степени сильна, что лѣпится вездѣ, гдѣ отыщетъ себѣ хоть вершокъ подходящей почвы; чуть только въ ямки и щели утесовъ попадетъ мелкій щебень, едва успѣетъ онъ пропитаться пылью, покрыться пометомъ птицъ и животныхъ, перегноемъ травы и моха, какъ уже на скалѣ появляется тощая сосна и растетъ, запуская корни въ щели, обнимая ими глыбы камня. Лѣсъ состоитъ преимущественно изъ сосны и ели, къ которымъ въ в. части губерніи, въ бассейнѣ р. Онеги, примѣшивается лиственница; изъ лиственныхъ породъ встрѣчаются береза, осина, ива и черная ольха, между которыми попадается черемуха, рябина и изрѣдка липа, кленъ, вязъ, яблоня; эти впрочемъ только въ ю. половинѣ губерніи и въ заонежьѣ.

Хвойный лѣсъ убиваетъ вокругъ себя остальную растительность и обращаетъ почву въ дикое состояніе; съ хвойныхъ деревьевъ осыпаются на землю иглы, которые заглушаютъ траву, почему здѣшніе лѣса поросли по низу однимъ верескомъ и мохомъ. Кромѣ того лѣсъ затѣняетъ землю отъ солнечнаго свѣта, поддерживаетъ въ почвѣ постоянную влажность и холодъ и питаетъ громадныя болота, отъ которыхъ по ночамъ поднимаются холодные туманы, часто истребляющіе ближайшіе хлѣбные посѣвы.

*

Кромѣ вереска, встрѣчаются другія ягоды: брусника, черника, земляника, голубика, куманика (мамура) и костяника, а на болотахъ клюква и морошка; очень обыкновенны также малина, смородина и калина, можжевельникъ и грибы разныхъ сортовъ, изъ которыхъ рыжики составляютъ немаловажную статью дохода въ Каргопольскомъ и Вытегорскомъ уѣздахъ. Въ садахъ южной части губерніи при уходѣ ростутъ желтая акація, сирень, дубъ, тополь, крыжовникъ и яблоня. Лѣсъ Олонецкой губерніи представляетъ настоящую тайгу; на песчаныхъ мѣстахъ повыше—это высокія, могучія сосны, стоящія довольно рѣдко и почти безъ подлѣска, въ другихъ мѣстахъ громадныя разныхъ породъ деревья раскинули свои кроны высоко въ небо, а внизу, на волнистой почвѣ, подъ неровностями которой глазъ угадываетъ обросшіе мохомъ валуны, пни и полусгнившіе стволы павшихъ деревьевъ, густой щеткой стоитъ молоднякъ, темнѣютъ громадные можжевельники и тутъ же сплошь и мягко облѣпленные мхами дико растопыренные корни вывороченныхъ вѣтромъ или подточенныхъ гнилью лѣсныхъ гигантовъ разверзаютъ подъ собой черныя пасти пещеръ—пріютъ медвѣдей или волка. Все густо одѣто мохомъ, который фантастически свѣшивается съ вѣтвей, охватыетъ пушистымъ покровомъ торчащіе во всѣ стороны сучья валежника и придаетъ всему пейзажу дикій и зловѣщій видъ, особенно когда продираешься сквозь эту чащу въ полумракѣ бѣлой ночи. Ни одинъ звукъ не нарушаетъ мрачнаго безмолвія; только иногда въ сторонѣ слышно журчаніе—это широкая рѣчка пѣнится по валунамъ, или вѣтеръ погладитъ верхушки, и они рокочутъ и шепчутся, тихо и важно шевеля вѣтвями. Мѣстами лѣсъ прерывается болотомъ или глухимъ озеромъ, или открывается прогалина, усѣянная рядами обрубленныхъ и почернѣлыхъ отъ огня стволовъ, среди которыхъ тамъ и сямъ остались увядать и сохнуть отдѣльныя деревья. Это подсѣка или палъ какого нибудь крестьянина, расчищающаго мѣсто подъ ниву. Но безмолвіе лѣса не значитъ, что онъ необитаемъ, наоборотъ — олонецкіе лѣса довольно густо населены всякимъ звѣремъ и дичью. Самые обычные обитатели его волкъ, бѣлка, бурый медвѣдь да лисица, кромѣ которыхъ изъ крупныхъ звѣрей встрѣчаются барсукъ, россомаха, рысь, выдра, лось и дальше на сѣверѣ сѣверный олень, а изъ мелкихъ — заяцъ, куница, горностай, ласка и норка. Еще недавно водился бобръ, но теперь онъ вовсе истребленъ. На озерахъ вездѣ видны разныхъ породъ утки и гагары, звонкій крикъ которыхъ далеко разносится по пустынной

глади водъ, кромѣ того дикій гусь, лебедь и чайки, а въ обширныхъ лѣсахъ въ изобиліи встрѣчаются глухарь, черный тетеревъ, рябчикъ, бѣлая и сѣрая куропатка, на болотахъ кулики и другія болотныя птицы, въ томъ числѣ журавль; изъ крупныхъ хищныхъ птицъ попадаются орелъ, соколъ и ястребъ, также филинъ и сова.

Такое распространеніе лѣса, налагая свой отпечатокъ на всю природу страны, естественно не осталось безъ вліянія на бытъ населенія и его промыслы. Дѣйствительно, послѣ земледѣлія, лѣсъ доставляетъ наибольшій заработокъ мѣстному жителю. Онъ окружаетъ олончанина со всѣхъ сторонъ, подступая къ самой оградѣ его жилища и простираясь на многія версты между рѣдкими селеніями крестьянъ. Не даромъ говорятъ про нихъ: «въ лѣсу живутъ, пнямъ Богу молятся». И какъ не молиться пнямъ, когда недостатокъ пашень и сѣнокосовъ выгоняетъ мужика въ дремучій лѣсъ и вынуждаетъ его вступать въ борьбу съ нимъ, изъ которой человѣкъ выходитъ побѣдителемъ лишь съ напряженіемъ всѣхъ силъ, и то если ему не мѣшаютъ другіе люди, которыхъ одинъ изъ изслѣдователей края охарактеризовалъ названіемъ «охранители казеннаго интереса». Врѣзаясь въ лѣсную чащу, человѣкъ еще въ давнія времена былъ принужденъ валить лѣсъ и превращать удобные участки его подъ пашню. Если былъ въ силахъ, онъ выкорчевывалъ пни, жегъ всю груду поваленнаго дерева и на удобренной пепломъ землѣ сѣялъ хлѣбъ, запускалъ ее подъ сѣнокосъ. Эта первобытная система хозяйства называется «подсѣчной» или «огневой», а расчищенные участки—«подсѣками» и «палами». При недостаткѣ скота, сѣнокосовъ и пахоты, подсѣчное хозяйство даетъ земледѣльцу большія выгоды. Оно не только увеличиваетъ количество пищи, но и позволяетъ держать больше скота, получать больше навоза, который повышаетъ плодородіе главной пашни. Но въ то же время разработка подсѣкъ настолько тяжелый, чисто каторжный трудъ, что невозможна какъ постоянное хозяйство, и оттого-то олонецкій крестьянинъ, какъ только справится въ нуждой и немного станетъ на ноги, сейчасъ-же норовитъ осушить болотце или разработать удобный клочекъ лѣса подъ постоянную и правильную пашню или сѣнокосъ и забрасываетъ свои подсѣки. Такимъ образомъ подсѣчное хозяйство представляетъ неизбѣжный переходъ отъ первобытной подвижной и хищнической культуры къ правильному постоянному хозяйству. Такъ это было въ развитіи хозяйства всюду въ лѣсныхъ странахъ, и то же самое повторяется въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, стремящемся къ устойчи-

вому равновѣсію въ дѣлѣ затраты силъ и полученія продуктовъ. Когда на сѣверѣ казенный интересъ не охранялся еще такъ ретиво, какъ впослѣдствіи, и русскій человѣкъ, работникъ и колонизаторъ, вносившій свѣтъ земледѣльческой культуры въ дремучія дебри, не былъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ распоряженіями, которыя не только били его по мошнѣ, по животу, но даже вторгались въ его семейный обиходъ и въ самую душу, разработка подсѣкъ давала широкую точку опоры развитію осѣдлости, хозяйства и богатства. Но впослѣдствіи все спуталось: гніющій на корню лѣсъ оказался «казеннымъ», его надо было охранять или извлекать изъ него выгоды, продавая лучшіе участки хищнику лѣсопромышленнику и отгоняя подальше мужиковъ, подсѣки которыхъ разводятъ одни пожары. Между тѣмъ не могутъ понять, что губительныя для лѣсовъ подсѣки приносятъ въ этомъ лѣсномъ краѣ гораздо меньшій убытокъ самой же казнѣ, чѣмъ постоянные недоборы податей съ населенія губерніи, которая никогда своимъ хлѣбомъ обойтись не можетъ; чѣмъ періодическія затраты на помощь крестьянамъ, голодающимъ отъ частыхъ неурожаевъ, чѣмъ наконецъ громадные убытки, которые несутъ сами крестьяне, живущіе малоземельно, въ краю, гдѣ земли и лѣсу, хоть отбавляй и гдѣ даже нѣтъ помѣщиковъ, интересы которыхъ требовалось бы охранять отъ притязаній мужицкаго сословія. Казалось бы, что истинный государственный интересъ требовалъ быстраго заселенія страны и подъема благосостоянія населенія хотя бы путемъ временнаго хищническаго хозяйства (какъ это всегда происходило во всѣхъ вновь колонизируемыхъ странахъ, что не мѣшало имъ перейти въ свое время къ правильному эксплуатированію народныхъ богатствъ; на дѣлѣ же мы видимъ какъ разъ противное: всюду регламентація, и регламентація не доморощенная, учиняютъ ее не мѣстные дѣятели, знающіе по крайней мѣрѣ жизнь края, а пріѣзжіе люди съ кокардой, заброшенные сюда судьбой и чающіе дня и часа, когда имъ можно будетъ выбраться назадъ. Регламентація эта захватываетъ подъ собой почву, пока не натыкается на такіе насущные интересы обывателей, гдѣ ей уже невозможно подчиняться просто ради сохраненія «живота». Тогда начинается глухая борьба, въ которой регламентація сохраняетъ не болѣе какъ свою «форму», а обыватель терпитъ уронъ въ самомъ существенномъ; въ результатѣ—жалкое влаченіе существованія при наличности фразы: «все обстоитъ благополучно». Однимъ изъ эпизодовъ такого убійственнаго натиска регламента-

ціи, притомъ въ мѣстности, гдѣ нечего даже и подминать подъ себя, если не считать безвредной вѣры въ силу двуперстія и восьмиконечнаго креста, была борьба казны съ олонецкими и вообще съ сѣверными мужиками за подсѣки. Но гдѣ предъявляется требованіе—принять регламентацію и голодать съ перспективой испустить духъ отъ истощенія, тамъ даже тихій олонецкій карелъ теряетъ способность подчиняться, и регламентація должна была спасовать. Эта борьба, не закончившаяся и до сего дня, хорошо описана въ книгѣ г. Приклонскаго, и не зачѣмъ ее повторять здѣсь. Послушаемъ какъ описываетъ онъ работу на подсѣкѣ:

«Едва весенне солнце сгонитъ снѣгъ, какъ олончанинъ,—приземистый крѣпышъ — отправляется въ лѣсъ. На деревьяхъ еще только распускается листъ, и холодъ такъ силенъ, что нѣтъ возможности снять съ себя тяжелую зимнюю одежду. На крестьянинѣ, поверхъ синей холстинной или розовой ситцевой рубахи, надѣта еще вязаная изъ толстой шерсти рубашка, длиною по поясъ, а на ней овчинный полушубокъ, да на полушубкѣ суконный кафтанъ, подпоясанный кушакомъ; на головѣ — баранья шапка. Тяжела такая одежа для весны, когда въ другихъ, болѣе южныхъ мѣстахъ уже цвѣтетъ ландышъ и свищетъ соловей. Но что подѣлаешь, когда нѣтъ еще тепла въ сѣверной сторонѣ, а въ лѣсахъ, по низинамъ и оврагамъ, кое гдѣ лежитъ снѣгъ. Узкою, едва замѣтною, лѣсною тропинкою пробирается крестьянинъ, тяжело шлепая по лужамъ неуклюжими сапогами изъ бѣлой кожи, подъ которыми для тепла обуты суконныя онучи.

Съ тропинки крестьянинъ свернулъ въ лѣсную чащу и все идетъ впередъ, осторожно пробираясь мимо камней, перелѣзая черезъ поваленныя вѣтромъ деревья, обходя болота и крутыя скалы, переправляясь черезъ ручьи.

Въ лѣсу онъ свой человѣкъ, — каждый ручеекъ знаетъ, всѣ щелья еще мальчишкою облазилъ, всѣ сельги во время осенняго полѣсья (охоты) обходилъ, около болотъ зимою на лѣсной заготовкѣ работалъ. Но лѣсъ такъ обширенъ и дикъ, что иной разъ крестьянинъ съ недоумѣньемъ останавливается и, оглядываясь по сторонамъ, соображаетъ: куда онъ зашелъ? Куда дальше путь держать? По направленію сучьевъ сосны и ели онъ отыскиваетъ сѣверъ и безошибочно направляетъ свой путь дальше.

Наконецъ предъ нимъ знакомая сельга, а вотъ и памятная кривая береза, на которой осенись въ лонскомъ году (осенью въ прошломъ году) онъ сдѣлалъ зарубку топоромъ, ког-

да полѣсовалъ (охотился) въ здѣшнихъ мѣстахъ. Съ глубочайшимъ вниманіемъ онъ осматриваетъ всю сельгу, потомъ идетъ дальше отыскивать другую знакомую сельгу, а отъ другой къ третьей и т. д. Это онъ выбираетъ удобное мѣсто расчистить подсѣку.

Выборъ мѣста для подсѣки—дѣло очень важное, отъ котораго вполнѣ зависитъ хлѣбный урожай. Поэтому при выборѣ нужно принять въ расчетъ много разныхъ условій, и особенно обратить вниманіе на почву и породу лѣса. Къ счастью, два послѣднія условія, большею частью, совпадаютъ между собою. Гдѣ растетъ лиственный лѣсъ,—береза, осина, ольха съ ивнякомъ,—тамъ почва содержитъ въ себѣ много дорогого для земледѣльца перегноя, тамъ она покрыта сочною травою и цвѣтами, туда лѣтомъ бабы ходятъ собирать грибы; это самыя лучшія и дорогія мѣста для подсѣкъ. Гораздо хуже по плодородію та подсѣка, гдѣ растетъ ель и гдѣ почва глинистая. Если ель смѣшана съ березою и осиною, то и почва содержитъ въ себѣ больше суглинка и перегноя, и урожай здѣсь лучше. Но когда ель растетъ въ смѣси съ сосною, тогда подъ ними глинистая почва бываетъ покрыта слоемъ моха и даетъ худшій урожай. Самое плохое мѣсто для подсѣки—гдѣ преобладаетъ сосна, а подъ нею песчаная почва, слабо прикрытая перегноемъ опавшей хвои.

Когда выборъ для подсѣки сдѣланъ, весеннее солнце просушитъ землю, и листъ на деревѣ развернется въ копѣйку,—обыкновенно въ началѣ іюня или въ концѣ мая,—крестьянинъ срубаетъ лѣсъ на облюбованномъ мѣстѣ и оставляетъ здѣсь срубленныя деревья на цѣлый годъ, чтобы они просохли, а земля подъ ними хорошенько пропрѣла. На другой годъ въ то же самое время крестьянинъ, выбравъ ясный и тихій день, приходитъ на мѣсто порубки и стелетъ достаточно просохшія деревья и сучья въ небольшіе костры, подъ которыми положены жерди съ такимъ расчетомъ, чтобы по нимъ можно было передвигать костры по направленію вѣтра. Эти костры зажигаются съ подвѣтренной стороны и огонь быстро охватываетъ все пространство сѣчи. Въ клубахъ то сѣраго, то чернаго, то синяго дыма, мелькаютъ и лижутъ землю огненные языки причудливыхъ формъ, то теряясь въ густомъ дыму, то вновь ярко вспыхивая и разбрасывая вокругъ себя миріады блестящихъ искръ. И въ этой массѣ огня и дыма, и жгучихъ огненныхъ искръ, то тамъ, то здѣсь, быстро мелькаетъ фигура мужика съ шестомъ въ рукахъ. Онъ валитъ лѣсъ, т. е. передвигаетъ шестомъ костры съ мѣста на мѣсто, наблюдая, чтобы

хорошенько прогорѣли древесные корни и дуброва (дернъ). Искры летятъ въ глаза ему, ѣдкій дымъ застилаетъ дыханіе, а мужикъ бѣгаетъ себѣ въ огнѣ, какъ грѣшникъ въ аду на картинѣ страшнаго суда. Послѣ такой работы рѣдкій не страдаетъ воспаленіемъ глазъ, но мало кто думаетъ объ этомъ, поглощенный одною мыслью, одною заботой—добыть хлѣбушка семьѣ. Но до хлѣбушка еще далеко. Того и гляди, поднимется сильный вѣтеръ и снесетъ съ гари или пала драгоцѣнную сажу и пепелъ, попусту развѣетъ ихъ по дикому лѣсу, и тогда даромъ пропадетъ мученическій трудъ мужика. Оттого крестьянинъ спѣшитъ, какъ можно скорѣе, очистить палъ отъ несгорѣвшихъ деревьевъ и взорать землю. Трудно сказать, что тяжелѣе—выжиганье ли подсѣки, или орка. Орютъ особою сохою съ болѣе прямыми сошниками и безъ палицы, поднимая землю не глубже 1½ вершка. Соха то и дѣло задѣваетъ за корни, такъ что пахарь все время долженъ нести ее на себѣ, то опуская вглубь, то поднимая кверху. Тутъ нужны и опытный пахарь и привычная лошадь, иначе, того и гляди, сошка задѣнетъ за пень или корень и переломится. За оркою прямо сѣютъ зерно и потомъ боронуютъ деревянными боронами, слаженными изъ еловыхъ плахъ съ длинными сучьями вмѣсто зубьевъ. На подсѣкѣ дѣлаются 2—3 посѣва, рѣдко болѣе, и потомъ она запускается подъ лѣсную заросль лѣтъ на 20—25. Чѣмъ глубже на сѣверъ, тѣмъ медленнѣе растутъ деревья, и оттого подсѣки запускаютъ подъ заросль, на болѣе продолжительный срокъ,— даже до 60 лѣтъ.

Если сравнить мученическій трудъ крестьянина при разработкѣ подсѣкъ съ воздѣлываніемъ постоянныхъ пахотныхъ полей, то послѣднее покажется не трудомъ, а забавою. Отсюда понятно какъ велика нужда, которая гонитъ крестьянина въ лѣсъ расчищать подсѣки. Но это кровная нужда не принимается въ расчетъ, и крестьянину болѣе полутораста лѣтъ приходится оборонять отъ законодательныхъ и административныхъ запрещеній и стѣсненій свое исконное право—расчищать дикій лѣсъ, который, по народному воззрѣнію, есть Божій даръ, выросшій по Божьему произволенію на потребу всѣмъ людямъ».

Обиліе лѣса, который самъ понемногу затягиваетъ опустошенные участки, позволяетъ относиться къ нему небрежно, пользуясь отъ него, чѣмъ возможно. Особенно страдаетъ въ молодомъ возрастѣ береза, мягкая кора которой идетъ на всевозможныя подѣлки; тутъ и бураки, и короба, и крошки (сумы для переноски вещей),

а въ глуши можно встрѣтить берестяные сапоги, витыя изъ бересты веревки, конскую сбрую, посуду для варки пищи, какъ напр. берестяные котлы, возвращающіе насъ въ доисторическую эпоху, къ зарѣ гончарнаго искусства, а по порогамъ, олончане, на подобіе американскихъ индѣйцевъ, плаваютъ порою въ челнахъ, прошитыхъ, за неимѣніемъ гвоздей, ивовыми прутьями. Помимо подсѣкъ, матеріала для построекъ и домашнихъ подѣлокъ, лѣсъ доставляетъ населенію еще другіе заработки, которые подчасъ представляютъ не болѣе какъ крохи, падающія съ чьего то роскошнаго стола; это лѣсныя работы и охота на дичь. Лѣсныя работы, заключающіяся въ вырубкѣ и сплавѣ строевого лѣса, распилкѣ его на доски и брусья, заготовкѣ дровъ и т. п. занимаютъ важное и именно второе мѣсто въ хозяйственной дѣятельности края, что видно уже изъ количества заготовляемаго и вывозимаго матеріала. Такъ въ 1895 г. во всей губерніи было заготовлено лѣсныхъ матеріаловъ изъ казенныхъ дачъ — 555.757 бревенъ и 86.658 куб. саж. дровъ, изъ частныхъ — 580.459 бревенъ и 39.763 куб. саж. дровъ, изъ крестьянскихъ—16.335 бревенъ и 19.280 куб. с. дровъ. Всего значитъ: 1.152.551 бревенъ 145.701 куб. саж. дровъ. Въ разрядѣ фабрично-заводской дѣятельности (если о такой можно говорить въ Олонецкой губ.) на долю 11 лѣсопильныхъ заводовъ приходится 59% общей суммы производства, въ 2.831.200 р., стало быть 1.676.308 р. (1895 г.). Эта масса лѣсного матеріала могла бы возрости въ нѣсколько разъ при раціональномъ лѣсномъ хозяйствѣ и улучшеніи путей сплава, но объ этомъ мало кто думаетъ. Такъ какъ многочисленныя рѣки страны растекаются на три ската (гл. водораздѣлъ это Масельга), именно: къ Бѣлому морю, къ Финскимъ озерамъ и къ озеру Онего, то и сплавъ распредѣляется по тремъ направленіямъ. Для Бѣлаго моря главной сплавной артеріей, кромѣ нѣсколькихъ одинокихъ рѣкъ, какъ напр. Кемь, является Выгъ; начинаясь далеко на югѣ, онъ пробѣгаетъ 90 верстъ и вливается въ Выгозеро (927 кв. верстъ); въ Выгъ впадаютъ быстрыя полноводныя рѣчки Лекса и Кумбакса съ Вожмой, а тамъ гдѣ онъ снова чрезъ Надвоицкій проходъ вырывается изъ Выгозера, чтобы, пробѣжавъ 90 в., пасть въ Бѣлое море, широкая Онда вноситъ въ него обильныя воды Ондозера и цѣлой системы мелкихъ озеръ. Не одинъ Выгъ питаетъ Выгозеро, такъ какъ съ юга въ него падаетъ широкая Телекина, а съ запада Сегежа, Сандала тожъ; она вытекаетъ изъ глухой Кареліи, образуетъ на пути Машозеро и Сяргозеро, впадаетъ въ Сегозеро

(1033 кв. в., уступаетъ только Онего), принимающее въ себя Селецкую и Остерскую рѣку, и отсюда уже подъ именемъ Сегежи падаетъ въ Выгъ. Единственно, что затрудняетъ и замедляетъ сплавъ, это многочисленные пороги, украшенные могилами тѣхъ безвѣстныхъ тружениковъ, которыхъ загнала сюда на гонку безъисходная нужда. Главная масса строевого лѣса идетъ по этой артеріи въ Бѣломорскіе порты, гдѣ ими грузятся иностранные суда. Финскій бассейнъ гораздо меньше Бѣломорскаго, и сплавной артеріей для него служитъ р. Лендера съ притоками Сѣверкою и Тулосъ. Наконецъ къ Онежскому бассейну принадлежатъ всѣ сплавныя рѣки, впадающія въ Онего, какъ напр. Повѣнчанка, Кумса, Суна, Шуя, Вытегра, Межа, Андома, Водла и другія. Сплавляемыя сюда бревна большею частью распиливаются на доски и брусья на мѣстныхъ лѣсныхъ заводахъ и въ такомъ видѣ отправляются въ Петербургъ. Рубкой и сплавомъ лѣсного матеріала занимается нѣсколько крупныхъ фирмъ, въ томъ числѣ извѣстные Петербургу Громовы, но выгонка лѣса производится ими не прямо, а часто чрезъ посредство рядчика, который изъ того малаго, что ему перепадетъ на наемъ рабочихъ, утягиваетъ нѣкоторую толику дѣтишкамъ на молочишко. Рядчикъ, обыкновенно, свой же карелякъ, только по сытнѣе другихъ, онъ обязуется доставить на мѣсто ко времени вскрытія рѣкъ извѣстное число рабочихъ, гонщиковъ, которыхъ онъ подряжаетъ еще зимою, разсовывая имъ задатки и выправляя имъ въ волости билетъ.

Многіе лѣсопромышленники производятъ лѣсныя заготовки всегда въ своей округѣ, которою завладѣваютъ такъ крѣпко, что ужъ никакой другой промышленникъ не сунется сюда, потому что всѣ мѣстные крестьяне, стало быть единственные рабочіе, находятся поголовно въ неоплатныхъ долгахъ своему «хозяину», и уплачиваютъ свои долги работой. Очень часто задолжавшіе крестьяне остаются вѣчными работниками своихъ кредиторовъ, навсегда утерявъ надежду выскочить изъ этой кабалы. Обыкновенно хозяева не объявляютъ впередъ заработной платы, обѣщаясь разсчитать своихъ рабочихъ наравнѣ съ прочими—«какъ люди, такъ и мы». Пока продолжается работа хозяева стараются не выдавать рабочимъ деньги на руки, а открываютъ имъ кредитъ въ собственныхъ лавочкахъ и такимъ образомъ убиваютъ двухъ зайцевъ заразъ—и товаръ плохой сбываютъ, и цѣну на него ставятъ высокую. Практикуются, конечно, и другія мошенничества, особенно если рабочій безграмотный и не въ состояніи учесть свой заборъ.

Затѣмъ при разсчетѣ, обыкновенно, случается такъ, что заработокъ покрывается суммой забора, и за рабочимъ по прежнему остается старый долгъ, который закабаляетъ его на новую работу. Мужикъ чувствуетъ, что его обираютъ, но ничего подѣлать не въ состояніи, и часто съ горя и нужды беретъ еще новый задатокъ и годъ отъ году все крѣпче увязаетъ въ разставленную ему яму.

Выгонка продолжается со вскрытія до 15 — 20 іюня, а рабочая плата колеблется смотря по опытности гонщика и времени, между 50 к. и 1 р. 20, 1 р. 50 к. въ день. Гонкѣ предшествуетъ рубка лѣса и его вывозка къ сплавной рѣчкѣ, на которую кареляк подряжается также еще зимою. На одной или нѣсколькихъ лошадяхъ, съ запасомъ пищи выѣзжаетъ онъ къ Новому году въ лѣсъ и рубитъ и возитъ до 1 Марта, когда роднички начинаютъ просачиваться сквозь талый снѣгъ. Выволочивъ бревна на ледъ, рубщики, большею частью мѣстные крестьяне, возвращаются по домамъ, закупивъ на скудный заработокъ мучицы, потому что своя уже пришла къ концу. Ихъ мѣсто занимаютъ гонщики. Бревна, клейменыя знакомъ собственника купца, по вскрытіи рѣки плывутъ на льду до ближайшаго озера, гдѣ ихъ собираютъ въ кошели, пріемъ, измышленный какимъ то мѣстнымъ геніемъ и заключающійся въ томъ, что изъ 200 бревенъ, связанныхъ концами, устраиваютъ на водѣ кругъ, куда впихиваютъ остальныя бревна, которыя плаваютъ въ немъ совершенно свободно; это-то свободное плаваніе ихъ въ кошелѣ устраняетъ разбой бревенъ отъ бури. Впереди кошеля устраивается особый плотъ—головня съ досчатой хижиной—пріютомъ гонщиковъ. Когда кошель входитъ въ рѣку, головню отцѣпляютъ, а развязку кошеля предоставляютъ порогамъ. Бревна лѣниво плывутъ къ порогамъ, то и дѣло приваливаясь къ берегамъ, откуда гонщики отпихиваютъ ихъ баграми. «Но вотъ и пороги [1]); съ шумомъ и плескомъ перелетаютъ бревна, словно игрушечки, черезъ камни, но вотъ одно бревнышко зацѣпилось за камень, къ нему пристало другое, третье, сотня, двѣ даже. Закопошился народъ на берегу, готовятъ лодку—надо разломать «заторъ». Лодка отчаливаетъ, ребятушки крестятся. Бойко вскакиваютъ они на заторъ и баграми начинаютъ разламывать его; бревно за бревномъ отколупываютъ рабочіе отъ затора, послѣдній все уменьшается—наконецъ остается съ десятокъ бревенъ всего. Тогда лодка отчаливаетъ и съ трудомъ догребаетъ до берега—на заторѣ остается

---

[1]) Майновъ, „Поѣздка въ Обонежье и Карелу“, стр. 265.

одинъ, много двое самыхъ молодцовъ. На берегу снова крестятся. Вотъ заторщикъ колупнулъ на послѣдокъ бревно, на которомъ онъ стоитъ, оно отрывается и съ быстротой молніи несется внизъ. Молодчина крѣпко втыкаетъ въ него свой багоръ, устанавливается и стоя, проносится по порогу. Крикъ одобренія вырывается у зрителей, да и есть, признаться, чему! Картина дивная! Ловкость необычайная! «И все такъ счастливо проходите»? спрашиваете вы. «Много нашего брата тутъ по Сегежѣ разбросано», спокойко отвѣчаютъ вамъ, и то, чѣмъ вы сейчасъ любовались, опротивѣетъ вамъ, когда вы вспомните, что могли бы быть свидѣтелемъ смерти человѣческой изъ-за 4 р. 20 к. въ 7 рабочихъ дней! А приказчики чаекъ попиваютъ, или покрикиваютъ только съ берега». Такъ описываетъ сплавъ на порогѣ Майновъ. Я самъ видѣлъ колоссальные заторы на Поръ-порогѣ и Гирвасѣ, но тамъ не можетъ быть и рѣчи о спускѣ рабочаго по порогу на бревнѣ—разобьетъ въ дребезги, какъ колетъ въ щепы громадныя бревна. Тамъ для устраненія затора подвѣшиваютъ на перекинутомъ съ берега на берегъ канатѣ люльку, изъ которой гонщики, работая баграми, разворачиваютъ заторъ. Удивительно, что большая часть ихъ, работая чуть не всю жизнь на водѣ, не умѣетъ плавать, почему, въ случаѣ несчастья, они тонутъ самымъ жалкимъ образомъ. Пройдя нѣсколько озеръ и порожистыхъ рѣкъ, бревна подходятъ къ заводу, гдѣ пилятся на доски и складываются въ штабели въ ожиданіи погрузки на баржу.

Кромѣ того что крестьянинъ «колетъ, рубитъ, рѣжетъ» лѣсъ, онъ беретъ съ него еще другую дань—дичь. Много всякой дичи и звѣрья водится въ лѣсистыхъ мѣстахъ Обонежья и корелы; обширныя болота заселили водяныя курочки, кронъ-гаръ-вальдшнепфы, бекасы, которые питаются на нихъ всякою ягодой, болотными слизняками, червячками и прочею дрянью. На рѣкахъ и озерахъ плаваютъ стаями утки (кряквы, чирки, нырки и другія разновидности), гуси, лебеди, гагары, держась по мелководью вблизи зарослей осоки и камыша, гдѣ много всякой снѣди. Но эту дичь олончанинъ оставляетъ втунѣ (особенно лебедя, ибо кто лебедя убьетъ, тому плохо будетъ—сгоритъ), потомучто этой дичи нѣтъ сбыту, а сами не ѣдятъ—заряды больно дороги. Главное вниманіе обращено на крупную лѣсную дичь, которая остается зимовать въ олонецкихъ лѣсахъ. Тетеревъ и рябчикъ держатся въ лиственныхъ лѣсахъ, то въ ельникѣ, то въ соснякѣ, мошникъ любитъ глухія мшистыя корбы, бѣлая куропатка кормится по низинкамъ

клюквой, а сѣрая часто посѣщаетъ ржи и овсы и нерѣдко водится около самаго жилья.

Изъ звѣрья главное значеніе имѣетъ бѣлка, которая, какъ и рябчикъ, бываетъ то сосновая, то еловая, и которой такъ много, что ее встрѣчаешь на каждомъ шагу; говорятъ, однако, что бѣлка рѣдѣетъ и не столько отъ истребленія человѣкомъ, сколько отъ какихъ-то бѣличьихъ падежей или моровъ. Рѣже встрѣчается горностай, который водится по боровымъ мѣстамъ, еще рѣже удается выслѣдить выдру, мѣхъ которой цѣнится высоко. Въ мелкомъ ельникѣ водится куница, она нерѣдко забирается въ бѣличье гнѣздо, вытѣсняя оттуда хозяевъ. Наконецъ всюду встрѣчается заяцъ, доставляющій легкую добычу лисицы (краснобурой, чернобурая очень рѣдка) и волка, который удостаиваетъ зайца своимъ вниманіемъ, когда ему не посчастливится возлѣ крестьянскаго стада. Рогатый лось и сѣверный олень (отъ Сегежи на сѣверъ и по Выгу) обычные обитатели олонецкаго лѣса, настоящимъ хозяиномъ котораго является однако бурый мѣдведь, да его вассалъ и оруженосецъ волкъ. Но объ нихъ ниже. Охота на лѣсную дичь очень распространенное занятіе, особенно въ Повѣнецкомъ и Пудожскомъ уѣздахъ; здѣсь чуть не у каждаго крестьянина есть ружье винтовка. Но что это за ружья! Стволъ стариннаго здѣшняго издѣлія, инвалидъ еще дѣдовыхъ временъ, насаженъ и прикрѣпленъ къ самодѣльному и неуклюжему ложу проволокой, а то такъ веревкой. Замокъ у одного видѣннаго мною ружья самопроизвольно вываливался изъ гнѣзда, а взводъ курка такъ стерся, что охотникъ во время прицѣла держалъ его пальцемъ, не прибѣгая для спуска къ собачкѣ. Попадаются и кремневки. Про свои ружья мужики сами говорятъ: «стволъ со Щукина, ложе съ Лыкина, замокъ съ Казани, курокъ съ Рязани, а забойникъ (шомполъ) дядя изъ полѣна сдѣлалъ». И вотъ съ такимъ оружіемъ олончанинъ шляется по лѣсу, гдѣ того и гляди наткнешься на медвѣдя, но привычка къ звѣрю выработала хладнокровное отношеніе къ нему, такъ что мужикъ не очень-то опасается такой встрѣчи. Стрѣляютъ тамошніе охотники мѣтко, но только изъ своихъ ружей, къ которымъ привыкли; бѣлку бьютъ маленькой пулькой непремѣнно въ ротъ, чтобы не испортить шкурки, рябчика—въ голову, медвѣдя между глазъ. Главный предметъ охоты—тетеревъ и рябчикъ. Зная родной лѣсъ, какъ свои пять пальцевъ, охотникъ примѣчаетъ мѣста, которыя тетерева облюбовали подъ токъ или куда они слетаются весною и осенью клевать

шишки и, разставивъ по деревьямъ чучела, самъ садится въ шалашикъ и бьетъ прилетающихъ птицъ. Весною и осенью ихъ ловятъ также силками, а зимою ходятъ съ сакомъ, т. е. сѣтью на обручѣ діаметромъ въ $1^1/_2$ аршина, а обручъ насаженъ на длинный шестъ. Высмотрѣвъ мѣсто въ снѣгу, гдѣ тетерева зарываются на ночь цѣлой компаніей, прижавшись для тепла другъ къ другу, охотникъ подбирается къ нимъ ночью съ товарищемъ, который освѣщаетъ путь лучиной въ то время, какъ тотъ ловко накрываетъ сакомъ весь тетеревиный ночлежный пріютъ. Однако главный доходъ доставляетъ рябчикъ и бѣлка, отъ добычи которыхъ прямо зависитъ благосостояніе многихъ крестьянскихъ семей. Весной и осенью рябцовъ бьютъ подманивая ихъ близко къ себѣ свистомъ. Охотникъ становится на лѣсной полянѣ съ двумя свистками—подъ самца и подъ самку, и свиститъ сперва по очереди въ оба, а потомъ въ одинъ, смотря по тому, кто окликнется. Рябчикъ, сломя голову, летитъ на свистъ, садится — тутъ его и настигаетъ мѣткая пулька. Но очень часто первую половину зимы съ осени ихъ ловятъ силками, которые дѣлаются изъ конскаго волоса. Постановка силковъ дѣло хитрое и требующее снаровки. Охотникъ еще осенью примѣчаетъ, гдѣ птица садится и клюетъ; онъ снимаетъ на этомъ мѣстѣ дернъ до песка и дѣлаетъ вокругъ загородку съ воротцами; въ загородку онъ кладетъ ягоды и ставитъ силья такъ, чтобы они концами лежали къ воротамъ. Нерѣдко рябчикъ, попавшій головой въ силокъ, выбившись изъ силъ подыхаетъ отъ удушенія, а потому мясо такихъ птицъ становится синимъ и цѣнится ниже стрѣлянаго или давленаго «пастью». Пасть—другой способъ и орудіе ловли рябчиковъ и мелкаго звѣря. Это та же загородка, но вмѣсто силка въ ней устраивается ловушка изъ бревенъ, подпертыхъ палочками и прикрытыхъ хворостомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы пролѣзающій подъ эту машину рябчикъ или звѣрь задѣли за палочку и уронили на себя тяжелое бревно, которое давитъ ихъ на мѣстѣ. Бѣлую и сѣрую куропатку бьютъ меньше, потому-что ихъ приходится стрѣлять въ летъ, а это трудно сдѣлать пулькой. Бѣлку бьютъ, начиная съ октября, когда она успѣла смѣнить свой красноватый лѣтній мѣхъ на сѣрый зимній; охота на нее продолжается до глубокаго снѣга и производится при непремѣнномъ участіи мѣстной охотничьей собаки, карельской лайки, которая выслѣживаетъ звѣрька и держитъ его на деревѣ, пока охотникъ не наладится и не хлопнетъ его пулькой въ ротъ или мордочку.

Осенью же бьютъ и зайцевъ, но чаще ловятъ ихъ пастью или же кляпцами, т. е. желѣзной западней вѣсомъ въ 5 фунтовъ, которую обшиваютъ бѣлымъ холстомъ и кладутъ на снѣгу, прикрывъ чѣмъ нибудь. Иногда въ кляпцы попадаетъ и лиса и рысь, но эти звѣри уволакиваютъ съ собою легкіе кляпцы, если они не прикрѣплены къ пню или чему другому. Выдру выслѣживаютъ съ лайкой по глубокому снѣгу на лыжахъ и загоняютъ ее на дерево, въ дупло; какъ только звѣрь залѣзъ туда, дупло затыкаютъ, дерево рубятъ и убиваютъ несчастное животное. Норку промышляютъ тоже въ октябрѣ и бьютъ какъ бѣлку на деревѣ. Лисицу подкарауливаютъ ночью, когда она пробирается къ водѣ половить рыбку, а зимою ловятъ ее въ капканы и большія пасти. Лось попадается охотнику рѣдко, и охота на него трудна. Такъ же трудно гнать оленя, что дѣлаютъ весною по насту на лыжахъ. Этотъ способъ охоты распространенъ по всему сѣверу Европы, Азіи и Амермки и заключается въ томъ, что охотникъ на лыжахъ и съ собаками загоняетъ оленя до изнеможенія. Олень вначалѣ далеко уходитъ отъ охотника, который бѣжитъ по его слѣду неторопясь; настъ держитъ его хорошо, и лыжи скользятъ легко по мерзлой поверхности, между тѣмъ какъ олень проваливаетъ тонкими ногами при каждомъ шагѣ, а острый льдистый край слѣда понемногу порѣзаетъ кожу на голени до кровавыхъ ранъ. Понемногу разстояніе между охотникомъ и оленемъ сокращается настолько, что можно остановиться и бить навѣрняка въ изнемогающаго, едва бредущаго тяжелымъ невѣрнымъ шагомъ звѣря. Сибирскіе инородцы бьютъ оленя стрѣлами, которыя, въ случаѣ промаха, охотникъ подбираетъ либо самъ, либо оставляетъ ихъ бѣгущему сзади товарищу. Охотникъ нерѣдко нападаетъ на стадо въ 5—10 головъ, и такъ какъ они не разбѣгаются, а бѣгутъ вмѣстѣ, то всѣ становятся его добычей. Однако лѣтомъ олончанинъ ни за что не убьетъ оленя—грѣхъ, а грѣхъ потому, что лѣтняя шкура ни на что негодна.

Много ли прибыли получаетъ олончанинъ отъ своей охоты? Здѣсь опять таки повторяется зачастую то же самое, что мы видѣли въ лѣсномъ дѣлѣ. «Когда полѣсовщикъ возвращается съ промысла домой, то его уже поджидаетъ ловкій человѣкъ-скупщикъ, а то и приказчикъ его и тотчасъ назначаетъ цѣну товару; тутъ парѣ рябчиковъ цѣна 15 и 18 к., а парѣ тетеревовъ отъ 25 до 35; полѣсовщикъ имѣетъ право попридержать дичь и прислушаться къ ходящимъ цѣнамъ; иной разъ случается, что къ нему

же будто ненарокомъ наѣзжаетъ другой скупщикъ и даетъ двумя-тремя копѣйками дороже—тогда и завсегдаточный дѣлаетъ надбавку, и покупатель и покупщикъ сходятся въ цѣнѣ. Случается, что скупщикъ набивается тутъ же порохомъ и пульками; карелякъ потопорщится, потопорщится, да и возьметъ у своего давальца порошку по 1 р. 25 к. за фунтъ, т. е. ту цѣну, которую платитъ онъ и въ городѣ» [1]).

Промышленники охотники нерѣдко состоятъ въ долгу у своихъ скупщиковъ, чѣмъ тѣ, конечно, пользуются въ свою пользу. Зимою мороженая дичь обозами идетъ въ Петербургъ. «Великое дѣло укладка дичи — и здѣсь нужно умѣнье и особая ухватка, пріобрѣтенная горькимъ опытомъ и передающаяся отъ дѣдовъ и прадѣдовъ; дичь кладутъ въ короба, да не просто валятъ, а на каждый рядъ накладутъ соломы, а черезъ два три ряда продернутъ черезъ весь коробъ крестъ на крестъ палки, чтобы птица не мялась верхними рядами. На 100 паръ надо считать особую подводу, а это дѣло меньше 10 р. въ цѣну не положишь, такъ что на каждую пару подвода ляжетъ десятью копѣйками, да себя прокормить на пути туда и обратно станетъ 4 р., да лошаденка обойдется въ 3 цѣлковыхъ, да въ Питерѣ проживешь не меньше 4 р., такъ что 100 паръ и станутъ въ одной доставкѣ 21 р., и придется въ Питерѣ дичь-то продавать на 21 к. на пару дороже, а тутъ еще Петербургскіе купцы подтянутъ—не суйся бѣлоглазый не въ свое дѣло, да искушеній опять много въ этомъ городѣ—ну и выходитъ, что лучше продавать птицу на мѣстѣ, благо можно оставаться у себя дома, не нудить свои косточки по ухабамъ и сугробамъ и уважить доброму человѣку скупщику, который товаръ и въ Питеръ доставитъ, и самъ проведетъ питерскихъ купцовъ мошенниковъ, и на соблазны питерскіе не посмотритъ. Такимъ-то вотъ побытомъ по отсутствію иниціативы, по косности своей и по несмѣлости, и питается карелякъ крохами отъ стола скупщиковъ» [2]).

Но лѣсная дебря, дѣтей которыхъ олончанинъ немилосердно истребляетъ на свою потребу или на поправку, жестоко мститъ ему въ лицѣ своихъ крупныхъ обитателей, медвѣдя и волка, съ которыми тотъ ведетъ непрерывную, неустанную борьбу. Одинъ изъ краеугольныхъ камней крестьянскаго хозяйства это скотъ. Мы

---

[1]) Майновъ, стр. 283.
[2]) Майновъ, стр. 284.

видѣли выше съ какимъ упорствомъ крестьянинъ стремится расширить свои сѣнокосы, чтобы завести лишнюю корову, лошадь, навозомъ ихъ подправить пашню, а зимой наниматься съ лошадью въ обозъ, на рубку лѣса и т. п. Отъ скота въ значительной мѣрѣ зависитъ его благосостояніе, даже богатство, почему крестьянинъ и зоветъ его животиной, животомъ. Но въ лѣсистой мѣстности, гдѣ по дремучему бору, по болотамъ на просторѣ рыскаетъ волкъ и бродитъ медвѣдь, крестьянскій скотъ находится въ вѣчной опасности, въ постоянной осадѣ. Чуть мѣстность поглуше, такъ чуть не каждый день слышишь жалобы на звѣря; сегодня волкъ утащилъ овцу, завтра жестоко покусалъ робкую кобылу или жеребенка, чуть не выдравъ ему задней ноги, а на другой день разносится извѣстіе о коровѣ, которую задралъ лютый звѣрь, медвѣдь, передъ тѣмъ вдостоль навалявшійся и налакомившійся крестьянскимъ овсомъ. Зимою, когда скотъ во дворѣ, растравленные голодомъ волки слоняются ночью по сонной деревнѣ, засыпанной снѣгомъ и облитой яркимъ луннымъ свѣтомъ, и таскаютъ изъ сѣней, изъ дворовъ собакъ. Есть мѣста, гдѣ крестьяне вовсе не сѣютъ овса на лѣсныхъ подсѣкахъ, не оставляютъ на племя, а убиваютъ молодыхъ жеребятъ, чтобы ни овесъ, ни жеребята не доставались звѣрю. Въ среднемъ волки и медвѣди истребляютъ за годъ въ Олонецкой губерніи безъ малаго до 2.000 головъ крупнаго и до 3.500 головъ мелкаго скота, что въ переводѣ убытка на деньги равняется около 50.000 р., т. е. больше 1 р. на каждый крестьянскій дворъ. Вотъ дань, которую населеніе губерніи платитъ ежегодно властителямъ Олонецкихъ лѣсовъ. Борьба со звѣремъ ведется съ перемѣннымъ счастьемъ, но перевѣсъ какъ будто на сторонѣ звѣря: онъ платится жизнью и шкурой, но взамѣнъ павшихъ, лѣсныя дебри высылаютъ новыя нарождающіяся въ нихъ поколѣнія, въ то время какъ мужикъ часто не знаетъ отдыха и сроку, стѣсненъ звѣремъ въ своихъ хозяйственныхъ затѣяхъ, вѣчно трепещетъ за скотъ и ждетъ напасти, а сверхъ того и самъ иногда попадаетъ въ лапы своего врага, отъ которыхъ не всегда уходитъ живымъ.

Какъ средство борьбы земство придумало преміи за каждаго убитаго волка и медвѣдя въ размѣрѣ отъ 1 до 15 р., но мѣра эта мало помогаетъ. Время ли мужику, да и есть ли тому возможность, гоняться по необозримому лѣсу въ самое горячее рабочее время за волкомъ, который сегодня напакостилъ здѣсь, а завтра пакоститъ уже гдѣ нибудь за 15 — 20 верстъ, или выходить на

медвѣдя съ дряннымъ своимъ ружьемъ. Также трудно устраивать облавы, которыя отнимаютъ много времени, отрываютъ много людей отъ работы и только въ исключительномъ случаѣ увѣнчиваются успѣхомъ и то временнымъ. Въ такомъ счастливомъ положеніи находятся жители большого Климецкаго острова (30 в. въ длину и отъ 400 саж. до 10 в. въ ширину), расположеннаго у ю.-в. конца Заонежскаго полуострова. Зимою, когда озеро замерзаетъ, волки пробираются на островъ по льду и остаются тамъ на лѣто, лакомясь крестьянскимъ скотомъ. Они довели жителей до того, что тѣ съ 1865 г. ежегодно устраиваютъ на нихъ весною облаву, для чего соединяются обитатели всѣхъ селеній. Вотъ какъ описываетъ картину этой облавы одинъ бытописатель края [1]).

Обыкновенно весной крестьяне собираются на общій мірской сходъ, гдѣ выбирается болѣе удобный день для облавы, непремѣнно въ маѣ. Здѣсь же рѣшаютъ, сколько человѣкъ должны участвовать въ облавѣ, много ли нужно волкогоновъ, которые должны шумомъ пугать и сгонять волковъ въ одно мѣсто, и много ли насѣтниковъ, на обязанности которыхъ лежитъ доставить сѣти и ловить ими волковъ. Затѣмъ производятся общественные выборы,—избираются и переписываются въ особый списокъ болѣе 100 насѣтниковъ, 9 сотенныхъ и 18 пятидесятниковъ, обязанныхъ наблюдать за волкогонами. О днѣ, назначенномъ для облавы, объявляется по деревнямъ съ тѣмъ, чтобы хозяева не смѣли выгонять скотъ изъ дворовъ, пока не окончится истребленіе волковъ, обыкновенно продолжающееся около двухъ дней.

Въ день, назначенный для облавы, раннимъ утромъ, всѣ волкогоны собираются въ деревнѣ Куршницы, самомъ сѣверномъ поселеніи острова. Сельскій староста по спискамъ провѣряетъ прибывшихъ и раздаетъ пистоны и порохъ тѣмъ, у кого есть ружья, приказывая только пугать звѣря холостыми зарядами и отнюдь не стрѣлять дробью или пулями, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Затѣмъ волкогоны раздѣляются на 9 отрядовъ, которые бросаютъ между собою жеребьи для опредѣленія, по какой мѣстности острова каждый отрядъ долженъ идти при преслѣдованіи волковъ. Жеребьи означены нумерами отъ № 1 до № 9, и всѣ отряды, во время преслѣдованія, должны образовать изъ себя непрерывную цѣпь, расположившись по порядку нумеровъ жеребья отъ востока къ западу. Староста напоминаетъ каждому отряду

---

[1]) Приклонскій, „Народная жизнь на сѣверѣ". Стр. 299—305.

*

границы назначенной ему мѣстности и предостерегаетъ, чтобы, во избѣжаніе путаницы, никто не смѣлъ выходить изъ своихъ границъ и врываться въ границы сосѣдняго отряда. Для наблюденія за порядкомъ начальство надъ каждымъ отрядомъ поручается избраннымъ ранѣе на сходѣ сотенному и двумъ пятидесятникамъ. По окончаніи всѣхъ этихъ приготовленій служится мірской напутственный молебенъ, и волкогоны идутъ на сѣверный конецъ острова, откуда должно начаться преслѣдованіе волковъ. На сѣверномъ берегу волкогоны становятся по своимъ мѣстамъ, какъ будто хорошо разученное и дисциплинированное войско. Каждый отрядъ въ своихъ границахъ растягивается цѣпью, сливаясь на границахъ съ сосѣдними отрядами, такъ что всѣ они образуютъ одну непрерывную цѣпь волкогоновъ, разставленныхъ на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Раздается сигналъ, и вся цѣпь волкогоновъ разомъ поднимаетъ ужасный шумъ,—всѣ кричатъ, какъ можно громче, колотятъ трещотками, трубятъ въ трубы, стрѣляютъ изъ ружей, шумятъ кто во что гораздъ. И среди этой безобразной разноголосицы, подъ оглушительный шумъ этого дьявольскаго концерта, вся цѣпь волкогоновъ въ порядкѣ выступаетъ въ путь. Порядокъ этого крестьянскаго похода примѣрный: ни одинъ волкогонъ не зайдетъ въ границы сосѣдняго отряда, не отстанетъ назади, не перестаетъ держаться приблизительно равнаго разстоянія отъ своихъ сосѣдей. Сотенный и пятидесятники зорко смотрятъ за своимъ отрядомъ и, чуть замѣтятъ малѣйшее замѣшательство, тотчасъ прекращаютъ безпорядокъ, а главное, — то и дѣло напоминаютъ волкогонамъ, чтобы шумѣли, какъ можно громче.

Шумъ, поднятый волкогонами, пугаетъ волковъ и гонитъ ихъ въ глубину острова. Между тѣмъ человѣческая цѣпь безостановочно и все въ одномъ и томъ же порядкѣ подвигается впередъ и снова настигаетъ звѣря, скрывшагося въ какой нибудь глухой трущобѣ. Волкъ опять пускается бѣжать отъ человѣка, но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе онъ привыкаетъ къ крику, стуку и ружейнымъ выстрѣламъ и начинаетъ держаться невдалекѣ отъ цѣпи. То тамъ, то здѣсь волкъ показывается на глаза волкогонамъ, и по цѣпи проносятся оживленные крики: «волкъ, волкъ!» Наступаетъ моментъ, самый опасный для успѣха облавы. Бѣда, если горячіе охотники увлекутся преслѣдованіемъ и, бросившись къ волку, разстроятъ порядокъ въ цѣпи. Тогда волкъ легко можетъ прорваться сквозь разорванную цѣпь, и волкогонамъ при-

дется снова начинать преслѣдованіе. Для предупрежденія безпорядковъ начальники отрядовъ суетливо бѣгаютъ вдоль цѣпи, наблюдая, чтобы никто не забѣгалъ впередъ и всѣ держались на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Волкогоны, поощряемые приказаніями сотенныхъ и пятидесятниковъ, поднимаютъ усиленный шумъ, и испуганный волкъ снова убѣгаетъ съ глазъ долой.

Когда цѣпь выходитъ на такъ называемый «зимникъ», т. е. зимнюю дорогу, проложенную поперекъ острова, въ это время преслѣдованіе волковъ пріостанавливается. Шумъ смолкаетъ, утомленные волкогоны усаживаются вдоль дороги по своимъ мѣстамъ, и каждый принимается за принесенный изъ дому обѣдъ. За обѣдомъ слѣдуетъ небольшой отдыхъ, во время котораго староста раздаетъ пистоны и порохъ тѣмъ волкогонамъ, у которыхъ осталось мало прежде выданныхъ зарядовъ. Отдохнувъ, всѣ, въ прежнемъ порядкѣ, съ шумомъ и гамомъ, отправляются въ дальнѣйшій путь. Теперь волкогонамъ осталось безостановочно пройти еще 13 в. до такъ называемой «Волчьей смерти». И что за трудный, что за утомительный трудъ предстоитъ имъ! Въ иномъ мѣстѣ нужно брести болотомъ по поясъ въ водѣ; тамъ приходится перелѣзать черезъ груды валежника, здѣсь перескакивать съ кочки на кочку, въ другомъ мѣстѣ то и дѣло спотыкаться объ усѣянные по землѣ камни, или пробираться сквозь лѣсную чащу. Въ то-же время нужно смотрѣть по сторонамъ, чтобы не нарушить порядка въ цѣпи, и безъ перерыва и умолка должно кричать во все горло, колотить по деревьямъ и камнямъ, стучать чѣмъ ни попало, стрѣлять изъ ружей. И чѣмъ ближе подвигаются волкогоны къ «Волчьей смерти», тѣмъ чаще и суетливѣе бѣгаютъ вдоль цѣпи сотенные и пятидесятники, приказывая, какъ можно больше шумѣть, тѣмъ громче и задорнѣе становятся крики. и чаще раздаются ружейные выстрѣлы. Здѣсь волкогонамъ нужно особенно постараться, чтобы прогнать всѣхъ волковъ чрезъ «Волчью смерть», чтобы ни одинъ волкъ не могъ проскользнуть и вернуться назадъ.

«Волчьею смертью называется узкій перешеекъ шириною въ 400 с., раздѣляющій островъ на двѣ половины. Сюда къ полудню собирается болѣе 100 насѣтниковъ и скрываются въ засадѣ, поджидая прибытія волкогоновъ. Какъ скоро волкогоны прогонятъ всѣхъ волковъ чрезъ «Волчью смерть» и сойдутся на перешейкѣ, насѣтники выходятъ изъ засады и смѣняютъ волкогоновъ въ преслѣдованіи звѣря. Теперь волкогоны уходятъ за 5 в. въ

Климецкій монастырь, гдѣ и остаются ночевать. Между тѣмъ насѣтники поспѣшно принимаются за работу, перегораживая перешеекъ въ иныхъ мѣстахъ частымъ частоколомъ, а большею частью принесенными съ собою рѣдкими и толстыми сѣтями, которыя разставляются въ два ряда. Окончивъ изгородь, они остаются около нея на всю ночь караулить, чтобы какой нибудь хитрый волкъ не могъ проскользнуть чрезъ частоколъ или сѣти.

Волкогоны, переночевавъ въ Климецкомъ монастырѣ и отслуживъ поутру напутственный молебенъ, идутъ на южный конецъ острова; здѣсь отряды разстанавливаются цѣпью въ такомъ же точно порядкѣ, какъ было наканунѣ, на сѣверномъ концѣ острова. Опять поднимаются шумъ, гамъ и стрѣльба изъ ружей, опять волкогоны въ строгомъ порядкѣ выступаютъ въ свой обычный походъ и гонятъ волковъ къ «Волчьей смерти».

Между тѣмъ насѣтники сидятъ около изгороди, спрятавшись въ засадѣ,—въ наскоро устроенныхъ шалашахъ. Они съ нетерпѣніемъ поджидаютъ, скоро ли заслышится шумъ и трескъ, поднятый приближающимися къ нимъ волкогонами. Издали начинаетъ доноситься глухой гулъ человѣческихъ голосовъ и звуки ружейныхъ выстрѣловъ. Шумъ становится все яснѣе и яснѣе по мѣрѣ приближенія волкогоновъ. Начинаютъ показываться и волки, но встрѣтивъ изгородь, поворачиваютъ назадъ. Насѣтники приготовляютъ дубины и топоры, чтобы бить волковъ, но все еще смирно сидятъ въ засадѣ, поджидая своей очереди. Пока работаютъ по прежнему одни волкогоны, и притомъ теперь у нихъ идетъ самая трудная работа, требующая особаго вниманія и ловкости. Волки, встрѣтивъ изгородь изъ частокола и сѣтей въ «Волчьей смерти», бѣгутъ назадъ и стараются проскользнуть сквозь цѣпь волкогоновъ. Теперь нужно смотрѣть въ оба глаза и шумомъ не пропускать звѣря сквозь цѣпь, отгоняя его обратно къ изгороди.

Наконецъ, когда волкогоны, смыкаясь все тѣснѣе и тѣснѣе по мѣрѣ приближенія къ узкому перешейку, близко подойдутъ къ изгороди, тогда передъ глазами засѣвшихъ по шалашамъ насѣтниковъ открывается рѣдкая картина. Множество звѣрей сбѣгается къ изгороди. Сотни зайцевъ проскакиваютъ сквозь рѣдкія сѣти и благополучно скрываются въ сѣверной половинѣ острова, не привлекая на себя вниманіе человѣка. Лисицы и волки то бѣгаютъ вдоль изгороди, стараясь найти въ ней лазейку, то бѣгутъ назадъ, но, отогнанные волкогонами, опять возвращаются къ ужас-

ному для нихъ мѣсту, къ «Волчьей смерти». А волкогоны сомкнутою цѣпью уже подошли къ сѣтямъ, и звѣри, испуганные и оглушенные ужаснымъ шумомъ, безнадежно бросаются къ сѣтямъ. Наконецъ, насѣтники выскакиваютъ изъ засады и начинается дикая сцена убійства волковъ и лисицъ, запутавшихся въ сѣтяхъ. Волкъ съ остервѣненіемъ защищается зубами, но сотни враговъ безъ устали осыпаютъ его ударами. Дубина и обухъ топора, словно цѣпы при молотьбѣ хлѣба, частыми ударами быстро выколачиваютъ жизнь изъ волчьяго тѣла, и скоро «Волчья смерть» покрывается трупами волковъ и лисицъ. Тысячеголовая толпа волкогоновъ и насѣтниковъ садится отдыхать на мѣстѣ побоища. Съ волчьихъ и лисьихъ труповъ тутъ же сдираются шкуры и потомъ относятся въ Климецкій монастырь въ благодарность за ночлегъ и ужинъ, безплатно предложенный волкогонамъ».

Если облава окончилась истребленіемъ всѣхъ волковъ, крестьяне радостно возвращаются по домамъ, но если какой нибудь волкъ по оплошности ушелъ отъ загонщиковъ, облава повторяется снова. Если въ облавѣ принимаютъ участіе около 1.000 ч. и она продолжается 2 дня, то на борьбу со звѣремъ тратится 2.000 рабочихъ дней, а въ переводѣ на деньги—1.000 р., что очень много для населенія острова въ 2.500 душъ. Но крестьяне предпочитаютъ лучше затратить дорогое время, чѣмъ все лѣто безпокоиться изъ-за волковъ и терпѣть отъ нихъ убытки. Но не вездѣ однако оказывается возможнымъ прибѣгнуть къ такому способу борьбы со звѣремъ, и въ большинствѣ случаевъ населеніе прибѣгаетъ къ покровительству сверхъестественныхъ силъ, къ заговорамъ и мольбищамъ, которые представляютъ остатки древняго ритуала, поверхностно перелицованнаго новымъ культомъ не безъ участія оффиціальныхъ представителей его, которые заняли мѣсто и выполняютъ роль древнихъ шамановъ и кудесниковъ. Конечно средства эти имѣютъ свою исторію и значеніе, они принадлежатъ къ числу, такъ сказать, успокаивающихъ: не устраняя бѣды, они внушаютъ вѣру въ желаемое и доставляютъ прибѣгающимъ къ нимъ извѣстное спокойствіе, столь необходимое всякому труженику для правильной работы. Вотъ причина, почему эти средства еще твердо держатся въ народѣ.

Особенно трудна борьба съ волкомъ: это звѣрь умный, проворный и рѣшительный—сегодня онъ зарѣзалъ овцу здѣсь, а завтра разбойничаетъ гдѣ нибудь за 10—15 верстъ, перемѣщаясь по лѣсу съ быстротой бурскаго генерала Деветта. Облавы не вездѣ

возможны, да и дороги, а отдѣльный охотникъ ничего не подѣлаетъ съ прыткимъ, ловкимъ звѣремъ, шкура котораго вдобавокъ не имѣетъ большой цѣны. Вотъ и терпятъ мужики, отплевываясь и ругая лѣснаго пакостника на всѣ лады. И на какія хитрости пускается этотъ звѣрь! Лошади и коровы съ успѣхомъ отбиваютъ его нападеніе и такимъ образомъ вмѣстѣ съ пастухомъ охраняютъ глупыхъ овецъ, но волкъ нерѣдко проводитъ ихъ. Повѣсивъ уши и принявъ овечью походку, онъ втискивается въ стадо и бродитъ среди него, незамѣчаемый ни пастухомъ, ни чуткими жеребцами, и на свободѣ рѣжетъ глупыхъ биззащитныхъ овецъ. Зимою, изнуряемые голодомъ, волки сбиваются въ небольшія стаи, бродятъ по ночамъ по деревнямъ и забираются даже въ городскія улицы. Здѣсь легкой добычей ихъ становятся собаки, особенно молодыя, глупыя, которыхъ волкъ выманиваетъ на чистое мѣсто игрой. Игру эту онъ заводитъ какъ настоящая собака: прыгаетъ, катается по землѣ, примѣрно нападаетъ и убѣгаетъ. Песъ смотритъ, смотритъ, да наконецъ и заинтересуется, но едва онъ увлекся и слишкомъ отдалился отъ дома, какъ волкъ отрѣзаетъ ему отступленіе и уволакиваетъ визжащаго щенка въ лѣсъ, нерѣдко на глазахъ хозяина, мечтавшаго воспитать изъ щенка лайку на медвѣдя.

Почти всѣ собаки кончаютъ свою жизнь въ зубахъ волка, и именно зимой, когда мучительный голодъ примиряетъ звѣря съ противнымъ запахомъ псинаго мяса. Въ зимнія ночи стаи ихъ нерѣдко собираются на льду противъ Петрозаводска, и тогда волчій вой несется по вѣтру въ городъ, нарушая сонное безмолвіе лунной ночи. Бываютъ годы, когда ихъ наплодится столько, что отъ нихъ буквально нѣтъ отбою. Не обращая вниманія на многочисленныхъ людей, копошащихся на поляхъ, они нахально бродятъ по задворкамъ селеній и рѣжутъ скотъ на глазахъ крестьянъ.

Но волкъ рѣдко нападаетъ на человѣка, гораздо опаснѣе въ этомъ случаѣ встрѣча съ медвѣдемъ. Этого звѣря также немало въ олонецкихъ дебряхъ, гдѣ онъ играетъ роль настоящаго властелина, споря за господство съ однимъ только человѣкомъ. Какъ извѣстно, среди населенія всей полосы сѣверныхъ лѣсовъ, въ которыхъ медвѣдь является самымъ крупнымъ изъ хищныхъ млекопитающихъ, распространенъ особый «культъ медвѣдя», остатки котораго сохранились у насъ въ Олонецкой и въ другихъ сѣверныхъ губерніяхъ. Въ представленіи первобытнаго человѣка

звѣрь, особенно крупный и свирѣпый, не просто звѣрь, а духъ. Вначалѣ это былъ духъ предка или родича, переселившагося по смерти въ звѣря, а впослѣдствіи, когда наивный пантеонъ дикарей утерялъ родословную своихъ членовъ, въ умѣ ихъ осталось одно темное, мистическое чувство страха и почтенія къ какому-то духу, съ которымъ надо избѣгать ссоръ, а если уже нельзя обойтись безъ того, чтобы при случаѣ не убить звѣря, не полакомиться его мясомъ и мозгомъ, не одѣться въ его шкуру, то по крайней мѣрѣ надо испросить у него прощеніе за преступленіе противъ его личности, содѣянное якобы «нечаянно». Вотъ почему айносы на Хаккайдо (Іесо) и Сахалинѣ продѣлываютъ передъ распяленной на шестахъ шкурой убитаго медвѣдя сложную церемонію исходатайствованія прощенія и примиренія съ «покойнымъ». «Ты, дескать, не сердись и не ищи на насъ и нашихъ родичахъ, мы убили тебя нехотя, нечаянно, не имѣя злобы, вотъ тебѣ и жертвы и почтеніе наше!». Остатки такого культа сохранились почти у всѣхъ некультурныхъ народовъ, имѣющихъ дѣло съ медвѣдемъ, а у культурныхъ послѣдніе намеки на существованіе такого культа доживаютъ свой вѣкъ въ сказкахъ, напр. хоть въ той, гдѣ убитый медвѣдь является ночью къ бабѣ за своей шкурой. Въ глухихъ мѣстахъ нашего сѣвера народъ до сихъ поръ относится къ медвѣдю особымъ образомъ, точно это не звѣрь, а что-то «иное». Олончанинъ ни за что не назоветъ медвѣдя настоящимъ его именемъ, не скажетъ «медвѣдь», а говоритъ «онъ» или «хозяинъ». «Да кто онъ?» «Да хозяинъ». «Какой хозяинъ?» «Да вотъ что по лѣсу ходитъ, рявкаетъ». Такіе олончане не поминаютъ медвѣдя изъ опасенія, чтобы отъ этого не случилось худо. Дескать услышитъ онъ, что объ немъ говорятъ, и учинитъ что-нибудь. Въ мѣстахъ покультурнѣе этотъ страхъ уже вывелся. «Это нашъ помѣщикъ, острятъ тамъ про Михаила Ивановича Топтыгина, только одинъ и остался, видно вовсе безъ этого добра не прожить!» Лѣтомъ медвѣдь робокъ. Почуя человѣка, онъ стремительно пускается на утекъ, съ трескомъ ломая хворостъ и сучья, и это особенно если не онъ, а его замѣтили первымъ и испугали крикомъ, свистомъ, гоготаньемъ. Если, наоборотъ, медвѣдь раньше увидитъ человѣка, то иной любопытный и смѣлый звѣрь продѣлываетъ съ нимъ подчасъ такія штуки, которыя положительно заставляютъ думать, что веселый звѣрь забавляется испугомъ человѣка или тѣшитъ себя какой-то игрой. Одинъ мужикъ наткнулся на медвѣдя, возвраща-

ясь съ покоса. Звѣрь, загородивъ ему дорогу, преспокойно усѣлся на землѣ и сталъ чесаться, а самъ не упускаетъ мужика изъ виду. Идти впередъ — нельзя; вздумаетъ мужикъ пятиться, медвѣдь идетъ за нимъ, а пока мужикъ передъ нимъ стоитъ смирно и почтительно—тотъ нѣжится, облизывается, да почесывается, и такъ продолжалось четыре часа, пока звѣрю не надоѣла потѣха, и онъ ушелъ въ лѣсъ. Частыя встрѣчи и житье бокъ-о-бокъ пріучили олончанина къ звѣрю, такъ что онъ нерѣдко платитъ ему такимъ же панибратскимъ отношеніемъ, за что, конечно, иной разъ жестоко платится. Какая-то баба собирала въ лѣсу ягоды и наткнулась на медвѣдя, но не испугалась, а пошла прямо на него и ударила его лукошкомъ по мордѣ. Медвѣдь опрокинулъ ее на землю и отошелъ прочь, но едва баба поднялась на ноги и стала собирать высыпавшіяся изъ лукошка ягоды, какъ медвѣдь снова подобрался къ ней, обхватилъ ее и съ такой силой треснулъ о дерево, что переломилъ ногу. Послѣ этого баба, не смотря на жестокую боль, лежала смирно, пока медвѣдь не скрылся въ лѣсу. Другая баба, наткнувшись на лѣсной тропѣ на медвѣдя, ударила его уздечкой, за каковую дерзость медвѣдь сильно поцарапалъ ее и оставилъ только тогда, когда она упала на землю и притворилась мертвой. Вообще, притворяться мертвымъ, затаивъ дыханіе, считается лучшимъ средствомъ избавиться отъ медвѣдя. Въ этомъ случаѣ звѣрь, обнюхавъ и пошевеливъ мнимаго мертвеца, наскребаетъ моху и прикрываетъ его, точно преступникъ, скрывающій слѣды своего злодѣянія, а самъ отходитъ да поглядываетъ. Не дай богъ пошевелиться раньше времени! Звѣрь возвращается и яростно деретъ жертву когтями, пока та не успокоится. Одинъ крестьянинъ жестоко поплатился за такое нетерпѣніе—медвѣдь жестоко изуродовалъ его и содралъ ему кожу съ черепа вмѣстѣ съ волосами. Ударъ и легкая рана приводятъ мирно настроеннаго медвѣдя въ ярость и тогда борьба съ нимъ невооруженнаго человѣка кончается трагически для послѣдняго: звѣрь или доканаетъ его, или изломаетъ и изуродуетъ его въ конецъ. Иное дѣло, если подъ руками топоръ, которымъ олончанинъ владѣетъ какъ виртуозъ.

«Иду разъ, разсказываетъ одинъ полѣсовщикъ, а въ поясу у меня коппалы (тетерева) привѣшены, только слышу я, кто этто у меня толконетъ, да какъ коппалу-то потянетъ. Думалъ все, что за сучья цѣпляюсь, анъ глядь—о н ъ. Я ему: Эй оставь, не твое вѣдь полѣсованье! А онъ опять! Я ему: Эй брось лучше, нето

зарублю! Нѣтъ, братецъ ты мой, такъ и тягнетъ. Я его этто маленько винтовкой-то опоясалъ; опять присталъ! Ну я его и зарубилъ».

«Пошелъ этто разъ я на рябцовъ, разсказываетъ другой крестьянинъ, и винтовочка-то припасена у меня такая, что для нихъ поспособнѣе—малопульная. Однако рогатину захватилъ. Идду этто я такъ ввечеру, домой ужъ завернулъ,—а онъ вотъ онъ. Что тутъ дѣлать? Взялъ этто я рогатину половчѣе, да пхнулъ ему въ подгрудье. Такъ ишь она шельма не угодила! Прямо таки ему въ кость—ни впередъ, ни назадъ. Онъ лапами-то ухватилъ ее, нажимаетъ, а она съ кости-то никакъ не сойдетъ. Такъ полтора сутокъ мы съ нимъ сцѣпившись вокругъ березки ходили—полянку ишь какую вытоптали! Сорвалась таки съ кости!».

Этотъ разсказъ, приводимый Майновымъ, кажется невѣроятнымъ, но я самъ слышалъ нѣчто подобное отъ мѣстныхъ крестьянъ. Одинъ изъ нихъ такимъ же образомъ долго гулялъ съ мѣдведемъ вокругъ дерева. Онъ былъ одинъ, безъ собаки, и не успѣлъ выстрѣлить, какъ медвѣдь уже подкатилъ къ нему и всталъ на заднія лапы. Дать медвѣдю подойти вплотную, это значитъ быть изломаннымъ и изодраннымъ его ужасными когтями. Мужикъ уловчился сунуть дуло винтовки въ пасть звѣрю, самъ ухватился свободной рукой за деревцо. Глупый звѣрь, вмѣсто того, чтобы отступить назадъ, продолжалъ напирать впередъ, мотая головой и махая лапами въ тщетныхъ попыткахъ освободиться отъ ружья, дуло котораго зорко слѣдившій за его движеніями мужикъ неукоснительно совалъ ему въ глотку. Такъ они и провозились нѣсколько часовъ, пока крестьянинъ не улучилъ минуты, когда могъ выстрѣлить въ звѣря.

Медвѣдь представляетъ цѣнную добычу зимой, когда мѣхъ его гуще и сидитъ въ толстой кожѣ, благодаря чему волосъ при выдѣлкѣ не выпадаетъ изъ нея, какъ то случается съ лѣтнимъ мѣхомъ. Хорошая медвѣжья шкура стоитъ до 70 рублей, да сверхъ того земство выдаетъ 15 р. за всякаго убитаго звѣря, а то бываетъ выгоднѣе продать обойденнаго въ берлогѣ звѣря любителямъ охотникамъ, какихъ немало среди мѣстныхъ чиновниковъ и офицеровъ. Вотъ почему многіе крестьяне, на ряду съ охотой на птицъ, спеціально занимаются охотой на медвѣдя. Всѣ медвѣжьи привычки олончанинъ знаетъ чуть не лучше самого медвѣдя и нерѣдко съ удивительнымъ искусствомъ отыскиваетъ его логово. Отъѣвшись за лѣто, медвѣдь при наступленіи холо-

довъ становится вялымъ, соннымъ и торопится лечь спать. Онъ по инстинкту знаетъ, что представляетъ въ такомъ видѣ легкую добычу и потому подымается на разныя хитрости съ цѣлью скрыть отъ человѣка свою зимнюю резиденцію. До снѣга онъ еще бродитъ по лѣсу, но едва выпадетъ первый пушистый снѣгъ, какъ звѣрь начинаетъ плутать по лѣсу, путая слѣды: онъ уходитъ за много верстъ въ сторону, возвращается, идетъ въ новомъ направленіи, снова возвращается и продѣлываетъ это неразъ, прежде чѣмъ заляжетъ въ яму подъ корнемъ вѣковой ели или, что чаще всего, забравшись въ молодой ельникъ, въ самую гущу, ложится тамъ, прикрывъ себя согнутыми и надломанными елочками. Первый же обильный снѣгъ прикроетъ его въ этомъ искусственномъ убѣжищѣ. Случается иногда, что иной нерѣшительный или потревоженный чѣмъ либо въ своихъ приготовленіяхъ медвѣдь не успѣетъ лечь въ такое прикрытіе и валится гдѣ попало, да такъ и лежитъ всю зиму, прикрытый однимъ только снѣгомъ. Несообразительный звѣрь ложится всегда послѣ снѣга, на которомъ его когтистыя лапы оставляютъ глубокіе слѣды и это выдаетъ его убѣжище человѣку, который въ это время зорко слѣдить за его простовато-хитрыми продѣлками. Съ топоромъ за поясомъ и винтовкой въ рукахъ охотникъ идетъ по слѣдамъ медвѣдя и ищетъ гдѣ они кончаются. Тутъ, стало быть, и залегъ звѣрь. Но въ этомъ слѣдуетъ убѣдиться, и для этого мужикъ описываетъ большой кругъ, внимательно посматривая, не пересѣчетъ ли онъ гдѣ либо медвѣжьяго слѣда. Если этого нѣтъ, значитъ медвѣдь находится внутри круга.

Выслѣживанье производится съ величайшею осторожностью, чтобы звѣрь, не погрузившійся еще въ глубокій, крѣпкій сонъ, не почуялъ опасности и не перемѣнилъ своего логова на новое. Если этого не произошло, охотникъ дѣлаетъ заявку, и тогда звѣрь по закону считается за нимъ. Такимъ же способомъ онъ выслѣживаетъ другихъ медвѣдей, если ихъ нѣсколько въ окрестности, торопясь опередить остальныхъ охотниковъ; иногда, впрочемъ, нѣсколько человѣкъ соединяются въ артель и выслѣживаютъ звѣря сообща, потому что дѣло это нелегкое и беретъ много времени. Въ теченіе зимы собственникъ такихъ спящихъ въ лѣсу медвѣдей нѣсколько разъ провѣдаетъ ихъ тамъ: дескать, тутъ ли звѣрь, потому что случается, что медвѣдь по какой либо причинѣ просыпается, выходитъ изъ логова и бродитъ по лѣсу въ поискахъ за новымъ, болѣе удобнымъ пристанищемъ.

Въ концѣ зимы звѣря подымаютъ съ логова съ помощью собакъ-лаекъ и бьютъ изъ ружья, причемъ эта баталія не всегда кончается счастливо. Одно изъ главныхъ условій успѣха—это пріученая къ медвѣжьей охотѣ собака-лайка, которая вертится кругомъ звѣря, хватая его сзади за ноги, а самцовъ за половые органы, и тѣмъ отвлекая вниманіе разъяреннаго звѣря отъ охотника, который въ это время имѣетъ возможность нацѣлиться и мѣтко попасть въ медвѣдя изъ своей дрянной самодѣльной винтовки. Въ случаяхъ, когда медвѣдь подомнетъ охотника, тотъ быстро запускаетъ руку въ пасть звѣря и хватаетъ его за языкъ подъ самый корень, и маневръ этотъ во первыхъ приводитъ звѣря въ полное недоумѣніе, а во вторыхъ не даетъ ему кусать; во время подоспѣвшая лайка или товарищъ выручаютъ охотника изъ опаснаго положенія. Лѣтомъ медвѣдей не бьютъ, развѣ только по крайней необходимости, если звѣрь повадится въ овсы или начнетъ задирать скотъ. Въ такомъ случаѣ мужикъ устраиваетъ возлѣ трупа задраной коровы л а в а с ъ, представляющій замаскированное вѣтвями сидѣнье на ближней соснѣ, на высотѣ $1^1/_2$—2 саженей надъ землей. Медвѣдь по самому строенію своего скелета ходитъ, уткнувшись носомъ въ землю, и почти не смотритъ по верхамъ, откуда ему вообще не грозитъ опасность. Охотнику остается только позаботиться, чтобы звѣрь не почуялъ его своимъ тонкимъ обоняніемъ или слухомъ. Забравшись заблаговременно въ лавасъ, онъ тихо сидитъ съ ружьемъ наготовѣ, прислушиваясь къ каждому треску. Медвѣдь подходитъ не сразу, а напередъ убѣждается по своему не грозитъ ли ему какая опасность, затѣмъ приближается лѣнивымъ шагомъ, оглядывается, прислушивается, и, наконецъ, рѣшается сѣсть за ужинъ. Тутъ его и прихлопываетъ въ самый лобъ пущенная вѣрною рукою пуля.

Обиліе воды въ видѣ болотъ, озеръ и рѣкъ (болѣе 14% всей площади губерніи) приводитъ къ тому, что кромѣ хлѣбопашества, лѣсного промысла и охоты, населеніе края почерпаетъ значительное количество своихъ жизненныхъ средствъ изъ воды. Рыба водится почти всюду, и не ловитъ ее только лѣнивый.

Частые недороды, скудные урожаи и дороговизна хлѣба вслѣдствіе дальнихъ разстояній и бездорожья привели къ тому, что населеніе края сильно налегло именно на такой свой рессурсъ какъ рыба, хищническій ловъ которой, вызываемый нуждой, привелъ уже къ тому, что олонецкія озера и рѣки замѣтно обѣднѣли рыбой, а иныя такъ уже и совсѣмъ лишились ея. Самая обыкно-

венная рыба это лосось, палья, форель, сигъ, хоріусъ, ряпушка, окунь, судакъ, ершъ, щука, плотва, корюшка, карась, лещъ, язь, налимъ, колюшка и другія, а послѣ прорытія Маріинскаго канала въ Онего, стали заходить изъ Волжскаго бассейна стерлядь и сомъ, да еще раки. Большая часть рыбы потребляется на мѣстѣ, но въ свѣжемъ и соленомъ видѣ она идетъ и въ Петербургъ, къ сожалѣнію все въ меньшемъ количествѣ. Прежде на одномъ верховьи Свири вылавливали въ осень до 40.000 сиговъ, а теперь цифра эта спустилась до 20.000, да и сигъ измельчалъ.

Естественному приросту рыбы, помимо хищническаго лова, немало вредитъ сплавъ бревенъ по олонецкимъ рѣкамъ: отмокающая съ нихъ кора ложится на дно и губитъ этимъ и своими выдѣленіями какъ водныя растенія, такъ и плавающій рѣчной планктонъ, т. е. всякую водяную мелочь, которою питается выклевавшійся изъ икры молодикъ. Довольно значительное разнообразіе рыбьихъ породъ, мечущихъ икру и размножающихся въ различныя времена года, приводитъ къ тому, что крестьяне часто ѣдятъ свѣжую рыбу, которую бабы плохо чистятъ и оставляютъ въ чешуѣ: оттого солитеръ рѣшительно царитъ отъ Онего до Бѣлаго моря.

Рыбу ловятъ разными способами и разнообразными снастями, начиная отъ громаднаго озернаго невода, принадлежащаго цѣлой семьѣ, артели или даже всему селенію, и кончая грубой плетушкой изъ ивовыхъ вѣтвей. Для ловли лососи, сига, тайменя, леща, окуня и пальи употребляютъ неводъ (рѣчной и озерный), требующій 4—12 человѣкъ и стоющій 30—75 р. Такими же неводами ловятъ зимой налима, пропуская снасть сквозь проруби подъ ледъ, для чего требуется 10—14 рыбаковъ. Кереводь или кереводь-снасть меньшихъ размѣровъ, съ которой управляются 3 ловца при одной лодкѣ, она требуетъ большой ловкости, зато даетъ богатый уловъ (до 20 пудовъ въ одну тоню). Стоитъ 35—60 р. Еще меньшихъ размѣровъ снасть того же типа это мутникъ, которымъ ловятъ на озерахъ ершей, для чего требуется двое ловцовъ; стоитъ эта снасть всего 6—12 р. Рѣже и почти исключительно для ловли снѣтковъ въ «бучилахъ», т. е. глубокихъ мѣстахъ, употребляютъ чапъ, похожій на озерный неводъ; при немъ 4 ловца, и стоитъ эта снасть 25—35 р. Къ дешевымъ снастямъ принадлежатъ калега, которымъ ловятъ по лудянистымъ и травянистымъ мѣстамъ «глупую» рыбу, т. е. окуня и плотву (стоитъ всего 2 р.) и бродникъ, которымъ ловятъ

всякую мелочь. Но главная снасть, отъ которой переводится рыба въ олонецкихъ водахъ, это сакъ, состоящій изъ 4-хъ сѣтей, прикрѣпленныхъ къ обручу въ сажень въ діаметрѣ такъ, что они заканчиваются остроконечнымъ мѣшкомъ. Снарядъ этотъ прикрѣпляется къ вбитому въ дно колу, и управляетъ имъ всего 1 ловецъ, добывающій до 2—20 фунтовъ рыбы при стоимости сака въ 1 р. Въ мелкоячеистый сакъ забирается корюшка, ершъ, окунь, а также молодь. Мужики сами сознаютъ вредъ этой снасти и тѣмъ не менѣе продолжаютъ пользоваться ею, привлекаемые простотою и легкостью лова. Изъ другихъ дешевыхъ снастей пользуются еще мережами и мердами, которыя ставятъ близъ берега въ концѣ хода, отгороженнаго отъ рѣки плетенымъ прибрежникомъ, т. е. длинной ширмой. При бѣдности мерды плетутъ даже изъ прутьевъ или дѣлаютъ изъ бересты. Наконецъ для ловли туржи, семги и нельмы употребляютъ поѣздокъ, который представляетъ тонкую почти квадратную сѣть, растягиваемую на вертикальныхъ шестахъ между двумя лодками; лодки двигаются параллельно одна другой, пока ловцы не замѣтятъ, что поѣздокъ загрузился, т. е. что рыба есть въ немъ; тогда сводятъ концы и вытаскиваютъ добычу.

Всѣ эти снасти крестьяне изготовляютъ сами изъ мѣстной конопли, которую только и разводятъ для этой цѣли. Плетенье сѣтей также распространено среди мужчинъ, какъ тканье у бабъ, и въ рѣдкой избѣ не застанешь мужика, ладящаго на досугѣ сѣть.

Кромѣ сѣтей, рыбу добываютъ лученьемъ съ острогой, именно лѣтними ночами въ лѣсныхъ озерахъ. На большихъ озерахъ палью ловятъ вдали отъ берега съ лодокъ на крючки съ наживкой. У берега удятъ обыкновенными удочками, ловятъ щукъ на блесны, на куски краснаго сукна съ крюкомъ внутри, а на Онегѣ и большихъ озерахъ закидываютъ продольники, длиной до 40—200 саженъ. Эта снасть соотвѣтствуетъ поморскому ярусу и представляетъ множество крючковъ съ наживкой, висящихъ на общей бичевѣ, привязанной концами къ кольямъ. Грузятъ ее такъ, чтобы крючая съ наживкой лежали на днѣ, а бичевка висѣла въ водѣ

Во многихъ мѣстахъ губерніи рыба въ такомъ же распространеніи, какъ хлѣбъ и иногда даже замѣняетъ его. Гдѣ народъ позажиточнѣе, тамъ рыбу солятъ въ прокъ обыкновеннымъ путемъ, т. е. въ кадкахъ, высотой въ 3—5 четверти, вмѣщающихъ 7—9

пудовъ рыбы. Крупную рыбу пластуютъ. Засолка, конечно, плохая, потому что рыбу чистятъ и моютъ кое-какъ, и соли кладутъ мало, да и то плохой. Только у карелъ по Финляндской границѣ, получающихъ оттуда контрабандную соль, засолка лучше. Неприхотливые аборигены не стѣсняются ѣсть рыбу съ запашкомъ, «ржавую», какою она неизбѣжно становится спустя 5—6 мѣсяцевъ послѣ плохой засолки. Вкусъ ея тогда прогорклый, отвратительный; но то ли еще ѣдятъ здѣсь въ голодные года. Если нѣтъ соли, рыбу сушатъ въ вольномъ духѣ, въ русской печи въ теченіе 12 часовъ на слоѣ песку. Такая сушь называется малья или молья и не портится при храненіи въ сухомъ мѣстѣ въ теченіе цѣлаго года. Въ голодные годы ее мелютъ въ муку, которую подсыпаютъ къ ржаной и пекутъ хлѣбы. Наконецъ рыбу еще вялятъ: почистятъ слегка, помоютъ, да не посоливши и раскладываютъ въ ведреную погоду по крышамъ; дня черезъ 3—5 рыба готова, а коли погода сырая вялятъ подъ крышей, на что уходитъ 10—14 дней. Коптить,—не коптятъ вовсе, только въ Даниловѣ коптятъ сиговъ, да и то для себя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Населеніе и его бытъ.

„Прислушайся къ шелесту ели, у корня которой стоитъ твое жилище“.

Финская поговорка.

Кто были первые обитатели этого озернаго края, откуда они появились и въ какомъ положеніи обрѣтались, все это какъ говорятъ историки, «скрыто во мракѣ временъ». Во всякомъ случаѣ a priori можно сказать, что по самымъ географическимъ условіямъ страны вторженіе новыхъ элементовъ, колонизація и смѣшенія совершились здѣсь медленно и сравнительно спокойно въ условіяхъ болѣе или менѣе однородной физической и культурной среды. Разныя открытыя здѣсь остатки доисторической эпохи доказываютъ, что страна была заселена въ тѣ времена племенемъ,

каменныя орудія и гончарныя издѣлія котораго обнаруживаютъ большое сходство съ такими же находками, открытыми въ Скандинавіи, вслѣдствіе чего было высказано предположеніе, что обитатели олонецкихъ дебрей медленно перемѣщались далѣе на западъ, уступая мѣсто новымъ пришельцамъ, разнымъ финскимъ народностямъ, живущимъ въ странѣ и по сейчасъ [1]). Этими финнами являлись карелы и чудь, подъ которой понимаютъ племена емь и весь, а нѣкоторые географическія названія (Лопскіе погосты въ западной части Повѣнецкаго уѣзда и на сѣверо-востокѣ Финляндіи) указываютъ, что временно здѣсь обитала и лопь, т. е. лопари, передвинувшіеся впослѣдствіи далѣе на сѣверозападъ. Вѣроятно, памятниками этихъ народностей являются курганы и высѣченныя на береговыхъ скалахъ Онежскаго озера у Бѣлаго Носа изображенія, какія встрѣчаются и далѣе на западѣ въ Финляндіи. Особенность края—обиліе рыбныхъ озеръ и рѣкъ, разсѣянныхъ среди дремучаго, трудно проходимаго лѣса, повела къ тому, что первобытные обитатели, явившіеся сюда, вѣроятно, бродячими охотниками, вскорѣ осѣли по берегамъ, кишѣвшихъ рыбою, озеръ, которыя обезпечивали ихъ пищею во всякое время года. Такимъ образомъ, вода, представляющаяся нашему воображенію эмблемой жизни и движенія, здѣсь, также, какъ въ знойныхъ и сухихъ низменностяхъ Месопотаміи и Египта, преобразовала подвижного лѣсного охотника въ осѣдлаго рыболова и земледѣльца. Такъ какъ люди весьма устойчивы въ своихъ привычкахъ и покидаютъ разъ избранное мѣстообитаніе, представляющее обыкновенно тѣ или иныя выдающіяся выгоды и преимущества, лишь подъ давленіемъ нужды, то можно думать, что дальнѣйшія поселенія Олонецкаго края стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они были заложены первыми насельниками края. Послѣ рыбы, облегчившей жителямъ переходъ къ осѣдлости, второе мѣсто въ хозяйственной жизни страны долженъ былъ занимать лѣсъ, особенно такіе участки его, въ которыхъ по преимуществу и притомъ постоянно держится та или другая дичь, и которые подъ названіемъ ловищъ представляли впо-

[1]) Съ другой стороны географическія имена воды въ предѣлахъ Петербургской губ. и древнее названіе Перми (Бьярма), примѣнявшееся къ странамъ, лежавшимъ далеко къ западу отъ нынѣшней Вятской и Пермской губ., указываютъ на возможность того, что эти финскія племена жили прежде въ этихъ мѣстахъ и могли быть вытѣснены финнами, явившимися изъ болѣе южныхъ областей.

слѣдствіи цѣнную недвижимость, переходившую изъ рода въ родъ. Въ область этой низшей звѣро-рыболовной культуры медленно вторгались элементы новой, высшей культуры, заносимой съ юга — хлѣбопашество и искусство обрабатывать металлы, нашедшее себѣ удобную почву на всемъ богатомъ желѣзными рудами сѣверѣ Европы. Многое заставляетъ думать, что первыя пашни были заведены въ Олонецкомъ краѣ славянскими колонистами изъ Новгородской области, начавшими селиться по берегамъ Свири еще въ XI в., а въ XII проникшими далѣе на берега Онежскаго озера, въ Обонежье и Заонежье (мѣстности на западъ отъ Онежскаго озера) и въ Заволочье (по р. Онегѣ). Въ тѣ времена страна, сплошь покрытая «мхами да болотами, дикими лѣсами, лѣшими рѣками, лѣшими озерами», изобиловала пушными звѣрями, мѣха которыхъ вымѣнивались у чуди и составляли замѣтную статью въ торговлѣ Новгорода съ западомъ и югомъ, и, вѣроятно, этотъ цѣнный товаръ привлекъ сюда первыхъ новгородскихъ промышленниковъ, за которыми, послѣ распространенія христіанства на Руси, здѣсь появились, охваченные рвеніемъ къ распространенію новой вѣры, пустынножители и просвѣтители чуди, какъ, напр., Кириллъ Челмогорскій, Александръ Ошевенскій и другіе, изъ жизнеописаній которыхъ видно, что они, помимо проповѣди просвѣщали финновъ и по части хозяйства, посѣкая и сожигая лѣса и творя на пожогѣ пашню, «матыкою» или «копарюгою» землю ораше». За піонерами торговли и проповѣдниками новой вѣры появились вскорѣ настоящіе хлѣбопашцы—тѣ славянскіе колонисты изъ Новгорода, которые приходили сюда, убѣгая отъ тѣсноты или отъ какихъ-нибудь другихъ неудобствъ, испытываемыхъ ими на родинѣ. Они шли сюда «пашенной земли искати, гдѣ бы можно было поселитися, жити, или пахати, дикій лѣсъ расчищати, деревни и починки на томъ лѣсу ставити». Эти славянскіе насельники отчасти оттѣснили финновъ на западъ и сѣверъ, отчасти ассимилировали ихъ, превративъ въ подобныхъ себѣ землепашцевъ. Славянскіе колонисты распространялись вдоль рѣкъ, и направленіе теченія главнѣйшихъ изъ нихъ — Онѣги и Сѣверной Двины было причиной почему полоса славянскихъ поселеній перерѣзала поперекъ сплошную вытянутую съ запада на востокъ область распространенія финновъ. Вотъ и Пермь (Бярма) финскія племена, встрѣчавшіеся въ древнія времена далеко западнѣе отъ мѣстъ своего нынѣшняго обитанія были такимъ образомъ навсегда отрѣзаны отъ

тѣхъ финновъ, которыхъ въ настоящее время собираютъ въ одну группу подъ именемъ Прибалтiйскихъ. На новой родинѣ старые, привычные прiемы хозяйства славянъ неизбѣжно должны были измѣниться соотвѣтственно требованiямъ новой географической среды: земельный просторъ и сравнительная безопасность позволяли селиться не сплоченными деревнями, а розно; обширные лѣса, среди которыхъ залегали клочки удобной подъ пашню почвы, способствовали дальнѣйшему дробленiю разроставшихся селенiй, жители которыхъ разселялись по округѣ при рыбныхъ озерахъ и удобныхъ рѣкахъ, не утрачивая связи со своей метрополiей, со своимъ родомъ, такъ что раскиданные на обширномъ пространствѣ новые починки и отдѣльные дворы, «сидѣнiя», сохраняли одно общее имя съ выдѣлившимъ ихъ селенiемъ, какъ это, напр., извѣстно для населенной мѣстности Ошта въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ небольшихъ поселенiй, раздѣленныхъ незаселенными пространствами. Кромѣ славянскихъ колонистовъ, выходившихъ изъ Новгородской области и разселявшихся вдоль по рѣкѣ Свири по Заонежью и Обонежью, славяне проникали сюда еще по Шекснѣ, постепенно распространяясь на сѣверъ къ Бѣлому морю вдоль Выга, Онѣги и Сѣверной Двины. Появленiе культурныхъ насельниковъ настолько подняло значенiе края, что уже вскорѣ въ немъ заводятся обширныя вотчины новгородскихъ бояръ, владыкъ и намѣстниковъ, жалующихъ земли монастырямъ Съ паденiемъ Новгорода (въ 1478 г.), земли по Онѣгѣ, т е. Заволочье входятъ въ составъ Каргопольскаго уѣзда, а Обонежье подчиняется Новгородскимъ воеводамъ, пока въ 1649 г. не возникаетъ особый Олонецкiй уѣздъ со своимъ воеводой, сидящимъ въ Олонцѣ, превратившемся благодаря сооруженiю крѣпости изъ погоста въ городъ. Впослѣдствiи вся эта область подвергалась неоднократнымъ административнымъ передѣламъ, поселенiя возводились въ рангъ городовъ или, наоборотъ, лишались этого званiя (при Екатеринѣ II стали городами Вытегра, Петрозаводскъ Лодейное поле, Пудожъ и Повѣнецъ), пока въ 1801 г. Олонецкая губернiя не была возстановлена въ нынѣшнемъ своемъ видѣ съ административнымъ центромъ въ Петрозаводскѣ

Суровая, но обильная естественными рессурсами, природа края въ высшей степени способствовала развитiю самодѣятельности культурныхъ славянскихъ колонистовъ. Безъ притока такихъ колонистовъ съ юга, мѣстная чудь, вѣроятно, долго влачила бы

жизнь лѣсныхъ дикарей, наподобіе нашихъ сибирскихъ инородцевъ. Но вооруженный топоромъ и инымъ желѣзнымъ снарядомъ славянинъ, энергичный, трудолюбивый хлѣбопашецъ, освоенный съ прочнымъ укладомъ стародавней хозяйственной жизни, не терялся въ покорной безпомощности среди лѣсныхъ дебрей. Подобно американскому трапперу онъ билъ дичь, добывалъ рыбу, рубилъ лѣсъ; опираясь на вольный осмысленный трудъ, онъ цѣною напряженныхъ усилій широко развивалъ свое хозяйство, въ случаѣ нужды сплочиваясь и соединяясь съ сосѣдями, и, вѣроятно, жилъ бы припѣваючи до сихъ поръ, еслибы подозрительность центральной власти не обрѣзала ему на каждомъ шагу крылья. Въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, заботились болѣе всего о двухъ вещахъ: о покорности и дани. Въ жертву этимъ божкамъ государственной мудрости прошлыхъ вѣковъ приносили все и прежде всего развитіе самодѣятельности.

Борьба съ природой и подчиненіе ея себѣ, въ цѣляхъ хозяйственнаго процвѣтанія, немыслимы въ такомъ суровомъ краѣ безъ участія общественной силы людей, соединенныхъ въ разнообразныя группы. При слабомъ развитіи этого начала въ отдѣльныхъ лицахъ, внутренняя необходимость выдвигаетъ на сцену такія силы, авторитетъ которыхъ подавляетъ всякія отдѣльныя эгоистическія стремленія. Такою соціальною силою, несшею на себѣ опредѣленную, несознаваемую ею миссію, явились на нашемъ сѣверѣ сперва монастыри, возникавшіе изъ поселеній пустынножителей при благочестивомъ содѣйствіи отдѣльныхъ сильныхъ людей, надѣлявшихъ ихъ угодьями и льготами, а впослѣдствіи, когда изъ монастырей былъ вышибленъ духъ независимой дѣятельности, роль концентраторовъ общественной нравственной и матеріальной энергіи взяли на себя раскольничьи скиты, изъ нихъ особенно Выговскій скитъ, пока и ихъ въ недавнее время не сокрушила та же сила, подъ ударами которой медленно гибло развитіе и падало культурное значеніе этой обители для русскаго сѣвера.

Къ 1 января 1896 г. общая численность населенія Олонецкой губерніи опредѣлялась цифрой 376.102 ч. (182.690 мужчинъ и 193.412 женщинъ) Это даетъ среднюю плотность въ 3,2 ч. на 1 кв. в., причемъ по уѣздамъ она колеблется между 6,3 (Петрозаводскій у.) и 0,8 ч. на 1 кв. в. (Повѣнецкій у.), т. е. всего гуще населены мѣстности на юго-западѣ губерніи, по Свири. Такимъ образомъ, Олонецкая губ. по плотности населенія превосходитъ одну только Архангельскую. Подавляющее большинство жителей

принадлежитъ къ крестьянскому сословію (327.201 ч.), особенно мало въ этомъ краю помѣщиковъ. «Однимъ мы бѣдны—помѣщиками, да тѣмъ-то мы и богаты!» справедливо шутятъ мѣстные аборигены. Этотъ перевѣсъ крестьянства проявляется, между прочимъ, въ томъ, что былины о Микулѣ Селяниновичѣ сохранились только здѣсь. По племенному составу населеніе Олонецкой губерніи до сихъ поръ распадается на три главныхъ группы: русскихъ (289.531 ч.), карелъ (62.695) и чудь (19.917) [1]. Карелы заселяютъ сплошною массой западную часть губерніи, смежную съ Финляндіей (почти весь Олонецкій у., с.-з. части Петрозаводскаго и Повѣнецкаго уѣздовъ), а чудь сидитъ въ ю.-в части Лодейнопольскаго у. (верхнее теченіе р. Ояти) и нѣсколькими селеніями перекидывается въ Вытегорскій у. Остальныя пространства, къ стати сказать, лучшія, заняты русскими, но что и тутъ сидѣли финны, которыхъ русскіе оттѣснили на западъ и сѣверо-западъ или ассимилировали, доказывается тѣмъ, что подавляющее большинство названій рѣкъ, озеръ, а также поселеній не русскія, а финскія. Карелы настолько обрусѣли, что своимъ бытомъ мало отличаются отъ русскихъ: домъ, одежда, хозяйство, пища— все то же самое, и только нѣсколько большій ростъ (а иногда меньшій), типъ и окраска волосъ и глазъ, да карельскій языкъ отличаютъ карела отъ славянина. Здѣшніе русскіе большею частью средняго роста, сложены довольно пропорціонально и стройны (карелы часто массивнѣе), черты лица правильныя и часто красивыя, особенно у женщинъ, сохранившихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ славянскій типъ въ большей чистотѣ; волосы русые или бѣлокурые, а глаза чаще всего сѣрые. По характеру это чистые славяне: они добродушны, экспансивны въ весельи и ссорахъ, съ нѣкоторой лѣнцой, пока не раззадорятся на работѣ, а раззадорившись, олончанинъ работаетъ со страстью и воротитъ за двоихъ. Тяжелыя условія жизни въ мѣстности, гдѣ каждую пядь пашни надо было брать съ бою, цѣною жестокихъ усилій, выработали въ олончанахъ упорство и предпріимчивость, а разнообразіе занятій, среди которыхъ не малую роль играютъ охота, рыболовство и отхожіе промыслы, вызывающіе передвиженія и смѣну ра-

---

[1]) Такое точное дѣленіе можетъ быть основываемо только на языкѣ, потому что въ бытѣ своемъ карелы и чудь сильно обрусѣли, числятся православными и большею частью, кромѣ финскаго языка, говорятъ по-русски.

ботъ и впечатлѣній, развило въ олонецкомъ крестьянинѣ извѣстную непосѣдливость, въ силу чего онъ неохотно или даже вовсе не берется за сидячую работу; такъ, сапожниковъ и портныхъ изъ мѣстныхъ жителей здѣсь не встрѣтишь, развѣ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, откуда они приходятъ на заработки въ Заонежье. Подвижность характера создаетъ промышленника, подвижность умѣренная рождаетъ купца, и потому въ Петербургѣ не мало купцовъ изъ олонецкихъ крестьянъ, особенно изъ числа богатыхъ раскольниковъ, ворочающихъ подчасъ большими предпріятіями. Удаленность края, разбросанность поселеній и сравнительно малое значеніе его послѣ того, какъ растворилось «окно въ Европу», отсутствіе помѣстнаго дворянства и, наконецъ, непрерывно воспитывающее воздѣйствіе суровой природы привели къ тому, что нѣкоторая доля славянской простоты, самостоятельности и чувства собственнаго достоинства сохранились еще въ характерѣ здѣшняго населенія.

«Сознаніе личнаго человѣческаго равенства до такой степени сильно развито въ Олонецкой губерніи, пишетъ долго жившій въ этомъ краѣ Приклонскій, что въ деревняхъ крестьянинъ, встрѣчаясь со становымъ или исправникомъ, непремѣнно жметъ ему руку. Мнѣ самому приходилось видѣть, какъ крестьяне протягивали руку губернатору, и были очень сконфужены, не встрѣчая съ его стороны желанія отвѣчать рукопожатіемъ. Даже городская, лакейская муштра съ трудомъ отучаетъ домашнюю прислугу изъ крестьянъ отъ равнаго обращенія съ лицами высшихъ городскихъ классовъ. Напримѣръ, въ Петрозаводскѣ у меня нѣсколько лѣтъ жила, въ качествѣ домашней прислуги, старушка крестьянка, которая каждому, приходящему ко мнѣ гостю подавала руку и вступала въ разговоръ».

Мнѣ также, при частыхъ остановкахъ на ночлегъ и дневку въ крестьянскихъ домахъ, приходилось наблюдать это развитое чувство собственнаго достоинства, связанное съ радушнымъ и деликатнымъ гостепріимствомъ, въ которомъ не сквозило ни малѣйшаго желанія подладиться или сорвать лишнее съ прохожаго человѣка. Придешь, бывало, на ранней утренней зарѣ, подымешь со сна громкимъ стукомъ (вставали и ставили самоваръ всегда старухи) — и ни тѣни неудовольствія. Часъ спустя послѣ знакомства, чувствуешь себя совершенно какъ дома, а черезъ день отношенія уже таковы, точно сто лѣтъ были знакомы на равной ногѣ. И дѣйствительно—помѣщиковъ тутъ не было, не имѣли

мѣста, слѣдовательно, зуботычины, ломаніе шапокъ, дранье на конюшнѣ и прочія прелести крѣпостного права.

Среди карелъ я замѣтилъ три типа. Два типа свѣтлыхъ и одинъ темный. Изъ свѣтлыхъ одинъ таковъ: высокій ростъ, часто массивное сложеніе, лице съ правильнымъ оваломъ и моделировкой, съ нѣсколько горбатымъ носомъ, глаза водянисто-бѣлые, волосы различныхъ оттѣнковъ, иногда съ рыжимъ оттѣнкомъ и порою паклеобразные. Второй—свѣтлый типъ—низкаго роста, костляво-корявяго сложенія, съ угловатымъ, широкимъ, плоскимъ лицомъ, которое сильно уродуютъ широкій вдавленный носъ и выступающія скулы. Темный типъ, встрѣчающійся рѣже, напоминаетъ нѣсколько зырянъ или мордву—особенностью его является высокій ростъ при массивномъ сложеніи, темные, прямые волосы и каріе глаза. Кажется, глаза эти съ искорками, т. е. съ черными и иными пятнышками, какія я видалъ иногда у малороссовъ. По характеру карелы нѣсколько замкнутѣе и молчаливѣе русскихъ, хотя они далеко не такъ угрюмы и нѣмы, какъ финны, которыхъ я встрѣчалъ въ Выборгской губерніи. Но это отнюдь не мѣшаетъ имъ быть столь же радушными, какъ русскимъ. Повидимому, карелы выгодно отличаются отъ русскихъ большею практичностью и любовью къ порядку и чистотѣ.

Говорятъ, что олончане большіе щеголи и любятъ пріодѣться, особенно по праздникамъ. Однако, обычная одежда заонежскихъ крестьянъ настолько обща, что какія либо особенности костюма не бросаются въ глаза.

Близость столицы, которую крестьяне навѣщаютъ часто—иной побывалъ въ Питерѣ разъ 30—40 на своемъ вѣку, привела къ тому, что старый русскій костюмъ рѣшительно вытѣсняется городскимъ: мужики поголовно носятъ поверхъ рубахи суконные «пинжаки», на головахъ фуражки, а дѣвушки и молодыя замужнія женщины, особенно первыя, вмѣсто сарафановъ, въ которыхъ щеголяютъ пожилыя бабы и старухи, носятъ ситцевыя и шерстяныя платья уродливаго городскаго покроя. Что касается рисунка тканей, то карелы, подобно финнамъ, отличаются любовью къ прямому рисунку, т. е. къ клѣткамъ, тогда какъ русскіе рѣшительно предпочитаютъ «цвѣточки», «пукеты» или знаменитые «огурчики». «Клѣтки» это своя старина, когда холстина ткалась и красилась дома; «пукеты», «цвѣточки» и «огурчики», несомнѣнно, восточнаго происхожденія и указываютъ, что русскіе издавна успѣли полюбить ткани, получавшіяся съ Востока. Впрочемъ, карелы, по-

добно русскимъ, любятъ красныя кумачевыя рубахи. Поверхъ сарафана женщины носятъ шугай со множествомъ складокъ въ таліи на спинѣ, осенью—кафтанъ, а зимой полушубочекъ, крытый штофомъ или плисомъ. Волосы, заплетенные въ двѣ косы, бабы укладываютъ на головѣ вѣнкомъ, прикрывая его ситцевымъ чепчикомъ или повойникомъ, а въ праздникъ на чепчикъ надѣваютъ «колпачекъ» или «моду», т. е. шелковую косынку. Не малую роль въ женскихъ головныхъ уборахъ играетъ въ богатыхъ семьяхъ жемчугъ, который, какъ извѣстно, до сихъ поръ не перевелся въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ [1]). Бабы носятъ его въ видѣ сѣтокъ, а дѣвушки въ видѣ «повязокъ», т. е. лентъ пальца въ два шириной, усыпанныхъ жемчугомъ. Такія повязки переходятъ изъ рода въ родъ и оцѣниваются иногда, смотря по качеству жемчуга, въ сотни рублей.

Русскія поселенія расположены обыкновенно при рѣкахъ и озерахъ, вѣроятно потому, что заселеніе края происходило именно по этимъ естественнымъ дорогамъ, «которыя, по выраженію Паскаля, сами движутся и несутъ, куда желаешь». Такіе поселки имѣютъ часто двойное названіе, составленное чаще изъ финскаго имени рѣки или озера съ присоединеніемъ русскаго слова наволокъ [2]), губа, рѣка, озеро, палъ, чупа [3]); напр. Пертъ-наволокъ, Лобъ-наволокъ. Пергуба, Острѣчье, Грихневъ-палъ. Карельскія поселенія, наоборотъ, чаще располагаются на высотахъ, на сельгахъ или на островахъ среди озеръ, откуда и названія ихъ: Хомсельга, Мансельга, или Кюлосари. Вѣроятно они возникли еще въ тѣ отдаленныя времена, когда люди больше опасались сосѣдей, чѣмъ сближались съ ними. Деревни и поселки раскидываются широко, нѣтъ того, чтобы избы лѣзли одна на другую, съ узкими проходами между. Громадныя жилыя постройки окружены хозяйственными строеніями, потому что даже у небогатаго крестьянина есть рига, амбаръ, баня, а то и мельница. Жилая изба представляетъ высокое, двухъ и даже трехэтажное строеніе.

---

[1]) Отсюда и древнее названіе его—бурмитское зерно, т. е. бьярмское пермское (Бьярма у древнихъ финновъ и скандинавовъ — Пермь), между тѣмъ какъ слово жемчугъ, повидимому, китайское и проникло къ намъ вмѣстѣ съ восточнымъ жемчугомъ черезъ монголъ.

[2]) Наволокомъ называется съуженная часть прихотливо изрѣзаннаго озера или губы, особенно удобная для переправы.

[3] Чупа—тупой конецъ озера.

часто съ затѣйливымъ балкономъ подъ острой крышей, на которомъ лѣтомъ висятъ, вялясь на солнцѣ, куски мяса.

У русскихъ оба этажа заняты жилыми комнатами, которыхъ обыкновенно двѣ внизу и двѣ наверху, соединенныхъ лѣстницей въ сѣняхъ. У бѣдныхъ изба состоитъ всего изъ одной горницы и сѣней. У карелъ нижнiй этажъ почти всегда не жилой, а занятъ подпольницей, т. е. кладовой, въ которую спускаются черезъ опускную дверь, сдѣланную въ полу на днѣ рундука-привалка (лавка, а подъ ней сундукъ), помѣщающагося возлѣ и вдоль печи. Комнаты высокiя, большiя и свѣтлыя, такъ какъ въ большой, гдѣ стоитъ громадная русская печь, 5 или 6 оконъ, а въ

Карельская изба (видъ сбоку).

комнатѣ рядомъ, которая поменьше и обыкновенно оклеена обоями, съ бѣленымъ потолкомъ, увѣшана иконами, картинами и уставлена лучшей, часто мягкой мебелью стариннаго фасона, 2—3 окна (см. планъ избы). Надъ окнами у раскольниковъ нерѣдко выведены черной краской и сурикомъ надписи: «Христосъ съ нами уставися, всегда и днесь тѣмъ же и во вѣки. Аминь». Громадная русская печь занимаетъ чуть не четверть большой горницы. Она покоится на срубѣ, чисто выбѣлена и, кромѣ рундука на передней сторонѣ, имѣетъ на выступающемъ въ избу углѣ высокiя, узкiя полки и столбъ, въ который вбитъ желѣзный трезубецъ для лучины. Этотъ печной столбъ—мѣсто невѣсты, когда она голоситъ заплачку къ родному очагу. Отъ верха печи вдоль и поперекъ всей избы тянутся подъ потолкомъ длинныя полки,

называемыя воронцами. Печи имѣютъ трубы, но, должно быть существуютъ еще избы, выстроенныя по черному, гдѣ дымъ уходитъ въ прорубленное въ потолкѣ окно, запираемое ставнемъ и подпирающей его палкой (трубникъ). Двери, ведущія въ чистую горницу, нерѣдко выкрашены въ бѣлый цвѣтъ и украшены выпуклой рѣзьбой—«пукетомъ» фантастическаго вида и цвѣта. Нерѣдко эта комната перегорожена ситцевой занавѣской на двѣ половины, представляя такимъ образомъ соединеніе гостиной со спальней. Въ домѣ сельскаго богача комнатъ, конечно, больше, и поражаютъ онѣ посѣтителя не столько убранствомъ, сколько царящими въ нихъ чистотой, порядкомъ и хозяйственностью. На окнахъ виднѣются въ горшкахъ цвѣты на стѣнахъ, кромѣ фотографическихъ карточекъ хозяина и домочадцевъ (въ полномъ парадѣ, конечно), висятъ зеркала, а то писанная масляными красками, пріобрѣтенная по случаю въ Питерѣ картина рядомъ съ литографированными видами Соловецкой обители. Крашеный или бѣлый полъ начисто вымытъ и выметенъ и также опрятна мебель краснаго дерева и стариннаго фасона, покрытая какой-нибудь недоступной дѣйствію времени матеріей изъ волоса. Встрѣчается однако и мягкая мебель новаго фасона. Какъ бы ни была скромна обстановка этой комнаты, но въ ней всегда есть двѣ необходимыхъ принадлежности ея — иконы и стеклянный шкапъ, вмѣщающій большее или меньшее количество росписной фарфоровой посуды для чая и серебра (буде такое есть), которыя тщательно моются послѣ всякаго чаепитія. У зажиточныхъ раскольниковъ иконы собраны нерѣдко въ особой молельнѣ или «кельѣ», помѣщающейся въ «надстроѣ», т. е., въ третьемъ или четвертомъ этажѣ. Тутъ кромѣ иконъ хранятся старинныя книги, и сюда хозяинъ уединяется для чтенія и молитвы, «спасается», а то соберутся и сосѣди «помолитствовать». Прежде эти кельи отличались богатымъ убранствомъ своихъ иконъ, но частые погромы, послѣ которыхъ иконы съ цѣнными окладами дѣвались «неизвѣстно-куда» или лишались своихъ украшеній, заставили собственниковъ ихъ прятать свои святыни отъ чужого завистливаго взгляда.

У карелъ холодныя сѣни съ лѣстницей и чуланомъ отдѣляютъ отъ жилыхъ комнатъ громадное двухэтажное помѣщеніе, гдѣ въ верхнемъ этажѣ помѣщается сѣноваль и держатъ разныя хозяйственныя вещи, а внизу находятся помѣщенія для скота. Для въѣзда во второй этажъ сѣновала устраивается накатъ съ широкими воротами это «съѣздъ». Сѣни или «связь» замѣняютъ карелу лѣтнія

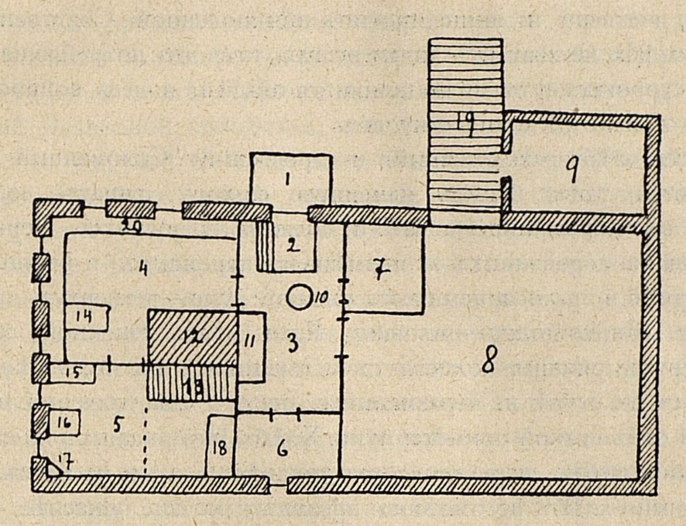
Внѣшній видъ карельской избы.

горницы, какія есть у русскихъ; здѣсь стоитъ его широкая постель съ холщевымъ пологомъ, ушатъ съ водой и сюда открываются двери во всѣ четыре стороны: по лѣстницѣ внизъ на крыльцо, въ горницу, на сѣновалъ и, наконецъ, въ чуланъ, гдѣ его баба хранитъ свои молочные и иные продукты. Замѣчательно, что у карелъ почти всегда есть кровати, тогда какъ русскіе оказываютъ предпочтенье къ спанью прямо на полу, либо на тюфякахъ, либо на овчинахъ.

Точно также у карелъ чаще встрѣчаются теплыя помѣщенія для скота, больше чистоты и хозяйственности въ домѣ, что слѣдуетъ прыписать если не сосѣдству смежной Финляндіи, то болѣе трезвому, матеріальному складу мышленія карелъ, предъявляюшихъ больше требованій къ житейской обстановкѣ. Впрочемъ, большая зажиточность и даже культурность карелъ наблюдается лишь въ болѣе густо населенныхъ южныхъ частяхъ. Далѣе на сѣверѣ полудикое карельское населеніе живетъ среди топей и дебрей въ ужасающей бѣдности, почти въ условіяхъ чисто натуральнаго хозяйства; даже желѣза мало. Причина тому рѣдкое населеніе, дальнія разстоянія и бездорожье, не говоря про скудную природу, съ которой карелъ при всемъ напряженіи силъ едва въ состояніи собрать скудную дань. Дворовъ съ воротами и огородовъ у карелъ нѣту, но есть широкія и чистыя деревенскія улицы, проходя по которымъ нѣтъ надобности зажимать носъ, ограждая органъ обонянія отъ запаха коровьяго навоза. Дальше на сѣверѣ, гдѣ зимы холоднѣе, карелы заколачиваютъ окна до половины досками и смазываютъ пазы избъ смѣсью глины или толченаго мрамора съ навозомъ, чтобы изба лучше держала тепло. Благодаря обилію лѣса, всѣ постройки крыты тесомъ, а у богатыхъ обшиты имъ и выкрашены въ темнокрасный цвѣтъ и самыя избы

Обиліе строевого и дровяного лѣса и близость воды позволяютъ каждому хозяину имѣть баню. Впрочемъ бываетъ, что нѣсколько хозяевъ пользуются обіцей баней. Въ баню ходятъ очень часто, кажется даже, чуть ли не каждый день. Лѣтомъ мытье въ банѣ связано съ купаньемъ, такъ какъ попарившись, лѣзутъ въ рѣку, а зимой валяются въ снѣгу. Должно быть, потребность въ банѣ вызывается обиліемъ насѣкомыхъ—комаровъ на воздухѣ и клоповъ въ избахъ, отъ которыхъ при всей любви къ чистотѣ почти невозможно отдѣлаться въ щелистой бревенчатой постройкѣ.

Что касается пищи, то главными элементами ея являются хлѣбъ, рыба, рѣпа, дичь. Своего хлѣба, чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ хватаетъ на меньшее время, и его приходится прикупать. Особенные охотники до «мучнины», т. е. мучныхъ блюдъ, карелы, у которыхъ немало сортовъ ихъ—калитки, кокачи, рыбники съ разной начинкой, овсяные блины съ житной кашей, овсяной кисель съ молокомъ (чупука). Хлѣбъ карелы пекутъ пополамъ изъ ржаной и овсяной муки. Рыбу ѣдятъ больше въ вареномъ видѣ, а



Планъ карельской избы.

(второй этажъ): 1. Крыльцо. 2. Лѣстница. 3. Сѣни. 4. Горница. 5. Чистая горница. 6. Кладовая хозяйки. 7. Кладовая. 8. Сарай, подъ нимъ помѣщеніе для скота. 9. Помѣщеніе для скота. 10. Ушатъ съ водой. 11. Постель. 12, 13. Печь. 14. Столъ. 15. Шкапъ съ посудой. 16. Столъ. 17. Иконы. 18. Постель. 19. Въѣздъ. 20. Лавки.

изъ овощей рѣшительно преобладаетъ рѣпа (печеная, рѣже вареная), для посѣва которой выжигаютъ на подсѣкѣ мелкій березнякъ, она такъ и называется—подъ рѣпу; такая подсѣка годна только на одинъ разъ. Изъ остальныхъ овощей изрѣдка встрѣчается картофель, все же остальное какъ напр. горохъ, капуста, не выдерживаетъ іюльскихъ морозовъ. Изъ рѣпы приготовляется обычный карельскій напитокъ—рѣпной квасъ. Дичи, несмотря на обиліе ея, ѣдятъ мало. Въ неурожайные годы недостатокъ хлѣба; дороговизна его и бездорожье часто доводятъ населеніе до формальнаго голода, о которомъ рѣдко приходится слышать, такъ

какъ этимъ заброшеннымъ краемъ интересуются мало, а про здѣшнее земство, состоящее, при отсутствіи дворянства и кающихся дворянъ, больше изъ чиновниковъ и купцовъ (они же кулаки), нельзя сказать, что бы оно принимало близко къ сердцу интересы массы, оно больше исполняетъ «волю пославшаго мя». Оттого населеніе справляется съ голодомъ само какъ умѣетъ. Опишемъ здѣсь тотъ удивительный древесный и иной хлѣбъ, кокорымъ олонецкіе жители въ голодный годъ умудряются замѣнять настоящій; цѣны на хлѣбъ подымаются въ такое время втрое, вчетверо и выше противъ обыкновенной. Собственно говоря, хлѣба не хватаетъ почти всегда, такъ что потребленіе хлѣбнаго суррогата чуть ли не вошло въ обычай, и весь вопросъ сводится только къ количеству его.

Есть хлѣбъ «соломенный» и «древесный». Соломенный приготовляется такъ: берутъ ячменную солому, сушатъ ее, толкутъ въ деревянной ступѣ и мелятъ на ручныхъ жерновахъ (иногда на деревянныхъ за неимѣніемъ каменныхъ) и къ полученной трухѣ и пыли присыпаютъ ржаной муки—четвертую часть, у болѣе зажиточныхъ—половину. Если нѣтъ ячменной соломы, то берутъ ржаныя колосья съ оставшимися въ нихъ сѣменами, толкутъ въ ступѣ и, неразмалывая, пекутъ изъ толченой мякины хлѣбъ безъ всякой примѣси муки. Хлѣбъ изъ ржаныхъ колосьевъ, конечно, грубѣе, переваривается труднѣе и хуже на вкусъ. «Соломенный» хлѣбъ несомнѣнно вреденъ, но еще ужаснѣе хлѣбъ «древесный». Весной, почему то непремѣнно послѣ перваго грома, сдираютъ съ сосенъ кору, отдѣляютъ внутренній бѣловатый нѣжный слой отъ корки, сушатъ на горячихъ угольяхъ, чтобы «духъ смоляной выгорѣлъ», пока масса не приметъ красноватый цвѣтъ, потомъ ее толкутъ, мелятъ и, смѣшавъ съ мукой ($^1/_4$ или $^1/_2$), пекутъ изъ нея хлѣбъ. Это происходитъ обыкновенно весной, когда уже и соломы нѣтъ. Наконецъ послѣдній суррогатъ, придуманный злополучнымъ олончаниномъ, это «корява», сосновая каша, т. е. та же сосновая пыль, которую за неимѣніемъ муки, всыпаютъ въ молоко. Вотъ этимъ сѣрымъ клейстеромъ и питаются люди... Вынести эту пищу могутъ только исключительно крѣпкіе животы. Обыкновенно же потребленіе ея производитъ опухоль, а затѣмъ смерть. Изъ напитковъ чай не въ такомъ распространеніи какъ въ другихъ частяхъ Россіи, въ западныхъ уѣздахъ его замѣняетъ плохой кофе, который также какъ и соль, доставляется контрабандой изъ Финляндіи. Вино также въ меньшемъ

употребленіи по той же причинѣ, какъ табакъ — много старовѣровъ.

«Но и эта постоянная безхлѣбица, замѣчаетъ Майновъ, не можетъ удержать земледѣльческаго зуда, и просто диву даешься иной разъ, когда верстъ за 20 отъ селенія вдругъ вынырнетъ изъ за лѣса огнище съ посѣвомъ, а слѣдовательно и «подсѣчка государственнаго имущества».

Плохая и недостаточная пища, суровый и влажный климатъ, обиліе болотъ, отсутствіе врачебной помощи все соединилось для того, чтобы предать населеніе края во власть разныхъ повальныхъ и иныхъ болѣзней, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ тифу и оспѣ. Противъ оспы, которую народъ называетъ Марьей Ивановной, олончане, кажется, ничего не имѣютъ, потому что жертвой ея чаще всего падаютъ дѣти, а большое количество дѣтей въ народѣ отнюдь не считается благословеніемъ свыше. Одинъ изслѣдователь края говоритъ, что когда она появляется въ селеніи, то вся деревня отъ мала до велика собираетъ дары и отправляется въ зараженную избу. «Здравствуй матушка, Марья Ивановна! здравствуй на многія лѣта! Благодарствуй, что посѣтила насъ, рабовъ твоихъ покорныхъ, не будь ты намъ злою мачихой, будь родной матерью! Ты лики порти, да въ гробы не складывай! Не побрезгуй дарами нашими!» Все это сопровождается учащенными поклонами, и дары подносятся больному, который долженъ всенепремѣнно отвѣдать ихъ: и рыбничка, и водочки, и всего такого. Затѣмъ дары съѣдаются присутствующими, а больного ведутъ въ до безобразія натопленную баню, гдѣ незараженные отъ жару завязываютъ себѣ глаза и на руки надѣваютъ рукавицы и «выпариваютъ желанную гостью»,— «а то матушка по Россіи бродивши овшивѣла». Иной отъ такого леченья выздоровѣетъ, а иной (чаще) помретъ» [1]). Любопытно, что въ здѣшнемъ краѣ оспу олицетворяютъ въ образѣ какой-то Марьи Ивановны; сибирскимъ инородцамъ эта болѣзнь тоже представляется въ видѣ старухи, разъѣзжающей по тундрѣ на красныхъ собакахъ. Тифъ свирѣпствуетъ больше зимой, весной же начинается сезонъ лихорадки, «веснухи». Здѣсь, какъ и вездѣ на Руси, эту хворь распредѣляютъ между 12-ю дѣвицами — «простоволосыя трясавицы, лукавыя, окаянныя, видѣніемъ престрашныя»; вотъ они: знобиха, ломиха, тугота, коркота (жаба), черная (пятнистый тифъ), огненная, томиха (мигрень), сухота, искрѣпа, си-

[1]) Майновъ стр. 272.

няя, зеленая, смертнозримая. Въ число этихъ болѣзней входятъ, конечно, не однѣ лихорадки, а разнообразныя болѣзни вплоть до апоплексіи (смертнозримая). Далѣе не малое мученіе представляютъ разныя накожныя болѣзни, поражающія особенно часто малолѣтнихъ ребятъ и проистекающія отъ грязной и дурной пищи. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ «своробa», головная сыпь. Эти болѣзни, подобно оспѣ, также чаще всего лечатъ просто баней.

Языкъ, которымъ говорятъ олончане, подобно многому другому, сохранился въ большей чистотѣ. Онъ заключаетъ немало древнихъ словъ и свободнѣе отъ примѣси словъ иностранныхъ и словъ тюркскаго корня, зато принялъ въ себя много корельскихъ словъ. Встрѣчаются, впрочемъ, офенскія слова а у ладвинскихъ стекольщиковъ есть свой такой же «билямскій» языкъ. Характерную особенность олонецкаго говора составляютъ именно эти слова и заимствованная, вѣроятно, тоже у финновъ манера переносить удареніе подальше отъ конца: пóйдемъ, ýшелъ, нê могу, вóда: этимъ особенно отличается заонежско пудожскій говоръ; далѣе олончанинъ любитъ смягчать гласныя (а въ я, у въ ю послѣ ц), и согласныя (ч въ ц), напр. вмѣсто чудо говоритъ цюдо, вмѣсто молодица—молодиця, цитать вмѣсто читать. Въ олонецкомъ говорѣ, покрайней мѣрѣ въ заонежьѣ, нѣтъ бканокъ, и въ связи съ этимъ рѣчь часто льется нараспѣвъ, особенно любятъ речитативъ бабы. Неправильности или скорѣе правильности тѣ же, что вездѣ на сѣверо-западѣ: сохранилось двойственное число, въ дательномъ и предложномъ вмѣсто ѣ - и или ы (въ избы, въ городи), творительный сходенъ съ дательнымъ (взялъ рукамъ вмѣсто руками), въ глагольныхъ формахъ часто опускается окончаніе (не хоче, не пóйде). Населеніе Обонежья сохранило до новѣйшаго времени богатую народную поэзію, особенно эпическую, не только русскую но и финскую. Русскія былины собраны здѣсь Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, а причитанія—Барсовымъ. Изъ 400 былинъ кіевскаго цикла 300 записаны въ Олонецкой губерніи, а былины о Микулѣ сохранились только здѣсь. Извѣстные «сказители» былинъ Рябинины, отецъ и сынъ, олонецкіе крестьяне. Финскіе собиратели (Кастренъ, Европеусъ, Альквистъ и другіе) также нашли здѣсь въ приходахъ Репола и Химола наиболѣе богатый послѣ прихода Вуоккиніэми (Архангельской губ.) матеріалъ, вошедшій въ сборникъ финскихъ былинъ, носящій общее названіе «Калевала».

Экономическое положенiе населенiя, конечно, нельзя признать удовлетворительнымъ, хотя вообще олонецкiе крестьяне пользуются большимъ достаткомъ и живутъ во всѣхъ отношенiяхъ лучше своихъ собратьевъ въ разныхъ рязанскихъ и калужскихъ палестинахъ. Основу крестьянскаго благосостоянiя составляетъ здѣсь земледѣлiе, а промыслы составляютъ лишь извѣстное подспорье, къ которому крестьяне прибѣгаютъ или для покрытiя разныхъ нехватокъ въ хозяйствѣ, или же занимаются ими между прочимъ, походя, какъ напр. охотой. При такомъ положенiи дѣла все зависитъ, разумѣется, отъ количества и качества земельныхъ угодьевъ и отъ численности скота. Выше мы уже видѣли, что послѣдняя статья одна изъ самыхъ важныхъ, потому что обработка постоянныхъ пашень здѣсь совершенно невозможна безъ удобренiя, а количество скота опять таки зависитъ отъ площади сѣнокосовъ, участки которыхъ нерѣдко разбросаны клочками на громадномъ пространствѣ въ разстоянiи 10—20 верстъ отъ селенiя. Потому то всякiй недородъ сѣна является здѣсь настоящимъ бѣдствiемъ, которое иные мужики стараются смягчить тѣмъ, что замѣняютъ сѣно березовымъ листомъ, который они собираютъ уже въ iюнѣ, сушатъ и затѣмъ скармливаютъ зимою скоту. Въ отношенiи достатка мѣстные крестьяне довольно рѣзко распадаются на три группы: богачи (дикiе богачи, какъ ихъ зовутъ здѣсь), справные хозяева и, наконецъ, голь перекатная. При земледѣльческой культурѣ распредѣленiе на эти три группы стоитъ въ прочной связи съ владѣнiемъ землей, и постепенная концентрацiя лучшихъ земельныхъ участковъ въ рукахъ богачей является причиной возростанiя контингента «перекатной голи». Формы землевладѣнiя въ Олонецкой губернiи, въ зависимости отъ способовъ хозяйства, довольно разнообразны и уже давно представляли собою извѣстное сочетанiе общиннаго начала и начала личнаго владѣнiя. Въ давнопрошедшiя времена преобладало «волостное владѣнiе». Это была эпоха подсѣкъ. Обилiе земли позволяло всякому расширять свои участки въ зависимости отъ количества рабочихъ рукъ въ семьѣ. Въ принципѣ земля была общая, «волостная», но каждый заводилъ и обрабатывалъ свои подсѣки, какъ собственникъ. Съ теченiемъ времени лучшiя подсѣки и осушенныя болота перешли въ разрядъ «постоянныхъ пашень», начался перiодъ «трехполья», который въ скоромъ времени привелъ къ тому, что начало личнаго владѣнiя взяло верхъ надъ «волостнымъ» и «общиннымъ» и лучшiя земли перешли въ собственность немно-

гихъ богачей, которые завладѣли ими «обыкновенными способами», а не тѣмъ, что затратили собственныя силы на превращеніе этихъ участковъ изъ подсѣкъ въ разрядъ постоянныхъ пашень. Такіе участки, созданные собственными усиліями изъ подсѣкъ и болотъ, будутъ ли то пашни или сѣнокосы, до сихъ поръ нерѣдко остаются въ личномъ владѣніи и переходятъ по наслѣдству. Упомянутая выше мобилизація земель и возростаніе численности населенія создали вскорѣ столь невыносимыя условія, что наступила необходимость какъ нибудь раздѣлаться съ возникшимъ неравенствомъ. И вотъ тогда то всплыло наверхъ общинное начало, которое навремя взяло перевѣсъ надъ личнымъ, причемъ дѣло не обошлось безъ вмѣшательства правительственной власти, которой «личное владѣніе» приходилось не по вкусу—съ обезземеленной голытьбы не соберешь податей. Первый передѣлъ земли, возстановившій нарушенное равновѣсіе, произошелъ въ царствованіе Екатерины II, и благодаря ему община возобладала. Многое однако заставляетъ подозрѣвать, что процессъ земельной мобилизаціи, задержанный въ свое время правительствомъ, не прекратился, а вновь начинаетъ свою работу,—созидательную съ одной стороны, разрушительную съ другой. Число лицъ, забирающихъ въ волостяхъ билеты и уходящихъ на промыслы, растетъ годъ отъ году: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уходитъ половина, кто на лѣсные промыслы, кто въ столицу; а это указываетъ на то, что «перекатная голь» не въ состояніи прокормиться землей и понемногу уступаетъ ее кому то другому. Условія хозяйства въ этой рѣдко населенной болотно-лѣсистой странѣ не слишкомъ то измѣнились по сравненію съ прошлымъ, они все еще таковы, что даютъ извѣстный просторъ личной самодѣятельности, которая въ нашъ капиталистическій вѣкъ дѣйствуетъ успѣшно лишь на почвѣ извѣстнаго достатка. Если раньше расширеніе обрабатываемаго участка зависѣло исключительно отъ рабочей силы семьи, то теперь при наличности наемнаго труда оно стоитъ въ гораздо большей зависимости отъ денегъ... богатый увеличиваетъ свои владѣнія, бѣдный лишается того немногаго, что имѣлъ.

Этому процессу ставитъ нѣкоторые препоны разрядъ «справныхъ хозяевъ», среди которыхъ имѣетъ наибольшее развитіе артельное начало. Такіе хозяева, не имѣя возможности превратить болото въ пашню или сѣнокосъ единоличными усиліями, соединяются для этой цѣли въ артели, такъ называемыя себры; этимъ путемъ каждый изъ членовъ артели увеличиваетъ свою «личную»

недвижимость, благодаря чему онъ повышаетъ свои шансы современемъ попасть въ разрядъ богачей. Изъ перекатной голи понемногу рекрутируется армія наемныхъ рабочихъ, которыми буквально торгуютъ «десятники», «рядчики», т. е. поставщики рабочихъ рукъ на разные промыслы. Каждый недородъ, а они часты въ Олонецкой губерніи, усугубляетъ неравенство, и бѣдняки постепенно должаютъ «справнымъ» и богачамъ. И немудрено, — весною бѣдняки покупаютъ у нихъ свой же, проданный осенью хлѣбъ по вдвое возросшей цѣнѣ!

Волостное владѣніе способствовало въ свое время равномѣрному разселенію, вызывая возникновеніе «починковъ». Общинное и личное владѣніе, наоборотъ, благопріятствуетъ концентраціи населенія въ большихъ селеніяхъ. Волостное владѣніе и почти чистое натуральное хозяйство преобладаютъ въ рѣдко населенныхъ сѣверныхъ частяхъ, тогда какъ въ южныхъ болѣе густо населенныхъ уѣздахъ, которые въ скоромъ времени пересѣчетъ желѣзная дорога на Петрозаводскъ, оно отошло въ область прошлаго.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что рядъ разумныхъ экономическихъ мѣропріятій могъ-бы привести къ тому, что при жизненности артельнаго начала обитатели Олонецкой губерніи обезпечили бы себѣ съ помощью его болѣе свѣтлое будущее. Дѣйствительно— земли много, при расчисткѣ лѣса и по осушкѣ многихъ болотъ ея могло бы хватить всѣмъ, проведеніе дорогъ сильно подняло бы промышленность края, но... событія, протекающія въ этомъ глухомъ краѣ съ особенной медленностью, направляются совсѣмъ не въ томъ направленіи, какое выгодно подавляющей массѣ населенія. Правда, въ Олонецкой губерніи нѣтъ помѣщиковъ, а потому отсутствуютъ и многія явленія, характеризующія сіе «рыцарское» сословіе, но роль его съ успѣхомъ выполняютъ сельскіе богачи, которые наряду съ чиновниками заполняютъ здѣшнее земство. Не говоря уже про то, что перереформированное въ недавнее время земство вообще потеряло значительную долю своей полезности, оно въ Олонецкой губерніи носитъ еще специфическій характеръ: покорное по отношенію къ власти, оно не очень то близко принимаетъ къ сердцу интересы населенія, за что и пользуется въ его средѣ вполнѣ заслуженной непопулярностью. Не трудно конечно понять, къ чему клонитъ дѣло, когда засиліе во всемъ беретъ все болѣе усиливающаяся сельская буржуазія, хотя бы здѣшніе представители ея выгодно отличались отъ своихъ собратьевъ, извѣстныхъ повсюду въ Россіи подъ именемъ

«кулаковъ», своей большей культурностью и обнаруживаемою подчасъ представителями ея готовностью удѣлить часть заглотаннаго куска на пользу общую. Мѣстные Финогены и, живущіе куда чище и благообразнѣе россійскаго г-на Колупаева, съ особенной охотой жертвуютъ на школы, которыя въ Олонецкой губерніи нерѣдко поражаютъ своимъ благоустройствомъ.

Такъ напр., прекрасно устроенное народное училище въ селѣ Лугахъ Каргопольскаго уѣзда вызвано къ жизни всецѣло усиліями мѣстнаго богатаго крестьянина Е. П. Попова, причемъ цѣль его заключалась вовсе не въ томъ, чтобы раздобыть себѣ такимъ способомъ медаль или благодарность начальства. Кромѣ многихъ школъ, обитатели губерніи обязаны своимъ богачамъ многими другими общеполезными сооруженіями, въ числѣ которыхъ особенно выдѣляются мосты, гати, дороги. Построеніе мостовъ еще въ древнія времена представляло «подвигъ», которому съ особенной любовью предавались мѣстные вольные устроители края изъ числа раскольниковъ

Это обстоятельство не слѣдуетъ, конечно, приписывать особенной культурности Олонецкихъ Финогенычей, мы скорѣе склонны видѣть въ этомъ явленіи вліяніе давнихъ демократическихъ началъ, сохранившихся въ бытѣ и нравахъ населенія благодаря расколу, этому цѣнному обломку древней Руси, скрывшему въ своей изуродованной, продавленной, общипанной игрою судебъ оболочкѣ не одно пустое восмиконечіе и двуперстіе.

Изъ общаго числа 376.102 ч., составляющихъ населеніе Олонецкой губерніи, оффиціальная статистика зарегистрировала всего только 5.244 ч., уклоняющихся отъ православія, изъ нихъ 2.383 ч. единовѣрца и 2.871 ч. раскольника. Надо ли говорить, что цифра эта совершенно невѣрна. Населеніе уѣздовъ Повѣнецкаго, Пудожскаго и Каргопольскаго, русскіе и карелы,—чуть ли не сплошь раскольники, числящіеся однако по спискамъ православными. Восьмиконечные кресты, старинныя иконы и книги, двуперстіе, особая посуда, отвращеніе къ табаку и вину — вотъ первые, легко кидающіеся въ глаза признаки принадлежности къ расколу. Многократныя гоненія, закончившіяся въ 1854 г. настоящимъ погромомъ, связанныя съ ними строгости, стѣсненія, жестокое и оскорбительное отношеніе къ личности раскольника и его святынямъ со стороны духовенства, особенно работавшихъ здѣсь одно время миссіонеровъ, не гнушавшихся доносовъ и прибѣгавшихъ на каждомъ шагу къ дѣятельному содѣйствію поли-

ціи, привели къ тому, что расколъ надѣлъ на себя личину православія, но пустующія церкви и многочисленныя записи духовныхъ пастырей, ежегодно отмѣчающихъ въ своихъ спискахъ противъ именъ пасомыхъ ими «православныхъ», — «не былъ у исповѣди и св. причастія по нерадѣнію» или «по болѣзни», указываютъ, что населеніе еще упорно придерживается старой вѣры.

Расколъ старообрядства, возникшій въ серединѣ 17-го вѣка по поводу исправленія Никономъ церковныхъ книгъ, вылился вскорѣ въ болѣе широкое опозиціонное движеніе, въ которомъ недовольство существующимъ порядкомъ сплелось самымъ запутаннымъ образомъ съ консервативнымъ желаніемъ уберечь національную старину отъ постепенно надвигавшихся на нее элементовъ новой, именно западной культуры. Отсутствіе теоретической научной мысли, берущей на себя руководительство народнымъ сознаніемъ, въ чемъ допетровская Русь сильно походила на современный нашъ Китай, было причиной, почему это опозиціонное движеніе приняло въ высшей степени уродливыя формы и въ формулированіи своихъ требованій почти не вышло за предѣлы узкой церковности. Постепенное распространеніе правительственной власти на окраины, которыя были колонизованы свободною волной переселенцевъ, уходившихъ изъ центральныхъ областей Московскаго государства по самымъ разнообразнымъ причинамъ, большая свобода и самостоятельность этихъ новыхъ частей ростущаго государства, вотъ причины, почему расколъ нашелъ въ нихъ болѣе прочную опору и создавалъ себѣ здѣсь новыя формы. Неразвитая критически, туго работавшая русская мысль оперлась на вызванное Никономъ раздвоеніе въ безсознательной надеждѣ найти на этомъ пути свое собственное, національное выраженіе, развить новыя, добавочныя недостающія формы для развивавшейся жизни и создать этимъ путемъ систему соціальнаго строя, которая совмѣстила бы въ себѣ возможность дальнѣйшаго развитія на основѣ своего древняго, вѣками развивавшагося строя. Это стремленіе встрѣтило непреодолимое сопротивленіе съ одной стороны въ слишкомъ сильномъ правительствѣ, обладавшемъ несравненно болѣе дѣйствительными средствами и силами для того, чтобы направить народное развитіе по своему пути, выгодному для заправительскаго слоя націи и оправдываемому потребностями времени и логикой положенія, съ другой — въ собственной убогости мысли, безсильно и поверхностно скользившей по св. Писанію и Преданію, изъ котораго развитое сознаніе западнаго на-

рода извлекло опорные принципы для новыхъ религіозныхъ и соціальныхъ воззрѣній. Можетъ быть послѣднее обстоятельство не составило бы непреоборимаго препятствія, и упорная работа раскольничьей мысли выбралась бы изъ дебрей формальной церковщины на просторъ, куда ее выпирали непреклонныя требованія самой жизни, еслибы частыя и сильныя гоненія и разныя стѣсненія въ концѣ концовъ не вырвали бы изъ подъ ногъ упрямо боровшагося съ правительственною влтстью раскола матеріальной основы его силы. Какимъ образомъ умственное движеніе, упорная, хотя подчасъ и безплодная работа сознанія, характеризующая разныя толки раскалывавшагося въ свою очередь старовѣрія, понемногу находила болѣе раціональныя формы и сравнительно легко отбрасывала то, что сковывало и тормозило или могло тормозить въ будущемъ соціальное развитіе,—показываетъ исторія сѣвернаго раскола. Около 1685 г. расколъ разбился на поповщину и безпоповщину. Болѣе радикальная безпоповщина пошла по направленію, намѣченному еще при жизни протопопа Аввакума; основную мысль, легшую въ основу ея, можно формулировать такъ: разъ антихристъ народился и уже царствуетъ на землѣ (какъ училъ Аввакумъ), то значитъ православіе утрачено, и на землѣ нѣтъ болѣе ни истинной церкви, ни таинствъ, нѣтъ и не можетъ быть священства, и для общенія съ Богомъ не требуется посредничества церкви, а достаточно молитвы и религіозныхъ упражненій. Не отрицая брака, безпоповцы остановились на требованіи безбрачія, такъ какъ за отсутствіемъ священниковъ браки некому было совершать. Но такъ какъ подобное требованіе въ сущности неисполнимо, то вопросъ о бракѣ получилъ практическое, подсказанное жизнью разрѣшеніе, оставаясь въ теоріи крайне запутаннымъ. Мы ясно видимъ здѣсь, какъ скованная авторитетомъ мысль, покачнувшись на своей вѣковой основѣ отъ какихъ то по существу совершенно маловажныхъ разногласій (двуперстіе, трегубая алилуя, восьмиконечный крестъ и т. п.), въ своемъ логическомъ развитіи безтрепетно опрокидываетъ гораздо болѣе крѣпкія традиціонныя преграды и съ необычайной смѣлостью рѣшаетъ наново самые основные вопросы. Главнымъ райономъ первоначальнаго распространенія безпоповщины является сѣверное русское Поморье. Думаютъ, что это произошло оттого, что самыя природныя условія давно уже пріучили здѣшнее населеніе обходиться безъ поповъ. Но можетъ быть справедливѣе мысль,

что радикализмъ русскаго сѣвера, есть радикализмъ Сѣвера вообще—большая затрата труда, необходимость цѣлесообразной экономіи его на сѣверѣ, сравнительно съ веселящимся чувственнымъ Югомъ, устанавливаютъ здѣсь болѣе короткіе пути между дѣйствительностью и сознаніемъ и труднѣе мирятся съ занесенными издали и совершенно лишними здѣсь формами быта. Отсюда религіозный раціонализмъ сѣверянъ. Поморское согласіе, сложившееся на сѣверѣ, вскорѣ создало центръ и опору для всей безпоповщины въ знаменитой Выгорѣцкой обители, возникшей на рѣкѣ Выгѣ въ концѣ 17-го столѣтія. Отъ поморскаго согласія отдѣлилась въ 1706 г. федосѣевщина, а въ 1730 г. еще болѣе радикальная филипповщина; послѣ чего дробленіе безпоповщины на менѣе и болѣе радикальные толки пошло еще быстрѣе. Такъ изъ Федосѣевщины выдѣлилась титловщина, аристовщина; изъ филипповщины—пастухово согласіе, аароновщина. Затѣмъ появились странники или бѣгуны, нѣтовщина, или спасово согласіе, самокрещенцы, рябиновщина, дырники, средники, любушино согласіе, воздыхатели и т. п. мелкія секты, возникавшія уже въ иныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества.

Поморское согласіе, какъ сказано выше, отрицаетъ священство, предоставляетъ мирянамъ совершеніе таинствъ, которыя дѣлитъ на «нужнопотребныя» (крещеніе, покаяніе и причащеніе) и просто «потребныя» (остальныя четыре), бесъ которыхъ спасеніе возможно. По отношенію къ таинству брака Поморское согласіе держалось вначалѣ отрицательной точки зрѣнія, требуя для всѣхъ «дѣвства», но такъ какъ практически это оказалось трудноисполнимымъ и приводило къ неудобнымъ послѣдствіямъ, то поморскіе настоятели стали относиться терпимо къ бракамъ, совершеннымъ въ православной церкви, не признавая однако ихъ законными. Затѣмъ вошло въ обычай брачное сожительство безъ вѣнчанія въ церкви по одному взаимному согласію брачущихся. Наконецъ, въ настоящее время установился прежній взглядъ, подправленный особымъ компромиссомъ, т. е. всѣ должны вести безбрачную жизнь, но если кто женится безъ священническаго благословенія, тому общество его единовѣрцевъ не судья—каждый самъ даетъ въ томъ отвѣтъ Богу. Отказавшись отъ литургіи, поморцы имѣютъ однако свои богослуженія, отправляемыя въ часовняхъ. Въ Выговской пустыни были составлены «чины» этихъ

службъ: «чинъ всѣмъ богослуженіямъ непосвященныхъ мужей и женъ», «уставъ поморской службы церковной и келейной», «чинъ нехиротонисанныхъ для отправленія крещенія и покоянія», «чинъ очищенія жены родившей», чинъ для поставленія пастырей словесныхъ овецъ». Этотъ послѣдній чинъ есть благословеніе наставниками избираемаго лица въ собраніи народа, онъ сопровождается семипоклоннымъ «началомъ», краткими молитвами и славословіями и представляетъ такимъ образомъ посвященіе. Посвященное лицо получаетъ титулъ «благословеннаго отца». Принимая къ себѣ отказавшихся отъ православія, Поморское согласіе требуетъ отъ нихъ полнаго разрыва съ прежней церковью и потому перекрещиваетъ ихъ. До 1738 г. поморцы не молились за царя, но затѣмъ они постановили на соборѣ поминать Императорское Величество вездѣ, гдѣ значится по книгамъ, и приняли тропарь «Спаси Господи люди твоя»; но это «моленіе» не вошло въ ученіе, а является простымъ и внѣшнимъ приспособленіемъ къ «обстоятельствамъ».

Первыми основателями Поморскаго согласія были: Павелъ, бывшій епископъ Коломенскій, Досифей, игуменъ тихвинскаго Никольскаго монастыря и соловецкіе выходцы иноки: Епифаній, Германъ, Іосифъ, дьяконъ Игнатій, инокъ Корнилій и повѣнецкій крестьянинъ Емельянъ, но организовали его по настоящему Данила Викулинъ, дьячекъ изъ Шунги, и братья Денисовы—Андрей и Симеонъ, главные дѣятели и столпы Данилова монастыря или Выговской пустыни, ставшей благодаря имъ настоящимъ центромъ для безпоповщины всей Россіи.

Въ началѣ возникновенія раскола увѣренность въ томъ, что антихристъ народился и, стало быть, конецъ міра близокъ, разжигала ревность о вѣрѣ до готовности принять мученическій вѣнецъ. Еще Аввакумъ училъ, что насильственная смерть за вѣру вожделѣнна: «стоять въ вѣрѣ» надо непоколебимо, «страха человѣческаго не бояться, а надѣяться на Бога всенадежнымъ упованіемъ и смѣло по Христѣ страдать... хотя и бить станутъ и жечь... Что лучше сего? Съ мученики въ чинъ, съ апостолы въ полкъ, со святители въ ликъ. А въ огнѣ то здѣсь небольшое время потерпѣть. Боишься пещи той? Дерзай, плюй на нее, не бось! До пещи страхъ-отъ, а егда въ нее вошелъ, тогда и забылъ вся...» Такъ проповѣдывалъ Аввакумъ, и немало нашлось на сѣверѣ гонимыхъ и затравленныхъ бѣглецовъ, которые слѣдовали этому совѣту тѣмъ охотнѣе, что упорныхъ изъ нихъ безъ то-

го ждала пещь [1]). И самосожженія происходили въ ужасающихъ размѣрахъ. Только до 1690 г. на сѣверѣ сожглось не менѣе 20.000 ч. (изъ нихъ не болѣе 3.800 душъ до изданія указа 7 Апрѣля 1685 г., стало быть указъ значительно усилилъ это явленіе). Послѣдній случай самосожженія имѣлъ мѣсто въ Олонецкой губ. въ 1860 г., когда сожглось 15 ч. Какъ извѣстно этому предшествовалъ разгромъ 1855 г.

«Всюду бо мучительства мечъ обагрей кровію, неповинною новыхъ страстотерпцевъ видяшеся, всюду плачъ и вопль и стонаніе, вся темницы во градѣхъ и въ селѣхъ наполнишася христіанъ, древняго держащихся благочестія. Вездѣ чепи бряцаху, вездѣ вериги звеняху, вездѣ тряски и хомуты Ніконову оученію служаху, вездѣ бичи и жезліе въ крови исповѣднической повсядневно омочахуся... Оутопаху въ слезахъ села и веси, покрывахуся въ плачи и въ стонаніи пустыни и дебри... ови мечи оусѣкаеми, ови же огнемъ сожигаеми, и иніи инако скончеваеми, чесо ради, понеже елико праведно, толико и дерзновенно Ніконову противо стояху новшеству... куйте оубо мечи множайшія, оуготовляйте муки лютѣйшія, изобрѣтайте смерти страшнѣйшія, да и радость виновнику проповѣди будетъ сладчайшая. И бысть тогда лютое гоненіе и немилостивое неповинныхъ мучительство. Всюду плачъ, вопль и стонаніе слышашеся и на всякой души страхъ и трепетъ и колебаніе и оужасъ. Отъ лютаго гоненія и мучительства мнози людіе домы своя покидающе бѣгаху...

А вотъ и картина самосожженія:

«Отецъ Пиминъ со своими собравшися въ мѣсто зовомое въ Березовъ на волокъ въ деревню къ нѣкоему христолюбцу въ

---

[1]) По 12-ти статьямъ царевны Софьи отъ 7 апрѣля 1685 г. полагалось: 1) жечь въ срубѣ: тѣхъ, которые хулятъ господствующую церковь и производятъ въ народѣ мятежъ или соблазнъ и остаются упорными, а также и тѣхъ, которые у казни покорятся св. Церкви, но потомъ снова обратятся въ расколъ; наконецъ тѣхъ, которые увлекали другихъ на самосожженіе 2) Казнить смертію: тѣхъ, которые перекрещивали другихъ въ свою секту, и тѣхъ которые, перекрестившись, не соглашаются вернуться въ Церковь. 3) Бить кнутомъ и ссылать въ дальніе города: раскольниковъ, скрывающихъ принадлежность свою къ расколу, хотя бы послѣ и раскаялись; всякаго званія людей, укрывавшихъ раскольниковъ у себя въ домѣ и не донесшихъ на нихъ. Имущество казенныхъ и ссылаемыхъ конфисковалось на томъ основаніи, что на прогоны и жалованье „сыщикамъ шло много государевой казны“.

большую храмину и около хоромъ стѣну крѣпкую оградиша и оуготовившеся моляхуся Господу Богу день и нощь съ постомъ крѣпкимъ и со слезами многими и съ чистымъ покаяніемъ ожидающе пріѣзда гонителей: стѣны оубо и покровъ храмины отвсюду оутверждаетъ, да мучитиліе скоро и нечаянно въ домъ внити не возмогутъ оученики же своя на терпѣніе вооружаетъ на мученіе воздвизаетъ на страдалчество помазуетъ, да неоустрамившеся смертнаго страха, благочестія отбѣгнутъ и къ новшеству приступятъ. Посланный же съ Олонца началникъ, ѣдущій къ Березову на волоку съ ближнихъ волостей взявъ понятыхъ множество и пріѣхавъ гдѣ отецъ Пиминъ въ собраніи и обступиша храмину около и начаша приступати крѣпкимъ приступомъ ко оградѣ храминной, изо всего оружія стрѣляти съ великою яростію и гнѣвомъ, хотяще всѣхъ живыхъ взяти и на мученіе повести и пришедше къ стѣнѣ начаша топорами сѣщи стѣны. Видѣвъ же отецъ Пиминъ со своими собранными ихъ лютое нападеніе, суровое свирѣпство, звѣрскую наглость въ руки немилостивыя вдатися трепетаху, да не како собранное его стадо, въ расхищеніе и попраніе будетъ, скончашеся огнемъ благочестно и съ нимъ къ другой тысящи нѣсколько народа».

Въ этихъ самосожженіяхъ, дымъ и смрадъ отъ которыхъ стлался по Олонецкимъ лѣсамъ, многіе и даже ученые изслѣдователи видѣли проявленіе какого то нелѣпаго упорнаго фанатизма. Но это невѣрно. Самосожженіе—логика кроткаго отчаянія, послѣднее средство слабаго, борющагося за дорогую ему свободу совѣсти и мысли, свободы недалекой, узкой, но все же свободы, мысли — наивной, младенческой, но все же мысли. Жизнь, требующая отъ религіозныхъ идей безкорыстнаго служенія своимъ сокровеннымъ, несознаваемымъ людьми, но могучимъ стремленіямъ, создала въ данномъ случаѣ то же высокое воодушевленіе, какое привыкли видѣть въ древнихъ мученикахъ христіанства; и здѣсь, какъ и тогда, вызванная этимъ движеніемъ моральная сила обезпечила на время подъемъ организованнаго существованія, что ярко выразилось между прочимъ въ дѣятельности и процвѣтаніи Выговской пустыни, этой своеобразной маленькой республики, успѣшно несшей на себѣ и выполнявшей среди сѣверныхъ топей и лѣсовъ высокія культурныя задачи. Кто знаетъ, какую картину представляла бы собою вся великая Озерная область, еслибы этой силѣ было открыто свободное поле дѣятельности. Далеко за океаномъ, гдѣ небыло «началника съ Олонца», при сходныхъ

условіяхъ выросли города Бостонъ, Филадельфія, а вскорѣ затѣмъ Нью-Іоркъ и Чикаго...

Познакомимся же вкратцѣ съ дѣятельностью нѣкогда знаменитой, а нынѣ уже не существующей пустыни. Мы уже сказали выше, что начало организаціи, объединившей въ одну общину многочисленныя кельи поселившихся на Выгѣ «старцевъ», бѣглецовъ изъ Соловецкаго монастыря, положилъ Шунгскій дьячекъ Данила Викуловъ въ 1695 г. Дѣло не обошлось безъ пророчества, которое легенда приписываетъ вышеупомянутому старцу Пимину: «бывшу оунего (у Пимина) нѣкогда въ Корельскихъ пустыняхъ изъ Поморія Даніилу Викулову и бесѣдовавшу съ нимъ и доволно о пользѣ душевнѣй и егда Даніилъ начатъ въ путь свой отходити, тогда отецъ Пиминъ изыде проводити его и понеже путь бѣ рѣка, въ лодку собрашася и Даніилъ оубо сѣде къ весламъ хотя грести, оученику же отца Пимина остася мѣсто на кормѣ, Пиминъ же сѣде по средѣ лодки, пророчествова духомъ глаголаше Даніилу: ты Даніиле сяди на корму зане ты будеши кормикъ и правитель добрый христіанскому послѣднему народу въ Выговской пустыни»... Какъ не вспомнить при этомъ знаменитое: «ты еси Петръ и на семъ камнѣ созижду Церковь Мою»...

Кромѣ Викулова, на Выгѣ жили еще два необыкновенныхъ человѣка—братья Андрей и Семенъ Денисовы съ сестрой Соломоніей, поселившіеся здѣсь еще въ 1692 г. Время вскорѣ наступило благопріятное—воцарился Петръ. Реформы его сильно поспособствовали возростанію числа всякихъ бѣглыхъ, находившихъ себѣ гостепріимный пріютъ у раскольниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣли гоненія, потомучто практическій геній Петра съ удивительной проницательностью разгадалъ культурное значеніе раскола, какъ бы это явленіе не сплеталось съ различными мятежами, «мрачившими начало славныхъ дней». На своемъ походѣ 1702 г. черезъ Олонецкую губ. Петръ проходилъ мимо Выговской пустыни. «Прослыша о проходѣ черезъ ихъ мѣста Петра, выгорѣцкіе раскольники выслали ему навстрѣчу своихъ старшинъ съ хлѣбомъ-солью. Зная, что они будутъ являться тому, кого они считали антихристомъ, кто былъ для нихъ звѣремъ апокалипсиса, и чей титулъ представлялъ собой «звѣриное число», выгорѣцкіе старшины порядкомъ струсили. Они ждали увидѣть грознаго судію своего отщепенства и знали напередъ, что Петру наговорили объ нихъ нивѣсть чего.

— Что за люди? — спросилъ царь, по словамъ мѣстнаго преданія.

— Это раскольщики,—поторопился объяснить какой то бояринъ,—властей не признаютъ духовныхъ, за здравіе вашаго царскаго величества не молятся.

— Ну, а подати платятъ исправно?—справился прежде всего практическій Петръ.

— Народъ трудолюбивый — не могъ не сказать правды тотъ же ближній человѣкъ,—и недоимки за ними никогда не бываетъ.

— Живите же, братцы, на доброе здоровье, о царѣ — Петрѣ пожалуй хоть не молитесь, а раба Божія Петра во святыхъ молитвахъ иногда поминайте—тутъ грѣха нѣтъ [1]).

Въ исторіи Выговской пустыни, составленной раскольникомъ Иваномъ Филиповымъ, кромѣ этого упоминается еще одинъ случай, обрисовывающій трезвый взглядъ Петра на расколъ. Вотъ этотъ эпизодъ:

«Въ то же время самоволникъ нѣкто, не могій понести пустыннаго житія изшедъ изъ монастыря своеволнѣ, и скитаяся по Волгѣ, въ нижегородскихъ городахъ хождаше съ прочими бурлаками, и поймаше ихъ будто на воровствѣ и по испытанію за воровство хотяху смерти предати: оной же избывая смерти, сказа за собою слово Государево и свезоша его въ Москву въ Преображенское и тамо начаша спрашивати, онъ же нача на Выговскую пустыню и на настоятелей и на братію, что живутъ въ старовѣрствѣ, и иныя неправедныя рѣчи діаволомъ наученъ сказовати, чего не возможно писанію предати, хотя імператорское величество на гнѣвъ подвигнути къ разоренію Выговской пустыни... Но въ то время, что сотвори Богъ оудивленію достойно: съ Петровскихъ заводовъ (изъ Петрозазодска) началникъ завоцкой, иноземецъ Вилимъ, написавъ отписку милостиву противъ данной съ монастыря скаски, въ Москву къ его імпіраторскому величеству и посла со отпискою своего деньщика, да монастырскаго съ нимъ брата Никифора Семенова, и пріѣхавъ оные въ Москву. А въ то время бысть на Москвѣ, и иные Государевы великіе розыскные дѣла, въ нѣкихъ важныхъ винахъ о нѣкоихъ боярѣхъ: и его імператорское величество, въ то время вельми гнѣвенъ и печа-

---

[1]) Лѣтописецъ Выговской пустыни Иванъ Филиповъ, описывая страхи выговцевъ въ ожиданіи проѣзда царя, не упоминаетъ объ этой бесѣдѣ, а просто приводитъ слова Петра: „пускай живутъ!“ Ист. Выг. Пуст. стр. 115.

ленъ. И оной отписки никто подати не смѣяше, что въ такое время не чаютъ милости пріобрѣсти. А преже того оного доносителя въ Преображенскомъ самъ імператорское величество на словахъ допрашивалъ и оуразумѣлъ въ немъ составное коварное напрасное дѣло, избывая своей смерти, что въ такихъ смиренныхъ пустынныхъ изганныхъ людехъ того не чаетъ быти, и не было, томко распрашиваше правды: но на вышеписанное возвратимся и многимъ показоваше отписку, вси отговариваються, и показаста господину Андрею Ивановичу Оушакову, и сказаста про дѣло словесно, и отъ Вилима заводскаго грамотки ему подаша. Онъ же веземъ оную отписку, подавъ его імператорскому величеству, онъ же пріятъ разсмотривъ ю не единократно и положи ю къ себѣ въ свой корманъ, а подъячему своему оуказа и сказа ему, какъ будемъ въ Новѣгородѣ, помяни о семъ мнѣ и не забуди, а самъ послѣ поѣхавъ чрезъ Новъ городъ въ Питербурхъ и бысть въ Новѣ городѣ нѣсколько времени. Оной его подъячей, поминалъ ли, или ни, про то никто не вѣдаетъ, точію его величество, будучи въ Новѣ городѣ спросилъ: еще ли сѣдитъ Выговскій пустынникъ Семенъ Денисовъ [1]), они же сказаша ему, что оушелъ, онъ же глагола: Богъ с нимъ, и поѣхавъ с Нова города въ Питеръ и на пути ѣдучи спалъ онъ імператорское величество и прохватился, приказалъ своих коней поставити на пути, и призвавъ писаря, повелѣ написати на заводъ оуказъ къ завоцкому начальнику, чтобъ онаго пустынника Даніила Викулова [2]) ис под караула спустить на свободу в свою пустыню, и о том ни о чемъ не розыскивать и подписалъ своею рукою на скорѣ, и приказа своего изъ сержантъ Преображенского полку сержанта и давъ ему оуказъ, повелѣ ему ѣхати на заводы на скорѣ, на почты день и нощь, и отдати оуказъ» [3]).

Эпизодъ чрезвычайно характерный: гнѣвный, печальный Петръ, допрашивающій по политическому дѣлу бояръ, не забываетъ про какихъ то пустынножителей, томящихся за карауломъ, лично вхо-

---

[1]) Семенъ Денисовъ былъ арестованъ до этого, и послѣ допроса у Петра, приказавшаго не пытать его, сидѣлъ долго въ Новгородѣ въ заключеніи, пока не освободился благодаря неустаннымъ хлопотамъ своего брата Андрея.

[2]) Даніилъ Викуловъ и другіе пустынножители были по этому же навѣту арестованы въ Петрозаводскѣ начальникомъ завода Вилимомъ.

[3]) Иванъ Филипповъ, „Исторія Выговской старообрядческой пустыни“, стр. 152—4.

дитъ въ дѣло и приказываетъ отпустить ихъ на свободу, чего не могло бы быть, еслибы царь хоть на мгновеніе западозрилъ взятыхъ поморцевъ въ прикосновенности къ какимъ нибудь политическимъ дѣламъ. Такимъ образомъ Выговская пустыня или Даниловъ монастырь [1]) уцѣлѣла. Эта община особенно увеличилась именно при Петрѣ, реформы котораго много способствовали увеличенію числа бѣглыхъ. Сюда принимали всѣхъ приходящихъ: кого перекрещивали, а кого вмѣсто троеперстія обучали креститься двумя перстами. Руководители общины понимали, что весь этотъ гонимый и преслѣдуемый сбродъ есть полезная рабочая сила, требующая только организаціи. Такимъ образомъ расколъ отчасти исправлялъ то, что само государство разрушало во вредъ себѣ. Многолюдство привело вскорѣ къ раздѣленію пустыни, и возлѣ Данилова возникла въ 1706 г. Лекса, женская обитель. Избытокъ рабочихъ рукъ позволилъ общинѣ расширить хозяйство, для чего съ 1700 г. она начинаетъ заарендовывать обширныя площади казенной земли, на которой возводятся необходимыя хозяйственныя постройки, гдѣ лѣтомъ живутъ рабочіе, а для сообщенія съ пустынью черезъ топи и лѣса были проведены дороги и построены мосты. На дорогахъ монастырь ставилъ постоялые дворы, гдѣ путники и ихъ кони находили пріютъ и продовольствіе даромъ, т. е. за счетъ обители. Кромѣ расширенія пашеннаго хозяйства, обитель стала снимать рыбныя ловли на озерахъ (на Выгѣ, Водло) и посылать ватаги своихъ промышленниковъ на Мурманъ, на Новую землю и даже на Шпицбергенъ. Наконецъ Андрей Денисовъ убѣдилъ братію заняться торговлей хлѣбомъ; это произошло, вѣроятно, благодаря тому обстоятельству, что во время частыхъ недородовъ, Выговскіе старцы посылали своихъ приказчиковъ на Волгу, на Низъ, за хлѣбомъ, а затѣмъ, смекнувъ, какую пользу можно извлечь изъ этого дѣла при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, стоявшихъ въ Петербургѣ, они занялись хлѣбной торговлей уже не изъ человѣколюбія, а ради выгодъ. Торговля эта приняла такіе размѣры, что монастырь выстроилъ въ разныхъ мѣстахъ пристани и подворья. Главной пристанью служила Пигматка на с. берегу Онежскаго озера. Понятно, что Выговская пустынь и ея колоніи росли, богатѣли и понемногу превращались въ людные, оживленные городки. Порядокъ въ этомъ городѣ-монастырѣ былъ основанъ на мѣстной конституціи,

[1]) По имени его основателя Даніила Викулова.

особомъ уложеніи, составленномъ Андреемъ Денисовымъ. Строгіе подвижники и противники брака жили въ самой пустыни, а всѣ «не могшіе вмѣстить» разселились по сосѣднимъ скитамъ и кельямъ и крестьянствовали. По внутреннимъ своимъ порядкамъ Выговская пустынь представляла небольшую демократическую республику съ широкимъ примѣненіемъ принципа самоуправленія. Всѣ дѣла, касавшіяся какого нибудь скита, рѣшались общими мірскими собраньями всѣхъ жителей скита; что же касается дѣлъ, касавшихся всей населенной территоріи пустыни, то таковыя обсуждались и рѣшались на общемъ собраніи представителей всѣхъ выгорѣцкихъ скитовъ. Исполнительная власть т. е. отвѣтственное руководство всѣми дѣлами общины находилась въ рукахъ Киновіарха или большака, которому были подчинены другіе выборные чины и должностныя лица, кто по хозяйственной части, кто по духовной. Однако, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ большакъ долженъ былъ сообразоваться съ постановленіями «собора». Въ скоромъ времени, благодаря искусству и уму своихъ большаковъ, Выговская пустынь стала центромъ для всей русской безпоповщины. Въ ея мастерскія и школы раскольники присылали учиться своихъ дѣтей, особенно дочерей (бѣлицъ), подобно тому какъ это дѣлалось и на Западѣ. Кромѣ школъ грамотности, на Выгѣ были заведены школы переписчиковъ раскольничьихъ книгъ, школы пѣвцовъ, иконописцевъ. Ревнители старины собрали изъ всѣхъ уголковъ Руси и схоронили здѣсь отъ свѣта богатѣйшую коллекцію древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, не только богослужебныхъ, но всякихъ: тутъ были и риторики и грамматики, космографіи, лѣтописи, хронографы, философскія сочиненія, книги на польскомъ, литовскомъ и малорусскомъ языкахъ. Словомъ матеріальная и духовная жизнь теплилась въ этомъ уголку, затерянномъ среди болотъ и лѣсовъ подъ хмурымъ, холоднымъ небомъ, и отсюда разумныя начала организованнаго строя распространялись во всѣ стороны, приводя постепенно страну въ культурное состояніе. Сильная своимъ просвѣщеніемъ Выговская пустынь дала расколу цѣлый рядъ дѣятелей, которые привели его въ систему и написали цѣлый рядъ сочиненій, касавшихся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Отсюда понятно, почему здѣшніе расколоучители пользовались во всемъ раскольничьемъ мірѣ, безъ различія толковъ и согласій, необыкновеннымъ уваженіемъ и вліяніемъ.

Разумѣется, богатая и вліятельная раскольничья община не могла

не обратить на себя вниманія власти. При Петрѣ, однако, ихъ оставили въ покоѣ. Указъ 1703 г. предоставлялъ имъ свободу совѣсти, обязавъ только приписаться и отправлять въ видѣ повинности разныя работы при вновь устроенныхъ повѣнецкихъ горныхъ заводахъ. Чуждые чисто политическихъ тенденцій выговцы въ совершенствѣ постигли искусство проведенія своей утлой ладьи по необозримому морю нѣмецко-московской канцелярщины. Располагая значительными средствами, они не только привлекали къ себѣ нужныхъ людей изъ мѣстнаго чиновничества, но имѣли своихъ агентовъ и разныя «заручки» въ самой столицѣ. Благодаря этому, они съ успѣхомъ сбывали съ рукъ всякія слѣдственныя коммиссіи и при случаѣ переходили даже въ наступленіе; такъ по поводу собесѣдованій посланнаго къ нимъ сунодомъ іеромонаха Неофита (въ 1722 г.), они составили знаменитые «Поморскіе отвѣты» - главный трудъ Выговскихъ расколоучителей. Особенную тревогу и много хлопотъ причинила имъ слѣдственная коммиссія Самарина 1739 г., наряженная по извѣту бывшаго пустынножителя Круглова, донесшаго изъ злобы на пустынь, что дескать выговцы не молятся за царя. Такъ оно и было до того времени. Выговцы изъ политики уступили, хотя вопросъ этотъ вызвалъ не мало споровъ, и дѣло даже кончилось выдѣленіемъ непримиримыхъ. Со второй четверти 19-го ст. начинается упадокъ пустыни, вызванный рядомъ мѣръ, предпринятыхъ для борьбы съ расколомъ. И всетаки еще въ 1835 г. выговцы имѣли въ своемъ распоряженіи болѣе 13.000 десятинъ земли и разными промыслами и доходными статьями собирали ежегодно до 200.000 р. (т. е. по нынѣшнимъ цѣнамъ до милліона). Но окончательный, непоправимый ударъ пустыни, причинилъ погромъ 1855 г. Проживавшихъ въ Даниловѣ и Лексѣ раскольниковъ разослали на мѣста ихъ приписки по ревизіи, скиты обращены въ селенія государственныхъ крестьянъ, часовни и молельни, которыхъ насчитывалось въ то время около 50, частью закрыты, частью превращены въ православные храмы, древнія иконы, старопечатныя книги отобраны и вывезены на возахъ, могилы основателей и дѣятелей безпоповства осквернены и сравнены съ землей. Теперь на мѣстѣ богатаго, красиваго монастыря остались одни гніющія пустыя строенія, доживающія свой вѣкъ среди заростающихъ сорными травами пустырей. «Довольно прочесть исторію Филиппова, — пишетъ г. Майновъ [1]), — посѣтившій раззоренныя обители около 30 лѣтъ

[1]) Майновъ, стр. 210.

тому назадъ, довольно послушать разсказы стариковъ о поѣздкахъ на Грумантъ, въ Америку, о гавани Пигматкѣ, о рудномъ монастырскомъ дѣлѣ, чтобы видѣть вліяніе скитовъ на народное богатство.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	*Слѣдуетъ*:	*Стр.*	*Строка.*
геотентопическіе	геотектоническіе	118	12 снизу.
представляючъ	представляютъ	122	4 сверху.
жѣлезный	желѣзный	122	1 снизу.
Питкоранды	Питкаранды	126	10 „
крошки	крошни	137	1 „
доставляющій	составляющій	142	12 сверху.
и тѣмъ отвлекая	и тѣмъ отвлекаетъ	157	6 „
хоріусъ	харіусъ	158	1 „
дальнѣйшія	древнѣйшія	161	13 снизу.
воды	«Водь»	161	6 „
зырянъ или мордву	мордву	167	12 сверху.
Финогены и	Финогенычи	180	3 „
нашъ Китай	намъ Китай	181	16 „
вятстью	властью	182	8 „
филипповщина; послѣ чего	филипповщина, послѣ чего	183	12 „
бесъ	безъ	183	16 снизу.
покоянія	покаянія	184	3 сверху.
западозрилъ	заподозрилъ	190	2 „

Оглавленіе.

Глава первая.

Глава вторая.

Глава третья.

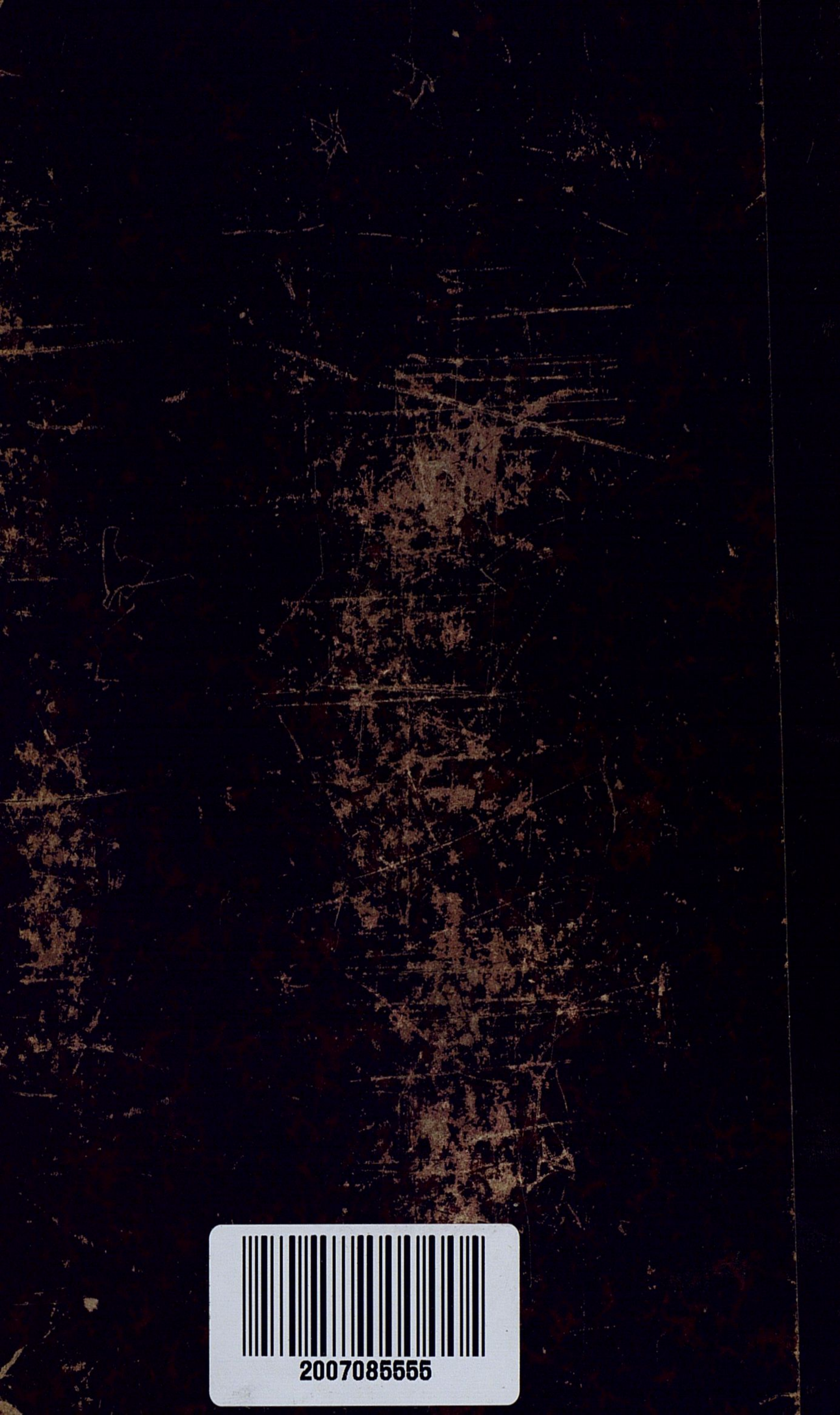
Глава четвертая.

Глава пятая.

Глава шестая.

Глава седьмая.

Глава восьмая.


2007085555